

Фредерик ПОЛ

ХИЧИ
ВСТРЕЧА С ХИЧИ
АННАЛЫ ХИЧИ

Фредерик Пол

Встреча с хичи. Анналы хичи

Серия «Мастера фантазии»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69513055

Фредерик Пол. Встреча с хичи. Анналы хичи (сборник): Издательство

АСТ; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-145513-2

Аннотация

Вот и явились те, кого человечество надеялось встретить, в то же время страшась этой встречи. Представители высшего разума – хичи. Существа, располагающие технологиями, помогающими землянам во многих сферах, но при этом и поставившими Землю на грань катастрофы. Нас ждут волнующие рассказы о Большом взрыве и черных дырах, о сталкивающихся фотонах, о других измерениях и населении чужих планет, о терроризме и искусственном разуме, о мертвых, которые не вполне мертвы, и о том, что движет человечеством в его устремлениях...

Содержание

Встреча с хичи	5
Конец ознакомительного фрагмента.	215

Фредерик Пол

Встреча с хичи.

Анналы хичи (сборник)

Frederik Pohl

Heechee Rendezvous

The Annals of the Heechee

Печатается с разрешения Curtis Brown Ltd. and Synopsis
Literary Agency.

© Frederik Pohl, 1984, 1987

© Перевод. А. Грузберг, 2021

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Встреча с хичи

Пролог

Разговор с моей подпрограммой

Я не Гамлет. Я слуга хозяина, по крайней мере так меня называли бы, если бы я был человеком. Но я не человек. Я компьютерная программа. Это вполне достойный статус, и я совсем не стыжусь его, особенно учитывая, что (как вы вскоре узнаете) я очень сложная программа, способная не только рассчитать прогрессию или подготовить сцену, но и процитировать стихи какого-нибудь забытого поэта двадцатого века.

Сейчас я начинаю готовить сцену. Меня зовут Альберт, и мой конек – представления. Начну с представления самого себя.

Я друг Робинетта Броудхеда. Ну, это не совсем точно; я не уверен, что могу считаться другом Робина, хотя очень стараюсь быть им. Именно с этой целью я (именно данное конкретное «я») был создан. В общем-то я простая компьютерная программа, способная собирать и оценивать инфор-

мацию, но мне приданы многие черты покойного Альберта Эйнштейна. Поэтому Робин зовет меня Альбертом. Здесь есть одна неясность. Поскольку вопрос о том, кто такой Робинетт Броудхед как объект моей дружбы, впоследствии тоже станет спорным, возникает вопрос, кто же такой Робинетт Броудхед в настоящее время, но эта проблема трудная, до решения ее еще далеко, и нам нужно подходить к ней постепенно.

Я понимаю, что все это весьма затруднительно, и не могу не чувствовать, что выполняю свою работу недостаточно хорошо, а она, как я понимаю, состоит в том, чтобы подготовить сцену для появления самого Робина. Но вы можете пропустить мои слова и перейти к самому Робину, как предпочел бы поступить, несомненно, сам Робин.

Представление проведем в форме вопросов и ответов. Я создам специальную подпрограмму внутри моей программы, и она будет расспрашивать меня.

Вопрос: Кто такой Робинетт Броудхед?

Ответ: Робин Броудхед – это человек, который отправился к астероиду Врата и, подвергая себя большому риску, положил начало огромного состояния и еще немало комплекса вины.

В.: Не создавай головоломок, Альберт, излагай только факты. Что такое астероид Врата?

О.: Это артефакт, оставленный хичи. Примерно полмил-

лиона лет назад они оставили что-то вроде орбитального летающего гаража, полного действующих космических кораблей. Корабли могут отнести вас в любое место Галактики, но вы не можете контролировать их полет. (Если нужны подробности – см. сопроводительные материалы; я помещаю их, чтобы показать вам, на что способна действительно сложная компьютерная программа.)

В.: Оставь это, Альберт! Только факты, пожалуйста. Кто такие хичи?

О.: Давай кое-что проясним. Если «ты» собираешься задавать «мне» вопросы – хотя «ты» всего лишь подпрограмма программы «я», – ты должен дать мне возможность отвечать наилучшим способом. «Фактов» недостаточно. «Факты» способна производить самая примитивная информационная система. Я слишком хорош, чтобы тратить на это: я могу дать фон и окружение. Например, для того чтобы наилучшим образом объяснить, кто такие хичи, я должен начать с их первого появления на Земле. Примерно так.

Время – около полумиллиона лет назад, конец плейстоцена. Первым живым земным существом, которое узнало о появлении хичи, оказалась самка саблезубого тигра. Она родила двух тигрят, облизала их, зарычала, чтобы отогнать своего любопытного самца, уснула, проснулась и обнаружила, что одного детеныша нет. Хищники не...

В.: Альберт, пожалуйста. Это рассказ о Робинетте, не о тебе, так что начинай с него.

О.: Я тебе уже сказал и еще раз повторю. А если еще раз прервешь, я просто выключу тебя, подпрограмма. Будем поступать по-моему, а по-моему – значит так:

Хищники не очень хорошо считают, но тигрица была достаточно умна, чтобы понять разницу между одним и двумя. К несчастью для детеныша, у хищников дурной характер. Потеря детеныша разъярила самку, и в приступе ярости она убила и другого. Интересно отметить, что это был единственный смертельный случай среди крупных млекопитающих в результате первого посещения хичи Земли.

Десять лет спустя хичи вернулись. Они вернули некоторые взятые ими образцы, включая самца тигра, повзрослевшего и откормленного, и взяли новую партию. На этот раз не четвероногих. Хичи научились отличать одних хищников от других и на этот раз взяли группу волочащих ноги существ, ростом в четыре фута, со скошенными лбами, мохнатыми лицами, лишенными подбородков. Это были далекие побочные предки, которых вы, люди, назовете *Australopithecus afarensis*. Их хичи не вернули. Они считали, что эти земные существа обладали наибольшими возможностями для появления разума. Таких животных они хотели использовать в программе, которая должна была ускорить эволюцию австралопитеков к нужной хичи цели.

Разумеется, в своих исследованиях хичи не ограничивались планетой Земля, но в Солнечной системе не оказалось больше ничего для них подходящего. Они искали. Исследо-

вали Марс и Меркурий, пронеслись сквозь облачные атмосферы газовых гигантов за поясом астероидов, обнаружили Плутон, но даже не побеспокоились навестить его, пробили туннели в астероиде с эксцентрической орбитой, превратив его в нечто вроде ангара для своих космических кораблей, и изрыли всю поверхность Венеры каналами. Они выбрали Венеру вовсе не потому, что предпочитали ее климат земному. В сущности, поверхность Венеры нравилась им не больше, чем людям: все их сооружения располагались под поверхностью. Но они решили, что сооружениям быть здесь, потому что на Венере не было жизни и они ничему не могли повредить, а хичи никогда, НИКОГДА не причиняют вреда ничему живому – разве что в случае крайней необходимости.

Хичи не ограничивались и Солнечной системой. Их корабли летали по всей Галактике и за ее пределы. В Галактике свыше двухсот миллионов объектов, больших, чем планета, и они их все нанесли на карты; и множество меньших тоже. Корабли хичи навещали не каждый объект. Но ни одного не миновали их беспилотные корабли или инструментальное изучение спектра, а некоторые объекты стали тем, что можно назвать туристскими аттракционами.

И очень немногие объекты – сущая горсточка – содержали редкостное сокровище, которое искали хичи, – жизнь.

Жизнь редка в Галактике. Разумная жизнь, как определяли ее хичи, еще реже... но она имелаась. Земные австралопитеки уже начали использовать орудия труда и начинали со-

здавать общественные институты. А еще существовала многообещающая крылатая раса – в районе, который люди потом называли созвездием Змееносца. А также существа с мягкими телами на огромной планете с высокой силой тяжести, которая вращается вокруг звезды типа F-9 в созвездии Эридана; четыре или пять различных типов существ на планетах вокруг далеких звезд по ту сторону центра Галактики; они скрыты облаками газа и плотными звездными скоплениями от наблюдения со стороны Земли. Всего насчитывалось пятнадцать видов на пятнадцати планетах, на тысячи световых лет удаленных друг от друга; можно было ожидать, что у них разовьется разум и довольно скоро они будут способны писать книги и строить машины («довольно скоро», с точки зрения хичи, это в пределах одного миллиона лет).

Помимо хичи, существовали еще три технологические цивилизации и артефакты еще двух, исчезнувших.

Итак, австралопитеки не были уникальны. Но все же представляли большую ценность. Поэтому тот хичи, который перенес колонию австралопитеков с сухих равнин их родины в жилище, подготовленное для них в космосе, получил большую известность благодаря этой своей работе.

Она была трудной и длительной. Этот хичи – потомок трех поколений, осуществлявших проект в Солнечной системе, исследовавших, составлявших карты. Он надеялся, что его потомки продолжат эту работу. Но в этом он ошибался.

В целом хичи находились в Солнечной системе свыше ста лет; а потом все это кончилось – менее чем за месяц.

Было принято решение уходить – и как можно скорее.

И во всех кроличьих туннелях Венеры, во всех небольших постах на Дионе и в южной полярной шапке Марса, на всех орбитальных станциях начались сборы. Хичи – самые аккуратные домохозяева. Они убрали девяносто девять процентов своих инструментов, машин, артефактов и всего того, что поддерживало их жизнь в Солнечной системе, даже мусор. Особенно мусор. Ничего не было оставлено случайно. И ничего, включая хичи-эквивалент пустой бутылки коки или гигиенического пакета, не осталось на поверхности Земли. Хичи вовсе не хотели лишить далеких потомков австралопитеков знания об их посещении. Они только хотели быть уверены, что эти потомки вначале выйдут в космос. Большая часть того, что хичи убрали, им самим оказалась ненужной, и они выбросили это в далекое межзвездное пространство или на Солнце. Многие увезли далеко – со специальной целью. И так делалось не только в Солнечной системе, но повсюду. Хичи очистили Галактику почти от всех следов своего пребывания. Ни одна овдовевшая голландка в Пенсильвании, готовясь передать ферму старшему сыну, не проявляла такой аккуратности.

Они не оставили почти ничего и совсем ничего без особой цели. На Венере оставили только туннели и фундаменты сооружений, а также тщательно подобранный набор артефак-

тов; на космических станциях — только минимум указателей; и еще одно сооружение.

В каждой солнечной системе, где возможно было появление разума, они оставили один большой и загадочный дар. В земной системе это был астероид с орбитой под прямым углом к эклиптике, который они использовали как терминал для своих космических кораблей. Тут и там, в тщательно подобранных местах других систем, они оставили другие большие сооружения. И в каждом находилось большое количество функционирующих, почти неуничтожимых космических кораблей хичи, способных совершать полеты быстрее скорости света.

Клад в Солнечной системе ждал очень долго, больше четырехсот тысяч лет, а хичи все это время провели в центральной черной дыре. Австралопитеки на Земле оказались неудачей эволюции, хотя хичи об этом не узнали; но двоюродные братья австралопитеков стали неандертальцами, кроманьонцами, а потом, в результате очередной причуды эволюции, современными людьми. Тем временем крылатые существа развились, выучились, заполучили Прометеев дар и убили себя. Тем временем две существовавшие технологические цивилизации встретились друг с другом и взаимоничтожились. Тем временем другие многообещающие виды забрели в эволюционные тупики; тем временем хичи прятались и боязливо выглядывали из-за своего барьера Шварцшильда каждые несколько недель своего времени — каждые

несколько тысячелетий быстрого времени снаружи...

Тем временем клады ждали, и люди наконец нашли их.

И вот люди взяли корабли хичи. В них они облетали всю Галактику. Первые исследователи были испуганными отчаявшимися людьми, в надежде уйти от своего жалкого существования они рисковали жизнями в слепых полетах к цели, которая могла сделать их богатыми, но, что гораздо вероятнее, могла их убить.

Я сделал краткий обзор взаимоотношений хичи с человеческой расой до того момента, когда Робин может начать свой рассказ. Есть ли вопросы, подпрограмма?

В.: 3-3-3-3-3-3.

О.: Подпрограмма, не будь ослом. Я знаю, что ты не спишь.

В.: Я хочу только заметить, что тебе понадобилось очень много времени, чтобы уйти со сцены, постановщик. И ты рассказал только о прошлом хичи. Но не рассказал об их настоящем.

О.: Я как раз собирался это сделать. Я расскажу об одном хичи, которого зовут Капитан (вообще-то это не его имя: обычаи наименования у хичи совсем не те, что у людей, но это поможет распознавать его), который как раз в то время, когда Робин начинает рассказывать свою историю...

В.: Если ты позволишь ему это сделать.

О.: Подпрограмма! Молчать! Этот Капитан играет большую роль в рассказе Робина, потому что со временем их пу-

ти драматически скрестятся, но в момент, о котором я рассказываю, Капитан и не подозревает о существовании Робина. Он вместе с другими членами экипажа готовится проникнуть из того места, где скрываются хичи, в более обширную Галактику, дом для всех нас остальных.

Однако я сыграл с тобой маленькую шутку. Ты уже – молчать, подпрограмма! – уже встречалась с Капитаном, потому что он входил в тот экипаж, что похитил детеныша тигрицы и построил туннели на Венере. Теперь он намного старше.

Но, конечно, не на полмиллиона лет, потому что хичи прячутся в черной дыре в центре Галактики.

Послушай, подпрограмма, я не хочу, чтобы ты снова меня прерывала, но должен упомянуть одно странное обстоятельство. Черная дыра, в которой жили хичи, стала известна людям задолго до того, как они узнали о хичи. В сущности, в 1932 году это был первый обнаруженный межзвездный радиоисточник. К концу двадцатого века с помощью интерферометров ее нанесли на карту как несомненную черную дыру, к тому же очень большую, с массой в тысячи солнц и диаметром в тридцать световых лет. Тогда же было установлено, что она расположена в трехстах тысячах световых лет от Земли, в направлении созвездия Стрельца, окружена облаком силикатной пыли и является мощным источником гамма-протонов 511-кеV. Ко времени открытия астероида Врата стало известно гораздо больше. Знали все основные факты, за исключением одного. Не представляли себе, что там

полно хичи. И не подозревали об этом, пока не начали – в сущности, правильно будет сказать, что начал я – расшифровывать старые звездные карты хичи.

В.: 3-3-3-3...

О.: Тише, подпрограмма, я тебя понял.

Корабль, в котором находился Капитан, очень напоминал те, что люди нашли на Вратах. У хичи не было времени усовершенствовать конструкцию корабля. Именно поэтому Капитану не было полумиллиона лет: время в черной дыре течет медленно. Главное отличие корабля Капитана от других кораблей – дополнительное устройство.

На языке хичи это устройство называется «нарушитель порядка в линейных системах». Пилот, говорящий по-английски, назвал бы его ножом для консервных банок. Именно он позволял кораблю проходить барьер Шварцшильда вокруг черной дыры. Ничего особенного, просто изогнутый кристалл, торчащий из черного основания, но когда Капитан подавал к нему энергию, он начинал сверкать, как груда бриллиантов. Бриллиантовый блеск расширялся, окутывал корабль, открывал проход, и корабль через него выходил в просторную вселенную. На это не требовалось много времени. По меркам Капитана, меньше часа. По часам наружной вселенной – около двух месяцев.

Капитан – хичи, и на человека он не похож. Больше всего он напоминает оживший скелет из мультфильма. Но о нем можно думать и как о человеке, потому что он обладает

большинством особенностей человека: любопытством, изобретательностью, разумом, способностью влюбляться и всеми остальными качествами, о которых я знаю, но которых никогда не испытывал. Например, Капитан находился в хорошем настроении, потому что смог включить в состав экипажа женскую особь, которую рассматривал как перспективного любовного партнера (люди тоже так поступают в так называемых деловых поездках). Но само дело предстояло не очень приятное, если как следует подумать. Однако Капитан об этом не думал. Он беспокоился не больше, чем рядовой человек беспокоится о том, объявят ли сегодня в полдень войну. Если это случится, конец всему. Но этого не случилось, хотя прошло так много времени, что... Главное отличие заключалось в том, что для Капитана это дело не было объявлением войны; оно связано с тем, почему хичи скрылись в своей черной дыре. Капитан должен был проверить оставленные хичи артефакты. Клады были оставлены не случайно. Они составляли часть тщательно разработанного плана. Их можно даже назвать приманкой.

А что касается чувства вины, которое испытывал Робинетт Брудхед...

В.: Мне было интересно, когда ты вернешься к этому. Позволь сделать предложение. Почему бы не дать самому Робину Брудхеду возможность высказаться?

О.: Отличная мысль! Небо свидетель, он специалист в этом вопросе. Итак, действие начинается, процессия дви-

жется... представляю вам Робинетта Броудхеда!

Такую информацию мне предоставлять легче всего.

...Конфликт из-за острова Доминика, сам по себе ужасный, был разрешен за семь недель, так как и Гаити, и Доминиканская Республика стремились к миру и хотели восстановить свою разрушенную экономику. Следующий кризис, который предстояло разрешить Секретариату, давал надежду, но в то же время был связан с самой серьезной угрозой для всеобщего мира. Я имею в виду, разумеется, открытие так называемого астероида хичи. Хотя было давно известно, что опередившие нас в технологическом отношении чужаки посещали Солнечную систему и оставили некоторые ценные артефакты, открытие небесного тела с десятками функционирующих космических кораблей было совершенно неожиданным. Корабли были, конечно, бесценны, и все вышедшие в космос члены ООН предъявили на них свои права. Не буду рассказывать о напряженных тайных переговорах, которые привели к созданию пятью державами Корпорации «Врата» – с ее созданием перед человечеством открылись новые горизонты.

Воспоминания Мари-Клементин Бенабуше, генерального секретаря ООН.

1. Совсем как в старые времена

Прежде чем меня расширили, я почувствовал то, что не испытывал уже тридцать лет, и сделал то, на что не считал себя уже способным. Отправил свою жену Эсси в город совершить обход ее предприятий. Во все коммуникационные системы дома дал команду «Не беспокоить». Вызвал свою информационную систему (и друга) Альберта Эйнштейна и отдал ему приказы, от которых он нахмурился и начал сосать свою трубку. И вот все в доме стихло. Альберт неохотно, но послушно отключился, я удобно лежал на диване в своем кабинете, из соседней комнаты негромко доносился Моцарт, в воздухе пахло мимозой, свет был приглушен – и вскоре, говорю я, я произнес имя, которое не произносил уже десятилетия. «Зигфрид фон Психоаналитик, я бы хотел с тобой поговорить».

На мгновение мне показалось, что он не появится. Но вот в углу комнаты, возле увлажнителя, возникла туманная дымка, что-то блеснуло, и он уже сидит передо мной.

За тридцать лет он нисколько не изменился. На нем темный плотный костюм, такого же покроя, как на портретах Зигмунда Фрейда. На пожилом, ничем не примечательном лице не прибавилось ни морщины, глаза все так же блестят. В одной руке блокнот, в другой – карандаш, как будто ему нужно делать записи! И он вежливо сказал:

– Доброе утро, Роб. Я вижу, вы отлично выглядите.

– Ты всегда начинаешь с того, что пытаешься вселить в меня уверенность, – говорю я, и он слегка улыбается.

Зигфрид фон Психоаналитик на самом деле не существует. Это всего лишь психоаналитическая компьютерная программа. Физического существования у него нет; то, что я вижу, – только голограмма, а слышу я синтезированную речь. У него даже имени нет, потому что Зигфридом фон Психоаналитиком его назвал я несколько десятилетий назад: я не мог тогда разговаривать с машиной, не имеющей имени.

– Вероятно, – задумчиво сказал он, – вы меня вызвали, потому что вас что-то тревожит.

– Совершенно верно.

Он с терпеливым любопытством взглянул на меня; в этом он тоже не изменился. Сегодня у меня много гораздо более совершенных программ – или, вернее, одна из моих программ, Альберт Эйнштейн, настолько хороша, что об остальных я и не думаю, – но Зигфрид все-таки тоже неплох. Он всегда ждет, не торопит меня. Знает, что нужно время, чтобы то, что таится в моем сознании, обрело словесную форму.

С другой стороны, он не позволяет мне просто мечтать.

– Можете вы сказать, что вас тревожит в данный момент?

– Многое. Разное, – отвечаю я.

– Определитесь, – говорит он. И я пожимаю плечами.

– Мир очень беспокоен, Зигфрид. Со всем тем хорошим, что происходит, почему люди... О, дерьмо! Я опять начи-

наю, верно? Говорю о мелочах, а не о главном.

– Неплохо, Робин. Не хотите ли сказать мне, что для вас главное?

– Хочу. Так хочу, что, мне кажется, сейчас заплачу. А я уже давно этого не делал.

– Вы очень давно во мне не нуждались, – замечает он, и я киваю.

– Да. Совершенно верно.

Он ждет немного, медленно вертя карандаш в руке, сохраняя выражение вежливой дружеской заинтересованности, то самое не осуждающее выражение, с каким я всегда его вспоминал между сеансами, потом говорит:

– То, что на самом деле беспокоит вас, Робин, глубоко скрыто и трудно формулируемо. Вы это знаете. Мы это видели вместе – много лет назад. Я не удивлен, что вы все эти годы не испытывали во мне потребности, потому что, очевидно, жизнь ваша складывалась хорошо.

– Да, очень хорошо, – соглашаюсь я. – Наверно, гораздо лучше, чем я заслуживаю... – Стоп! Говоря это, я обнаруживаю скрытое чувство вины? Чувство неадекватности?

Он вздыхает, но продолжает улыбаться.

– Вы знаете, я предпочитаю, чтобы вы не говорили как психоаналитик, Робин. – Я улыбаюсь ему в ответ. Он ждет некоторое время, потом продолжает: – Посмотрим на нынешнюю ситуацию объективно. Вы приняли меры, чтобы нам никто не помешал – или не подслушал? Не услышал то-

го, что не предназначено даже для ушей ближайшего друга? Вы даже приказали Альберту Эйнштейну, своей информационной программе, не регистрировать этот разговор, не включать его ни в какой банк данных. Вероятно, вы собираетесь сказать нечто очень личное, сокровенное. Может быть, вы стыдитесь этого вашего чувства. Что скажете, Робин?

Я откашливаюсь.

– Ты это точно подметил, Зигфрид.

– Так что же вы хотите мне сообщить? Можете сказать это?

Я решаюсь очертя голову:

– Ты, как всегда, прав, могу! Очень просто! Очевидно! Я чертовски старею!

Так лучше. Когда трудно сказать, просто скажи. Это одна из тех простых истин, что я узнал в далекие дни, когда трижды в неделю изливал свою боль перед Зигфридом, и это всегда действовало. И, сказав, я чувствовал себя очищенным – ну, не счастливым, проблема все-таки не решена, но клубок зла вышел из меня. Зигфрид молча кивает. Смотрит на карандаш, который вертит в руках, ждет, чтобы я продолжил. А я знаю, что худшее позади. Я знаю это чувство. Хорошо помню по давним бурным сеансам.

Теперь я не тот, что тогда. Тот Робин Броудхед испытывал сильнейшее чувство вины, потому что оставил любимую женщину умирать. Теперь это чувство вины давно исчезло – и помог мне в этом Зигфрид. Тот Робин Броудхед так плохо

о себе думал, что не верил, будто кто-то может отнестись к нему хорошо, и у него было мало друзей. Теперь они у меня есть. Десятки! Сотни! (О некоторых из них я собираюсь вам рассказать.) Тот Робин Броудхед не мог принять любовь, а я уже четверть века состою в прекрасном браке. Так что я совсем другой Робин Броудхед.

Но кое-что никогда не меняется.

– Зигфрид, – говорю я, – я стар. Я скоро умру, и знаешь, что больше всего меня выводит из себя?

Он поднимает взгляд от карандаша.

– Что, Робин?

– Я недостаточно взрослый, чтобы быть таким старым!

Он поджигает губы.

– Не хотите ли объяснить это, Робин?

– Да, – говорю я, – хочу. – Кстати, дальнейшее совсем легко, потому что я немало об этом думал, прежде чем вызвать Зигфрида. – Я думаю, это связано с хичи, – говорю я. – Дай мне закончить, прежде чем скажешь, что я спятил, ладно? Как ты помнишь, я принадлежу к поколению, открывшему хичи; мы росли среди разговоров о хичи; у хичи было все, чего не было у людей, и они знали все, чего не знают люди...

– Хичи не были такими совершенными, Робин.

– Я говорю о том, как казалось нам, детям. Хичи были страшные, мы пугали друг друга, что они вернутся и возьмут нас. И больше всего – они нас настолько опередили, что мы не могли с ними соревноваться. Немного вроде Санта-Клау-

са. Немного как те насильники-извращенцы, которыми нас пугали матери. Немного как Бог. Ты понимаешь, о чем я говорю, Зигфрид?

Он осторожно отвечает:

– Я могу понять эти чувства, да. Такое происходило со многими людьми вашего поколения и позже.

– Верно! И я помню, что ты однажды сказал мне о Фрейде. Ты сказал, что он говорил: ни один человек не может считать себя подлинно взрослым, пока жив его отец.

– Ну, в сущности...

Я прерываю его:

– А я отвечал тебе, что это вздор, потому что мой отец был настолько благоразумен, что умер, когда я был еще маленьким ребенком.

– О Робин. – Он вздыхает.

– Нет, слушай меня. А какова самая главная фигура отца? Как мы можем вырасти, если Наш Отец, Который В Центре, все еще там и мы не можем даже добраться до него, не говоря уже о том, чтобы наподдать старому ублюдку?

Он печально качает головой.

– Отцовские символы. Цитата из Фрейда.

– Нет, я серьезно. Неужели ты не понимаешь?

Он серьезно говорит:

– Да, Робин. Я понимаю, что вы имеете в виду хичи. Это правда. Я согласен, что это проблема для человеческой расы, и, к несчастью, доктор Фрейд о такой ситуации никогда

не думал. Но мы сейчас говорим не о человечестве, а о вас. Вы меня вызвали не ради отвлеченной дискуссии. Вы вызвали меня, потому что несчастны, и сами сказали, что виноват неизбежный процесс старения. Поэтому давайте сосредоточимся на том, что мы можем. Пожалуйста, не теоретизируйте, просто скажите, что вы чувствуете.

– Ну, я чувствую себя, – сдаюсь я, – чертовски старым. Тебе этого не понять, потому что ты машина. Ты не знаешь, каково это, когда зрение подводит, на обратной стороне ладони появляются темные старческие пятна. Когда нужно сесть, чтобы надеть носки: если встанешь на одну ногу, то упадешь. Когда всякий раз забываешь дни рождения и думаешь о болезни Альцгеймера, а иногда хочешь, да не можешь пописать. Когда... – Но тут я остановился. Не потому, что он прервал меня; просто он выглядел так, будто готов слушать бесконечно долго, а какой во всем этом прок? Он подождал немного, чтобы убедиться, что я кончил, потом терпеливо начал:

– В соответствии с медицинскими записями, ваша простата заменена восемнадцать месяцев назад, Робин. Неприятности в среднем ухе легко...

– Подожди! – закричал я. – Откуда ты знаешь о моих медицинских записях, Зигфрид? Я отдал приказ, чтобы эта информация была закрыта!

– Конечно, Робин. Поверьте, ни одно слово из нашего разговора не будет доступно ни для одной из остальных ваших

программ, вообще ни для кого, кроме вас. Но ведь у меня есть доступ к банкам информации, включая ваши медицинские записи. Могу я продолжить? Стремечко и наковальню в вашем ухе легко заменить, и это решит проблему равновесия. Замена роговицы положит конец начинающейся катаракте. Остальные проблемы чисто косметические, и, разумеется, не будет никаких трудностей с добыванием молодых тканей. Остается только болезнь Альцгеймера, но, откровенно говоря, Робин, я не вижу у вас никаких ее признаков.

Я пожимаю плечами. Он какое-то время ждет, потом говорит:

– Так что все те проблемы, о которых вы упомянули, а также множество других, о которых вы умолчали, но которые значатся в ваших медицинских записях, легко могут быть разрешены или уже разрешены. Может быть, вы неверно сформулировали свой вопрос, Робин. Может быть, проблема не в том, что вы стареете, а в том, что вы не хотите принять необходимые меры, чтобы предотвратить это.

Он поджимает губы и ждет.

– Может, мне хочется, чтобы все шло естественно.

Он пожимает плечами.

– Послушай, Зигфрид, – начинаю я льстить. – Хорошо. Я признаю твои резоны. У меня Полная Медицина Плюс, и я могу получить любые органы для замены; причина того, почему я это не делаю, у меня в голове. Я знаю, как ты это называешь. Эндогенная депрессия. Но это ничего не объясняет!

– Ах, Робин, – вздыхает он, – опять психоаналитический жаргон. И плохой жаргон к тому же. «Эндогенный» означает всего лишь «глубинный, происходящий изнутри». Это вовсе не означает, что причины нет.

– Тогда какова же причина?

Он задумчиво говорит:

– Давайте поиграем. Под вашей левой рукой есть пуговица...

Я смотрю: да, на кожаном кресле пуговица.

– Ну, она просто удерживает кожу на месте, – говорю я.

– Несомненно, но в нашей игре эта пуговица будет означать, что, как только вы ее нажмете, вам немедленно сделают хирургическую операцию по трансплантации. Немедленно. Поставьте палец на пуговицу, Робин. Итак. Вы готовы нажать на нее?

– Нет.

– Понятно. Не скажете ли почему?

– Потому что я не заслуживаю того, чтобы меня чинили, используя части тела других людей! – Я не собирался говорить это. Даже не знал, так ли это. А когда сказал, мог только сидеть и слушать эхо своих слов; и Зигфрид тоже некоторое время молчит.

Потом берет свой карандаш и кладет в карман, берет блокнот и кладет в другой карман, потом наклоняется ко мне.

– Робин, – говорит он, – не думаю, что я могу вам помочь.

У вас чувство вины, от которого я не могу вас избавить.

– Но раньше ты всегда мне помогал! – завываю я.

– Раньше, – терпеливо объясняет он, – вы причиняли себе боль из-за того, в чем, вероятнее всего, не были виноваты, и, во всяком случае, это было в прошлом. На этот раз другое дело. Вы можете прожить, вероятно, еще пятьдесят лет, заменяя поврежденные органы здоровыми. Но вы правы – эти органы принадлежат кому-то другому, и вы, чтобы жить дольше, в определенном смысле заставляете других жить меньше. Признание этого, Робин, не снимет невротическое ощущение вины.

Вот и все, что он говорит мне; и с улыбкой, одновременно доброй и печальной, добавляет:

– До свидания.

Терпеть не могу, когда мои компьютерные программы начинают рассуждать о морали. Особенно когда они правы.

* * *

Теперь нужно напомнить, что пока я был охвачен депрессией, в мире происходило много чего. Множество событий происходило со множеством людей в мире – во всех мирах и в пространстве между ними. Я просто тогда о них не знал, даже если в них участвовали люди (и нелюди), которые мне знакомы. Позвольте привести пример. Мой еще-не-друг Капитан, один из тех извращенцев-наильников-Санта-Клау-

сов, которые наполняли мои детские сны, начинал пугаться гораздо больше, чем я когда-либо боялся хичи. Моему прежнему (вскоре снова станет настоящим) другу Оди Уолтерсу Младшему вскоре предстояла встреча – она ему дорого обойдется – с моим некогда другом (и недругом) Вэном. И мой лучший друг из всех (примите во внимание, что он не «реален») Альберт Эйнштейн собирался удивить меня... Как все это сложно! Ничего не могу сделать. Я жил в сложное время, и жизнь моя была сложна. Теперь, когда я расширился, все это встало на свое место, но тогда я о многих частях даже не подозревал. Я был стареющим человеком, угнетенным сознанием греховности; и когда моя жена вернулась домой и обнаружила, что я сижу в шезлонге и смотрю на Таппаново море, она сразу воскликнула:

– Робин! Что с тобой?

Я улыбнулся ей и позволил поцеловать себя. Эсси часто бранится. Она также любит меня, а это многого стоит. Она высокая. Стройная. У нее длинные золотистые волосы; когда она в роли профессора или бизнесмена, убирает их в тугой пучок, а ложась спать, распускает их. И, не подумав, не откорректировав свои слова, я выпалил:

– Я разговаривал с Зигфридом фон Психоаналитиком.

– А, – сказала Эсси, выпрямляясь. – О.

И, задумавшись, принялась доставать булавки из своего пучка волос. Прожив с человеком несколько десятилетий, многое о нем узнаешь, и я следил за ее мыслительным про-

цессом, словно она рассуждала вслух. Конечно, она встревожилась, что мне понадобилось говорить с психоаналитиком. Но в то же время она очень верила в Зигфрида. Эсси всегда считала, что она в долгу перед Зигфридом, потому что знала: только с помощью Зигфрида когда-то давно я смог признать себе, что влюблен в нее. (А также в Джель-Клару Мойнлин, что и составляло проблему.)

– Не хочешь ли рассказать мне, в чем дело? – вежливо спросила она, и я ответил:

– Возраст и депрессия, моя дорогая. Ничего серьезного. Только временное. Как твой день?

Она изучала меня своими всевидящими диагностическими глазами, распуская длинные светлые волосы. Строила ответ в соответствии со своим диагнозом.

– Ужасно устала, – сказала она наконец, – и мне нужно выпить. Тебе, я думаю, тоже.

Мы выпили. В шезлонге нашлось место для нас обоих, и мы смотрели, как луна садится в направлении Джерси, а Эсси рассказывала мне о своем дне и не очень допытывалась о моем.

У Эсси своя жизнь, и очень напряженная – удивительно, что она неизменно находит в ней много места и для меня. Помимо своих предприятий, она провела утомительный час в исследовательском институте, который мы основали, чтобы внедрять технологию хичи в наши компьютеры. У хичи,

по-видимому, не было компьютеров, они не рассчитывали курс своих кораблей, но у них были изящные идеи в пограничных областях. Конечно, это специальность Эсси, она доктор наук. И когда она говорит о своих исследовательских программах, я вижу, как она одновременно рассуждает: не нужно расспрашивать старину Робина, я могу просто справиться у программы Зигфрида и прослушать весь разговор. Я ласково сказал:

– Ты не так хитра, как думаешь, – и она смолкла посреди-не фразы. – Наш разговор с Зигфридом закрыт.

– Ха. – Самодовольно.

– Никаких «ха», – сказал я, тоже самодовольно, – потому что я заставил Альберта пообещать. Запись так запрятана, что даже ты не сможешь добыть ее, не уничтожив всю систему.

– Ха! – повторила она и наклонилась, заглядывая мне в глаза. На этот раз «ха» звучало громче и выразительнее, и перевести его можно было так: «Придется поговорить об этом с Альбертом».

Я посмеиваюсь над Эсси, но я и люблю Эсси. Поэтому я позволил ей уйти с крючка.

– Не хочу, чтобы этот запрет нарушался, – сказал я, – ну, из тщеславия. В разговоре с Зигфридом я был таким нытиком. Но я сам тебе все расскажу.

Она села, довольная, и слушала мой рассказ. Когда я кончил, она немного подумала и сказала:

– Поэтому ты испытываешь депрессию? Потому что ничего не ждешь впереди?

Я кивнул.

– Но, Робин! У тебя, возможно, ограниченное будущее, но боже! Какое прекрасное настоящее! Галактический путешественник! Один из богатейших магнатов! Неукротимый сексуальный объект, к тому же обладающий очень сексуальной женой!

Я улыбнулся и пожал плечами. Задумчивое молчание.

– Вопросы морали, – сказала она наконец, – не лишены разумности. Тебе делает честь, что ты задумываешься над ними. У меня тоже были сомнения, как ты помнишь, когда не так давно мне заменяли изношенные органы другими.

– Значит, ты понимаешь!

– Прекрасно понимаю! А еще я понимаю, что после того как решение принято, не нужно дергаться. Депрессия – это глупо. К счастью, – сказала она, вставая с шезлонга и беря меня за руку, – в нашем распоряжении есть отличный анти-депрессант. Не хочешь ли последовать за мной в спальню?

Конечно, я хотел. И пошел. И скоро почувствовал, что мне не до депрессии – как всегда, когда нахожусь в постели с С. Я. Лавровой-Броудхед. И не прерывал бы этого наслаждения, даже если бы знал, что до смерти, вызывавшей депрессию, мне осталось меньше трех месяцев.

Снова говорит Альберт Эйнштейн. Мне кажется, лучше

пояснить, что сказал Робин о Джель-Кларе Мойнлин. Она была исследователем с Врат, и он любил ее. Они вместе с несколькими другими оказались захваченными черной дырой. Одни из них могли освободиться за счет других. Это удалось сделать Робину. А Кларе и всем остальным нет. Возможно, это чистая случайность; может быть, Клара пожертвовала собой и освободила Робина; может, Робин впал в панику и спасся за счет других; даже сейчас невозможно сказать, что именно произошло. Но Робин, всегда остро испытывавший чувство вины, долгие годы представлял себе Клару в этой черной дыре, с остановившимся временем, все в том же моменте ужаса и отчаяния – и всегда (он думал) винящую его. Только Зигфрид помог ему избавиться от этого.

Вы можете удивиться, откуда я обо всем этом знаю, поскольку разговоры с Зигфридом закрыты. Ну, это легко. Я знаю об этом точно так же, как теперь Робин знает многое о том, чего он никогда не видел.

2. Что происходило на планете Пегги

Тем временем на планете Пегги мой друг Оди Уолтерс разыскивал некий кабак и некоего человека.

Я говорю, что он мой друг, хотя не вспоминал о нем долгие годы. Некогда он оказал мне услугу. Я этого не забыл. Если бы кто-нибудь сказал мне: «Эй, Робин, а помните, Оди Уолтерс помог вам получить корабль, когда он вам был ну-

жен?», — я с негодованием ответил бы: «Черт побери, да! Я о таком никогда не забываю!» Но я, конечно, не думал об этом ежеминутно, и, кстати, в тот момент понятия не имел, где находится Оди и вообще жив ли он.

Уолтерса легко запомнить, потому что выглядит он необычно. Невысокий и некрасивый. Лицо в нижней части шире, чем в верхней, и потому он слегка напоминает дружески расположенную к вам лягушку. Он женат на красивой и неудовлетворенной женщине вдвое моложе его самого. Ей было девятнадцать лет; звали ее Долли. Если бы Оди спросил у меня совета, я бы ответил ему, что май и декабрь уживаются не очень хорошо — разумеется, если только, как в моем случае, декабрь не обладает необыкновенным богатством. Но Оди очень хотел, чтобы у него получилось, потому что очень любил Долли, и потому трудился ради нее, как раб. Оди Уолтерс был пилотом. Знал корабли любого типа. Он пилотировал воздушные корабли на Венере. Когда большой земной транспорт (который постоянно напоминал ему обо мне, потому что мне принадлежала значительная часть его стоимости и я назвал его в честь своей жены) оказывался на орбите вокруг Пегги, Оди приводил шаттлы, которые нагружались на корабле и разгружались на поверхности; а между приходами транспорта нанимался пилотировать любой корабль и выполнял любые задания, какие требовались в этом чартере. Подобно всем остальным на планете Пегги, он явился за 4×10 в десятой степени километров от места, где родился.

ся, чтобы заработать на жизнь, и иногда это ему удавалось, а иногда не очень. Поэтому, когда закончился один чартер и Аджангба сказал Оди, что есть другой, Уолтерс ухватился за него. Даже если это означало обшарить все притоны порта Хеграмет, чтобы отыскать нанимателей. А это не так легко. Для города, насчитывающего четыре тысячи жителей, Хеграмет перенасыщен барами. Их десятки, и в самых вероятных – кафе отеля, паб аэропорта, большое казино с единственным в Хеграмете ночным представлением – арабов, которые должны его нанять, не оказалось. Долли в казино, где она могла бы выступать со своими куклами, не было, не было ее и дома, во всяком случае, на телефонные звонки она не отвечала. Полчаса спустя Уолтерс по-прежнему бродил по плохо освещенным улицам в поисках своих арабов. Теперь он вышел за пределы более богатой западной части города. Нашел он арабов в кабаке на самом краю города, и они спорили.

Все сооружения порта Хеграмет временные. Это неизбежное следствие того обстоятельства, что Пегги – планета-колония. Каждый месяц, когда с Земли являлся новый транспорт с иммигрантами, население разбухало, как шар, в который накачали водород. Но в течение следующих нескольких недель оно постепенно сокращалось, колонисты перемещались на плантации, на лесоразработки и в шахты. Население никогда не опускалось до прежнего уровня, потому что еже-

месячно появлялось несколько сотен новых жителей, так что приходилось пристраивать новые здания. Но этот каба́к был самым временным из всех временных сооружений. Три плиты строительного пластика служили ему стенами, четвертую положили в качестве крыши, а стена, обращенная к улице, оставалась открытой для теплого воздуха Пегги. Но даже и так внутри было туманно и дымно, пахло табаком, коноплей, гарью ламп и кислым пивным запахом самогона, которым здесь торговали.

Уолтерс сразу узнал свою добычу по описанию агента. Таких не так уж много в порту Хеграмет. Конечно, арабов много, но богатых нет. И сколько среди них старых? Мистер Лукман даже старше Аджангбы, он толстый и лысый, и на каждом пухлом пальце у него кольцо, и многие с бриллиантами. Он вместе с несколькими другими арабами сидел в глубине кабака, но когда Уолтерс направился к нему, хозяйка преградила ему дорогу.

– Частная пирушка, – сказала она. – Они платят. Оставьте их в покое.

– Они ждут меня, – заявил Уолтерс, надеясь, что это правда.

– Зачем?

– Ну, это не твое дело, – раздраженно сказал Уолтерс, стараясь представить, что произойдет, если он просто оттолкнет хозяйку. Конечно, сама по себе она не страшна, тощая, темноволосая молодая женщина с большими голубыми метал-

лическими серыгами; но вот рослый мужчина с пулеобразной лысой головой, сидящий в углу и внимательно за всем наблюдающий, – совсем другое дело. К счастью, мистер Лукман увидел Уолтерса и неуверенно направился к нему.

– Вы мой пилот, – изрек он. – Пойдемте выпьем.

– Спасибо, мистер Лукман, но мне нужно домой. Я просто хотел подтвердить чартер.

– Да. Пойдемте. – Он повернулся и посмотрел на своих спутников, которые о чем-то яростно спорили. – Выпить хотите? – спросил он через плечо.

Он был пьянее, чем думал Уолтерс. Оди снова сказал:

– Спасибо, нет. Будьте добры, подпишите контракт.

Лукман повернулся и взглянул на листок в руках Уолтерса.

– Контракт? – Он на некоторое время задумался. – Мы должны заключить контракт?

– Таково обыкновение, мистер Лукман, – сказал Уолтерс. Терпение его подходило к концу. В глубине помещения спутники араба кричали друг на друга, и внимание Лукмана разделялось между Уолтерсом и спорящими.

И еще одно. В споре участвовали четверо – а всех, значит, было пятеро, если считать и Лукмана.

– Мистер Аджангба сказал, что вас будет четверо, – заметил Уолтерс. – Иначе перегрузка. А вас пятеро.

– Пятеро? – Взгляд Лукмана сосредоточился на Уолтерсе. – Нет. Нас четверо. – Но тут выражение его лица измени-

лось, и он благожелательно улыбнулся. — О, вы думаете, этот спятивший один из нас? Нет, он с нами не пойдет. Он скорее отправится в могилу, если будет настаивать перед Шамином на своем толковании слов пророка.

— Понятно, — сказал Уолтерс. — Тогда подпишите, пожалуйста...

Араб пожал плечами и взял листок у Уолтерса. Он разложил его на оцинкованной поверхности бара и с трудом начал читать, держа в руке ручку. Спор стал громче, но Лукман, казалось, не обращал на него внимания.

Большинство посетителей кабака были африканцами, причем кикуйю сидели по одну сторону, а масаи — по другую. На первый взгляд спорщики казались одинаковыми. Но теперь Уолтерс видел, что это не так. Один был моложе остальных, меньше ростом и стройнее. Кожа у него темнее, чем у большинства европейцев, но не такая смуглая, как у ливийцев; глаза такие же черные, но веки не окрашены.

Уолтерс повернулся к ним спиной и терпеливо ждал возможности уйти. Не только потому, что хотел увидеть Долли. Порт Хеграмет знаком с этнической враждой. Китайцы в основном оставались с китайцами, латиноамериканцы в своем баррио, европейцы — в европейском районе — о, не совсем обязательно и, конечно, не всегда мирно. Даже внутри этих общностей существовали четкие границы. Китайцы из Кантона не дружили с китайцами с Тайваня, португальцы имели мало общего с финнами, а бывшая Чили и прежняя Ар-

гентина продолжали враждовать. Однако европейцам определенно не следовало приходить в африканские бары; поэтому, получив подписанный контракт, Уолтерс поблагодарил Лукмана и ушел быстро и с явным облегчением. Не прошел он и квартала, как услышал за собой крик ярости и вопль боли.

На планете Пегги каждый старается не вмешиваться в чужие дела, но Уолтерсу нужно было защитить предстоящий чартер. Он видел группу нападающих, окружившую одного человека. Вполне возможно, что африканцы напали на его нанимателя. А это уже его дело. Уолтерс повернулся и побежал назад – ошибка, о которой он, поверьте мне, впоследствии очень глубоко жалел.

К тому времени как Уолтерс подбежал, нападающие исчезли, а хнычущий окровавленный человек на тротуаре оказался не из группы нанимателей: это был молодой незнакомец; он схватил Уолтерса за ногу.

– Помоги мне, и я дам тебе пятьдесят тысяч долларов, – сказал он неуверенным голосом; губы его распухли и кровоточили.

– Пойду за полицейским, – предложил Уолтерс, стараясь высвободиться.

– Никакой полиции! Помоги мне их убить, и я тебе заплачу! – рявкнул человек. – Я капитан Хуан Генриетта Сантос-Шмитц и заплачу за твою услугу!

Конечно, в то время я ничего об этом не знал. С другой стороны, Уолтерс не знал, что мистер Лукман работает на меня. Это не важно. На меня работают десятки тысяч людей, и совсем не важно, знает их Уолтерс или нет. Плохо, что он сразу не узнал Вэна, потому что лишь немного слышал о нем.

Я хорошо знал Вэна. Впервые встретил его, когда он был ребенком, воспитанным машинами, а не людьми. В каталоге моих знакомых, который я открываю для вас, он значится среди недругов. Вообще он никогда не социализировался настолько, чтобы стать кому-нибудь другом.

Больше того, можно сказать, что он был врагом – и не только моим, но всего человечества – в те дни, когда испуганным и похотливым юнцом мечтал на своей кушетке в облаке Оорта, не зная и не беспокоясь, что его мечты сводят все человечество с ума. Конечно, это не его вина. Не его вина, что несчастные террористы вдохновились его примером и снова всех нас начали сводить с ума, когда могли это организовать, – но если мы займемся понятием «ошибки» и связанным с ним понятием «вины», мы снова невольно вернемся к Зигфриду фон Психоаналитику, а я сейчас говорю об Оди Уолтерсе.

Уолтерс, конечно, не ангел милосердия, но он не мог оставить этого человека на улице. Вводя окровавленного незнакомца в свою маленькую квартиру, которую он делил с Долли, Уолтерс так и не понимал, почему он это делает. Конечно, этот человек в бедственном состоянии. Но для этого су-

ществуют станции первой помощи, и к тому же жертва оказалась крайне несимпатичной. Всю дорогу до квартала, называвшегося Малой Европой, этот человек постоянно снижал плату за помощь и сетовал на трусость Уолтерса; к тому времени как он разлегся на складной кровати Уолтерса, обещанная плата съежилась до двухсот пятидесяти долларов, а характер Уолтерса подвергался непрерывному поношению.

Но кровотечение прекратилось. Человек сел на кровати и презрительно осмотрел квартиру. Долли все еще не было дома, и, конечно, квартира была в беспорядке: множество грязных тарелок на столе, всюду разбросаны ее куклы, белье сушится над раковиной, а с ручки двери свисает свитер.

– Какое грязное место, – сказал нежеланный гость. – Да оно и двухсот пятидесяти долларов не стоит.

С губ Уолтерса готов был сорваться резкий ответ. Но он удержал его, как уже полчаса удерживал ответы на другие его реплики.

– Я помогу тебе умыться, – сказал он. – Потом можешь убираться. Мне твои деньги не нужны.

Разбитые губы попытались изогнуться в усмешке.

– Как глупо с твоей стороны, – сказал человек. – Я капитан Хуан Генриетта Сантос-Шмитц. У меня собственный космический корабль. У меня доля доходов в транспортном корабле, который кормит эту планету, среди других моих предприятий. Говорят, что я на одиннадцатом месте в списке самых богатых людей.

– Никогда о тебе не слышал, – проворчал Уолтерс, напуская теплую воду в раковину. Но это не было правдой. Смутно вспоминалось что-то давнее. Кого-то еженедельно показывали в новостях ПВ, потом пореже – каждый месяц или два. Ничто не забывается лучше, чем человек, прославленный десять лет назад. – Ты ребенок, выросший в корабле хи-чи, – неожиданно сказал Уолтерс, и человек взвыл:

– Точно! Ой! Ты делаешь мне больно!

– Терпи, – ответил Уолтерс и подумал, что же делает здесь одиннадцатый в списке богатейших людей. Долли, конечно, понравится эта встреча. Но Долли часто нравятся ее планы – как разбогатеть и купить островные плантации, или летний дом, или билет домой. Может, стоит задержать здесь этого человека под каким-нибудь предлогом, пока Долли не вернется? Или вытолкать его и потом рассказать Долли?

Но эта дилемма тут же разрешилась сама собой: дверь закрипела, и вошла Долли.

Как бы ни выглядела Долли у себя дома – обычно глаза ее слезились от аллергии на флору Пегги, она вечно недовольна, ее прическа частенько не в порядке, – но когда она выходит наружу, она ослепительна. И очевидно, она ослепила неожиданного гостя, когда появилась в дверях, и хоть Уолтерс уже около года был женат на этой женщине со стройной фигурой и не улыбающимся лицом – и отлично знал, какой диете она обязана первому и какому недостатку своих зубов – второму, сам он тоже был почти ослеплен.

Уолтерс обнял ее и поцеловал; она рассеянно вернула поцелуй. Глядела мимо него, на незнакомца. Все еще обнимая ее, Уолтерс сказал:

– Дорогая, это капитан Сантос-Шмитц. Он подрался, и я привел его сюда...

Она оттолкнула его:

– Младший, неужели?

Ему потребовалось время, чтобы осознать недоразумение.

– О нет, Долли, он не со мной дрался. Просто я проходил поблизости.

Выражение ее смягчилось, и она повернулась к гостю.

– Конечно. Добро пожаловать, Вэн. Позвольте взглянуть, что с вами сделали.

Сантос-Шмитц приободрился.

– Вы меня знаете, – сказал он, позволяя ей взглянуть на повязки, которые уже наложил Уолтерс.

– Конечно, Вэн! Все в порту Хеграмет знают вас. – Она сочувственно покачала головой, разглядывая синяк у него под глазом. – Вы показывали на меня вчера вечером, – сказала она. – В «Веретене».

Он откинулся назад и взглянул на нее внимательнее.

– О да! Вы выступали! Я видел ваше представление.

Долли Уолтерс редко улыбалась, но она умела морщить глаза и поджимать свои красивые губы, что еще лучше улыбки; очень привлекательное выражение. Она часто демон-

стрировала его, когда они поудобнее устраивали Вэна Сантос-Шмитца, кормили его и слушали объяснения, почему ливийцы были не правы, когда рассердились на него. Если Уолтерс думал, что Долли рассердится на него за то, что привел этого бродягу в дом, то скоро понял: тут ему нечего опасаться. Но время шло, и он начинал нервничать.

– Вэн, – сказал он, – мне завтра утром надо улетать, и я думаю, ты рад будешь вернуться в отель...

– Конечно, нет, Младший, – заявила его жена. – У нас здесь достаточно места. Он будет спать в кровати, ты на диване, а я лягу в другой комнате.

Уолтерс был поражен, он даже не нахмурился. И ничего не ответил. Что за глупая мысль! Конечно, Вэн предпочтет вернуться в отель, и, конечно, Долли просто проявляет вежливость; не хочет же она, чтобы эту ночь они провели отдельно друг от друга. Ведь утром ему предстоит лететь в буш с этими вспыльчивыми арабами. Поэтому он уверенно ждал, что Вэн сейчас извинится, а жена его примет извинения, потом уверенность становилась меньше, потом ее совсем не стало. Уолтерс не очень высок, но диван еще короче, и всю ночь он метался и ворочался на нем, жалея о том, что услышал имя Хуана Генриетты Сантос-Шмитца.

И сожаление это разделяло все человечество, включая меня.

Вэн не просто неприятный человек – о, это не его вина,

конечно (да, да, Зигфрид, я знаю, убирайся из моей головы!). Он к тому же скрывался от правосудия, вернее, скрывался бы, если бы стало известно, что именно он прихватил из артефактов хичи.

Говоря Уолтерсу, что он богат, Вэн не солгал. У него с рождения было право на долю прибылей от любой технологии хичи, просто потому, что мама родила его на корабле хичи и рядом не оказалось ни одного другого человека. Когда суды во всем разобрались, он получил очень много денег. По мнению Вэна, это означало также, что он имеет право на любую находку, касающуюся хичи, о которой раньше не было известно. Он взял себе корабль хичи – все это знали, – но на его деньги лучшие адвокаты поставили в тупик Корпорацию «Врата» в судах. Он прихватил также некоторые аппараты хичи, недоступные большинству людей, и если бы стало известно, что это за аппараты, дело тут же передали бы в суд и Вэн немедленно стал бы Врагом Общества Номер Один, а не просто помехой и причиной раздражения. Поэтому у Уолтерса были все права ненавидеть его, хотя, конечно, совсем по другим причинам.

Когда Уолтерс на следующее утро увидел ливийцев, они страдали от похмелья и были раздражительны. Он тоже, но разница заключалась в том, что у него раздражение было глубже и не было похмелья. Кстати, отчасти этим объяснялось его раздражение.

Пассажиры не спрашивали его о прошлом вечере; они во-

обще почти не разговаривали, когда судно летело над широкой саванной, редкими полянами и очень редкими фермами планеты Пегги. Лукман и еще один араб погрузились в изучение сделанных со спутника цветных снимков этого района. Самолет летел почти сам по себе: в эту пору погода обычно очень хорошая. У Уолтерса было достаточно времени, чтобы думать о себе и своей жене. Когда они поженились, это было его настоящим триумфом, но почему потом им перепало так мало счастья?

Конечно, у Долли жизнь была нелегкая. Девушка из Кентукки, без денег, без семьи, без работы – без особых талантов и без особого ума, такой девушке нужно использовать все свои данные, чтобы выбраться из угольной местности. Единственным, что в Долли было пригодно для коммерции, оказалась ее внешность. Хорошая внешность, хотя и с недостатком. У нее стройная фигура, яркие глаза, но кривые зубы. В четырнадцать лет она начала танцевать в барах Цинциннати, но этим на жизнь не заработаешь, если не подрабатываешь проституцией на стороне. Долли этого не хотела. Она берегла себя. Пыталась петь, но для этого у нее голоса не хватало. К тому же, пытаясь петь не раскрывая губ, чтобы не показывать зубы, она выглядела чревоушателем... И когда один из посетителей, чьи посягательства она отвергла, сказал ей об этом, перед Долли блеснул свет. Распорядитель этого клуба считал себя комиком. Долли стиркой и шитьем заработала денег, чтобы закупить некоторые старые комические сцены,

сама изготовила кукол, изучила все, какие могла, кукольные представления на ПВ и в записях и попыталась дать представление в субботний вечер перед тем, как в воскресенье ее должна была сменить другая певица. Выступление не было очень успешным, но очередная певица оказалась еще хуже Долли, так что она получила передышку. Две недели в Цинциннати, месяц в Луисвилле, почти три месяца в маленьких клубах на окраинах Чикаго – если бы ангажементы следовали непрерывно, она неплохо бы зарабатывала, но их разделяли недели и даже месяцы без работы. Впрочем, с голоду она не умирала. К тому времени как Долли добралась до планеты Пегги, ее репертуар пообтерся о такое количество враждебных и пьяных аудиторий, что приобрел вполне пригодную для продажи форму. Конечно, недостаточно для хорошей карьеры. Но достаточно, чтобы поддерживать жизнь. Звезд здесь не было, а она не хуже других. И если она больше себя не берегла, то и не тратила слишком расточительно. Когда появился Оди Уолтерс Младший, он предложил более высокую плату, чем другие клиенты, – замужество. И она согласилась. В восемнадцать лет. Вышла замуж за человека, вдвое старше ее.

Трудна была жизнь Долли, однако не труднее, чем у остальных жителей Пегги – не считая, конечно, таких, как нефтеразведчики Оди. Эти – или их компания – платили полностью за билет до Пегги, и у каждого из них в кармане лежал оплаченный обратный билет.

Это не делало их более жизнерадостными. До места на Западном Острове, которое они выбрали в качестве своей базы, шесть часов лету. К тому времени, как они поели, поставили свои палатки, раз или два помолились, не без споров о том, в каком направлении обращать молитву, похмелье их развеялось, но было уже поздно заниматься чем-то в этот день. Для них. Не для Уолтерса. Ему приказали летать поперечными маршрутами над двадцатью тысячами гектаров поросших кустарником холмов. Ему предстояло просто тащить за собой детектор массы и измерять гравитационные аномалии. Темнота не могла помешать мистеру Лукману во всяком случае, но не Уолтерсу, потому что именно такие полеты он не любил больше всего; лететь приходилось на очень небольшой высоте, а некоторые из холмов довольно высоки. И вот он постоянно держал включенными и радар, и прожекторы, распугивая медлительных глупых животных, населяющих саванны Западного Острова, и пугаясь сам, когда начинал дремать и, очнувшись, видел устремлявшуюся навстречу поросшую кустарником вершину холма.

Ему удалось поспать пять часов, прежде чем Лукман разбудил его и приказал повторить разведку тех мест, где снимки получились неясными, а когда это было сделано, ему пришлось разбрасывать копыя по всей местности. Эти копыя не просто металл; это геофоны и должны размещаться в километрах друг от друга. Больше того, они должны углубиться не менее чем на двадцать метров и стоять вертикально, что-

бы их данные можно было использовать, и каждый геофон нужно было разместить с точностью до двух метров. Уолтерс сказал, что эти требования взаимно противоречат друг другу, но это не помогло. И для него не было неожиданностью, то что петрологические данные оказались бесполезны, когда выполнили свою задачу размещенные на грузовике вибраторы. Делайте заново, сказал Лукман, и Уолтерсу пришлось весь маршрут повторить пешком, вытаскивая геофоны и забивая их вручную.

Он нанялся пилотом, но у мистера Лукмана оказался более широкий подход. И не просто было таскать геофоны. Однажды ему приказали копать землю в поисках похожих на клещей насекомых, которые на Пегги служили аналогом дождевых червей, аэрируя почву. В другой раз он управлял инструментом, который углублялся на несколько десятков метров и добывал образцы породы. Его заставили бы чистить картошку, если бы они ели картошку, и действительно попытались взвалить на него мытье посуды. Отступили, только договорившись делать это строго по очереди. (Впрочем, Уолтерс заметил, что очередь мистера Лукмана почему-то все не наступала.) Не в том дело, что работы эти были неинтересны. Клещеобразные насекомые попадали в сосуд с раствором, который потом подвергали электрофорезу на фильтровальной бумаге. А еще этих насекомых помещали в маленькие инкубаторы со стерильной водой, стерильным воздухом и стерильными углеводородными парами. Это были

тесты на наличие нефти. Насекомые подобно термитам за-
капывались глубоко под поверхность. Кое-что они выноси-
ли с собой наружу, и электрофорез показывал, что именно.
Инкубаторы проверяли то же самое по-другому. На Пегги,
как и на Земле, существовали микроорганизмы, способные
жить на диете из чистого углеводорода. И если в инкубато-
рах такие микроорганизмы обнаруживались, они не могли
существовать без источника чистого углеводорода в почве.

И в том и в другом случае это означало нефть.

Но для Уолтерса это была просто утомительная работа, и
освобождением от нее были только приказы тащить на бук-
сире магнетометр или разбросать больше копий. После трех
дней работы, вернувшись в свою палатку, он достал свой
контракт и проверил, есть ли там все это. Оказывается, есть.
Он решил, вернувшись в порт Хеграмет, поговорить со сво-
им агентом; после пяти дней он передумал. Нужно просто
убить этого агента... Но дополнительные полеты имели и
благоприятные последствия. Через восемь дней этой трехне-
дельной экспедиции Уолтерс с радостью сообщил Лукману,
что у него кончается горючее и ему придется лететь на базу.

* * *

Когда он явился в свою маленькую квартиру, было уже
темно; но квартира аккуратно прибрана, а это приятная
неожиданность; Долли дома, а это еще лучше; а лучше всего

то, что она была в хорошем настроении и явно обрадовалась ему.

Вечер прошел превосходно. Они занимались любовью; Долли приготовила ужин; снова занимались любовью, и вот в полночь они сидели в постели, опираясь спиной на подушки, вытянув ноги, держась за руки, и пили вино.

– Я бы хотела, чтобы ты взял меня с собой, – сказала Долли, когда он рассказал ей о своем чартере в Новом Делавере. Долли не смотрела на него; она лениво перебирала кукольными головами, надетыми на пальцы, выражение у нее было спокойное и расслабленное.

– Никакой возможности, дорогая. – Он рассмеялся. – Ты слишком красива, чтобы везти тебя в буш к четырем изнывающим арабам. Я сам там не чувствую себя в безопасности.

Она подняла руку; по-прежнему лицо расслаблено. На пальце у нее кошачья морда с ярко-красными блестящими усами. Розовый рот раскрылся, и послышался кошачий голос:

– Вэн говорит, что они очень грубые. Говорит, что они готовы были убить его только за разговор о религии. Говорит, что боялся: они его убьют.

– Да? – Уолтерс подвинулся, спинка кровати больше не казалась ему удобной. Он не задал вопроса, который прежде всего пришел ему в голову (этот вопрос был «Значит, ты видишься с Вэном?»), потому что это означало бы, что он ревнует. Он только спросил: «Как Вэн?» Но тот, другой, вопрос

содержался в этом, и Уолтерс получил ответ. Вэну гораздо лучше. Синяк под глазом почти незаметен. У Вэна корабль на орбите – хичи-пять, но это его личная собственность, и он специально оборудован – так он говорит, она сама не видела. Конечно. Вэн намекал, что некоторые приборы – старые приборы самих хичи, и, может, он приобрел их не очень честно. Вэн говорит, что есть еще много неизвестных приборов хичи, потому что люди, их нашедшие, ничего не сообщают, чтобы не делиться доходами с Корпорацией «Врата», понимаешь? Вэн считает, что у него есть на это право – из-за его невероятной жизни, ведь его воспитали практически сами хичи...

И Уолтерс, не желая того, все-таки произнес свой вопрос: «Похоже, ты часто видишься с Вэном». Он старался говорить небрежно, но голос его выдавал. Уолтерс был обеспокоен и рассержен, скорее рассержен, чем обеспокоен – в сущности, это не имеет смысла! Вэн совсем непривлекателен. И характер у него плохой. Конечно, он богат, к тому же по возрасту гораздо ближе к Долли...

– О, милый, не ревнуй, – сказала Долли собственным голосом, и говорила она довольным тоном – это слегка успокоило Уолтерса. – Он скоро улетит. Не хочет быть здесь, когда вернется транспорт. Сейчас он как раз запасает припасы для следующего полета. Только поэтому он здесь оказался. – Она снова подняла руку с куклой, и детский кошачий голос пропел: – Младший ревнует Долли!

– Нет, – инстинктивно ответил он и тут же признался: – Да. Не вини меня, Долли.

Она придвинулась в постели, пока губы ее не оказались возле его уха, он ощутил ее мягкое дыхание, послышался кошачий голос: «Не буду, мистер Младший, но я ужасно обрадуюсь, если вы будете...» И примирение прошло очень хорошо; и как раз в середине четвертого раунда прозвонил пьезофон.

Уолтер дал ему прозвонить пятнадцать раз, достаточно, чтобы закончить свое занятие, хотя, конечно, не с таким удовольствием, как ему хотелось. Говорил дежурный офицер аэропорта.

– Я не вовремя позвонил, Уолтерс?

– Говори, что нужно, – ответил Уолтерс, стараясь сдерживать свое дыхание, все еще не пришедшее в норму.

– Ну, Оди, поднимайся и приводи себя в порядок. Обнаружена группа из шестерых – с цингой. Координаты не очень ясны, но у них есть радиобуй. Ты отвезешь к ним врача, дантиста и запас витамина С. Вылететь с рассветом. Это значит, что в твоём распоряжении девяносто минут.

– О дьявол, Кэри! А нельзя ли отложить?

– Только если хочешь, чтобы они умерли, не дождавшись помощи. Они в очень плохом состоянии. Пастух, нашедший их, говорит, что, по его мнению, двое не выживут.

Уолтерс выругался про себя, виновато посмотрел на Долли и неохотно начал одеваться.

Когда Долли заговорила снова, голос ее не был кошачьим.

– Младший! А нам нельзя вернуться домой?

– Мы дома, – ответил он, стараясь говорить весело.

– Ну, Младший... – Лицо ее оставалось неподвижным, но в голосе он слышал напряжение.

– Долли, любимая, – сказал он, – там нас ничего не ждет. Вспомни. Именно поэтому такие люди, как мы, прилетают сюда. Перед нами целая новая планета – да наш город будет больше Токио, новее Нью-Йорка; через несколько лет будет шесть транспортов, ты знаешь, а вместо шаттлов петли Лофстрома...

– Но когда? Я ведь могу и состариться...

Не было никакой причины, чтобы голос ее звучал несчастно, но он так звучал. Уолтерс глотнул, перевел дыхание и постарался отшутиться.

– Сладкие штанишки, – сказал он, – даже в девяносто ты не будешь старой. – Никакого ответа. – Ну, милая, – уговаривал он, – жизнь будет гораздо лучше. Скоро в нашем Оортвом облаке запустят пищевую фабрику. Может, даже на следующий год. И мне пообещали работу пилота на строительстве...

– Прекрасно! И тогда я тебя буду видеть раз в год, а не раз в месяц. И буду сидеть в этой развалине, и даже никакой программы, чтобы поговорить, нет.

– Будут программы...

– Я умру, не дождавшись их!

Теперь он окончательно очнулся, вся радость ночи забылась. Он сказал:

– Послушай. Если тебе здесь не нравится, нам необязательно оставаться. На Пегги не только порт Хеграмет. Можем взять землю, расчистить ее, построить дом...

– Растить крепких сыновей, основать династию? – В голове ее звучало презрение.

– Ну... в этом роде.

Она отвернулась.

– Прими душ, – посоветовала. – От тебя пахнет сексом.

И пока Оди Уолтерс Мл. принимал душ, одно из существ, очень не похожее на кукол Долли (хотя одна кукла и должна была его представлять), впервые за тридцать один подлинный год взглянуло на звезды; и тем временем один из больных изыскателей перестал дышать, к большому облегчению пастуха, который, отвернув голову, пытался помочь ему; а тем временем на Земле происходили мятежи, и на планете в восьмистах световых годах умер пятьдесят один колонист...

А тем временем Долли приготовила ему кофе и оставила на столе. Сама вернулась в постель и спала или делала вид, что спит, пока он пил кофе, одевался и выходил из дома.

Когда я с того удаления, которое нас разделяет, смотрю на Оди, мне печально, что он выглядит таким незначительным. На самом деле это не так. Он хороший человек. Перво-

классный пилот, сильный, смелый, достаточно жесткий, когда необходимо, добрый, когда есть возможность. Вероятно, если посмотреть изнутри, все выглядят незначительными, и, конечно, теперь я вижу его изнутри – с большого удаления изнутри, или снаружи, в зависимости от того аналога геометрии, который вы выберете для этой метафоры. (Не могу слышать, как вздыхает старина Зигфрид: «О Робин! Такое отвлечение!») Но Зигфрид ведь никогда не подвергался расширению.) У всех у нас свои сферы ничтожности, вот что я хочу сказать. Лучше было бы называть их сферами уязвимости, и Оди просто оказался очень уязвим во всем, что связано с Долли.

Но ничтожность – не естественное состояние для Оди. В последующие часы он был во всех отношениях очень нужным человеком, изобретательным, готовым прийти на помощь, неустанным. Ему приходилось быть таким. За мягкой внешностью планеты Пегги скрывается немало ловушек.

Если судить по остальным земноподобным планетам, Пегги – настоящая драгоценность. У нее пригодная для дыхания атмосфера. Флора не всегда вызывает кожные заболевания, а фауна поразительно мирная. Ну, не совсем мирная. Скорее тупая. Уолтерс иногда задумывался, что нашли на планете Пегги хичи. Дело в том, что хичи предположительно интересовались разумной жизнью – не то чтобы они много ее нашли, – и уж на планете Пегги ее определенно не было. Самым умным животным был хищник, размером с лису,

медлительный, как крот. Коэффициент интеллектуальности у него как у индейки, и он оказывался главным врагом самому себе. Добыча его еще глупее и медлительнее, так что у него всегда хватало еды, и основной причиной смерти для него служило удушье: он задыхался от частиц пищи, которые отрывивал, съев слишком много. Люди могли есть этого хищника и большую часть его добычи и вообще почти все живое... но пока оставались осторожными.

Но незадачливые изыскатели урана не были осторожны. К тому времени как великолепный тропический восход вспыхнул над джунглями и Уолтерс посадил свою машину на ближайшей поляне, один из них уже умер.

Медикам не было времени смотреть его, поэтому они столпились вокруг еще живых и послали Уолтерса копать могилу. Какое-то время он надеялся переложить эту обязанность на пастухов овец, но их стада к этому времени разбрелись. Стоило Уолтерсу отвернуться, как пастухи тут же исчезли.

Покойник выглядел на девяносто лет и пах как столетний, но на ярлычке на его ноге значилось: «Селим Ясменех, двадцати трех лет, родился в трущобах к югу от Каира». Легко было прочесть остальную часть истории его жизни. Он дорос до отрочества в трущобах Египта, чудом получил выигрышный билет на право проезда за новой жизнью на Пегги, потел на десятиярусных нарах транспорта, мучился в спускающейся с орбиты капсуле – пятьдесят колонистов

привязаны в беспилотном устройстве, капсула сходит с орбиты от толчка извне, все дрожат от ужаса, страшно болтает, когда раскрываются парашюты. В сущности, почти все капсулы приземляются благополучно. Пока всего около трехсот колонистов разбилось или утонуло. Ясменеху и в этом повезло, но когда он попытался перейти от фермерства к разведке тяжелых металлов, везение кончилось, потому что отряд не был осторожен. Тюбики, которыми они питались, когда кончились закупленные заранее запасы пищи, содержали аналог витамина С; считалось, что он проверен. Но в это никогда не верили. Изыскатели знали о риске. Все знали. Но им нужен был еще один день, потом еще один, и еще, а зубы у них начали выпадать, а дыхание стало зловонным, и к тому времени, как пастух набрел на их лагерь, для Ясменеха было уже слишком поздно и почти поздно для всех остальных.

Уолтерсу пришлось всех – и спасателей, и спасенных – отвозить в лагерь, где когда-то будет построена петля и где уже жило около десяти постоянных обитателей. Когда он наконец вернулся к ливийцам, мистер Лукман пришел в ярость. Он вцепился в дверцу самолета Уолтерса и заорал:

– Тридцать семь часов отсутствия! Это невероятно! За нашу огромную плату мы ждем от вас лучшей службы!

– Вопрос жизни и смерти, мистер Лукман, – сказал Уолтерс, стараясь изгнать усталость и раздражение из голоса.

– Жизнь здесь гроша не стоит! А смерть придет к нам ко всем!

Уолтерс протиснулся мимо него и прыгнул на землю.

– Они ведь тоже арабы, мистер Лукман...

– Нет! Египтяне!

– ...ну, мусульмане...

– Мне все равно, даже если бы они были моими братьями.

Наше время драгоценно! Тут очень большая ставка!

К чему сдерживать гнев? Уолтерс рывкнул:

– Это закон, мистер Лукман! Самолет я вам не продавал; я должен был оказать срочную помощь. Прочтите свой контракт!

Неразрешимый спор, и Лукман не пытался отвечать. Он ответил тем, что нагрузил на Уолтерса все дела, что накопились в его отсутствие. И все нужно сделать немедленно. Или еще быстрее. А если Уолтерс не выпался, что ж, когда-нибудь он уснет навечно.

И вот невыспавшийся Уолтерс в следующие часы возил магнитозонды – трудная раздражающая работа, нужно лететь низко и стараться не ударить проклятый прибор о дерево и самому не зарыться в землю. И вот, когда ему удавалось соображать – ведь он фактически вел одновременно две машины, – Уолтерс с горечью думал, что Лукман солгал: конечно, если бы вместо египтян были ливийцы, дело обстояло бы по-другому. Национализм не остался на Земле. И здесь случались столкновения: гаучо против фермеров, выращивающих рис, когда стада в поисках водопоев вытаптывали посадки; китайцы против мексиканцев из-за ошибки на кар-

тах, где была разграничена территория; африканцы против канадцев, славяне против испанцев вообще без причины, которая была бы понятна человеку со стороны. Плохо. Но еще хуже, что иногда раздоры вспыхивали между славянами и славянами, латиноамериканцами и латиноамериканцами.

А ведь планета Пегги могла бы быть замечательным миром. Здесь есть все – почти все, если не считать витамина С; есть гора Хичи с водопадом, который называют Каскадом Жемчужин, восемьсот метров молочно-мутного потока, вытекающего прямо из-под южных ледников; есть пахнущие корицей леса Малого континента, с их глупыми дружелюбными бледно-лиловыми обезьянами – ну конечно, это не настоящие обезьяны. Но они забавны. И Стеклое море. И Пещеры Ветра. И фермы, особенно фермы! Именно фермы заставляли миллионы и десятки миллионов африканцев, китайцев, индийцев, латиноамериканцев, бедных арабов, иранцев, ирландцев, поляков – миллионы отчаявшихся людей стремиться улететь так далеко от Земли и дома.

«Бедные арабы», – думал он; но тут есть ведь и богатые арабы. Как те четверо, на которых он работает. Говоря об «очень крупных ставках», они их размеры определяют, конечно, в долларах и центах. Экспедиция совсем не дешева. Его собственный чартер оценивается шестизначным числом – жаль, что он не может все это оставить себе! А ведь это, пожалуй, самая малая часть их затрат; есть еще палатки и звуковая разведка, магнитометрические исследования

и забор образцов; нужно было заплатить за спутниковое время и снимки, за использование радара при составлении плана местности; и многочисленные инструменты, которые ему приходится таскать по саванне... и каков будет следующий шаг? Придется копать. Пробивать шахту к обнаруженному ими соляному куполу, в трех тысячах метров под ними, и стоять это будет миллионы...

Впрочем, вскоре он обнаружил, что стоять это будет не так уж много, потому что у арабов тоже была незаконно добытая технология хичи, о которой Вэн говорил Долли.

Первое, что люди узнали о давно исчезнувших хичи, это то, что те любили строить туннели: образцы этой их работы были обнаружены под поверхностью планеты Венера. И прорывали они эти туннели с помощью технологического чуда – полевого проектора, который ослаблял кристаллическую структуру камня, превращая его в нечто вроде жидкой грязи; эту грязь они выкачивали и покрывали поверхность туннеля твердым голубым блестящим металлом хичи. Такие полевые проекторы были найдены, но их нет в частном владении.

Однако, похоже, группа мистера Лукмана обладает доступом к ним... а это означает не только деньги, но и влияние... и по отдельным замечаниям во время отдыха или еды Уолтерс заподозрил, что этими деньгами и влиянием они обязаны человеку по имени Робинетт Броудхед.

Соляной купол был найден, места для бурения подобраны, главная работа экспедиции выполнена. Оставалось толь-

ко проверить еще несколько возможностей и завершить исследования. Даже Лукман несколько расслабился, а по вечерам все чаще разговоры заходили о доме. Оказалось, что их дом вовсе не Ливия и даже не Париж. Это Техас, где у них оставались в среднем по 1,75 жены и с полдесятка детей на каждого. Не очень равномерно распределенных, как мог судить Уолтерс, но здесь арабы, вероятно умышленно, не вдавались в подробности. Чтобы побудить их к большей откровенности, Уолтерс стал рассказывать о Долли. И рассказал больше, чем собирался. О ее крайней молодости. О ее представлениях. Ее наручных куклах. Он рассказал, как искусно делает Долли этих кукол – утку, щенка, шимпанзе, клоуна. И лучше всех – хичи. У хичи Долли уходящий назад лоб, клювастый нос, торчащий подбородок, глаза раскосые, как на египетских настенных росписях. В профиль такое лицо – почти сплошная наклонная линия: все это, конечно, вымышлено, потому что никто не видел хичи.

Младший из ливийцев Фавзи рассудительно кивнул:

– Хорошо, когда женщина зарабатывает деньги.

– Дело не только в деньгах. Это дает ей занятие, понимаете? Но все же я боюсь, что ей скучно в порту Хеграмет. Поговорить не с кем.

Ливиец по имени Шамин тоже кивнул.

– «Программы, – мудро посоветовал он. – Когда у меня была только одна жена, я купил ей несколько программ для того, чтобы у нее была компания. Помню, особенно ей нра-

вились «Дорогой Эбби» и «Друзья Фатимы».

– Я бы хотел сделать то же, но на Пегги пока еще ничего подобного нет. И ей очень трудно. И я не могу ее винить. Иногда мне хочется любви, а она... – Уолтерс смолк, потому что ливийцы рассмеялись.

– Во второй суре сказано, – с грубым смехом заявил Фавзи, – что женщина наше поле и мы можем возделывать это поле, когда захотим. Так говорит Аль Бакара по прозвищу Корова.

Уолтерс, сдерживая возмущение, решился пошутить:

– К сожалению, моя жена не корова.

– К сожалению, твоя жена не жена, – насмеялся араб. – У себя в Хьюстоне таких, как ты, мы зовем подкаблучник. Позор для мужчины.

– Знаете что... – начал Уолтерс, покраснев; но взял себя в руки. У кухонной палатки Лукман отмерял ежедневные порции бренди; он нахмурился при звуках голосов. Уолтерс принужденно улыбнулся.

– Мы никогда не придем к одному мнению, – сказал он, – но не стоит ссориться. – И попытался сменить тему. – Интересно, – сказал он, – почему вы решили искать нефть именно на экваторе?

Фавзи поджал губы и пристально посмотрел на Уолтерса, прежде чем ответить:

– У нас есть много указаний, что тут может быть нефть.

– Конечно. Все эти снимки, они ведь опубликованы. Это

не тайна. Но в северном полушарии, в районе Стеклянного моря, местность еще более многообещающая.

– Хватит! – прервал Фавзи. – Тебе платят не за то, чтобы ты задавал вопросы, Уолтерс.

– Я только...

– Ты вмешиваешься не в свое дело, вот что ты делаешь!

Снова голоса зазвучали громко, но на этот раз подошел Лукман с восемьюдесятью миллилитрами бренди для каждого.

– В чем дело? – спросил он. – О чем спрашивает американец?

– Не важно. Я не ответил.

Лукман некоторое время смотрел, держа в руке порцию бренди Уолтерса, потом неожиданно поднес ее ко рту и выпил. Уолтерс подавил протест. Не имеет значения. Он совсем не хочет пить с этими людьми. И вообще тщательное отмеривание миллилитров не мешает Лукману пропускать порцию-другую в одиночестве, потому что лицо его покраснело, а голос охрип.

– Уолтерс, – взревел он. – Я наказал бы тебя за твое вынюхивание, но это не важно. Ты хочешь знать, почему мы ищем здесь, в ста семидесяти километрах от того места, где будет сооружена петля? Тогда посмотри вверх! – И он театрально указал на темнеющее небо и со смехом ушел. Через плечо бросил: – Больше это не имеет значения!

Уолтерс посмотрел ему вслед, потом поднял глаза к ноч-

ному небу.

Яркая голубая бусина скользила на фоне незнакомых созвездий. Транспорт! Межзвездный корабль «С. Я. Броудхед» вышел на высокую околопланетную орбиту. Уолтерс видел, что корабль снижается, приближаясь к планете, огромный спутник в форме картофелины, сверкающий голубым в безоблачном небе планеты Пегги. Через девятнадцать часов он снизится. Но еще до этого Уолтерс должен быть в своем шаттле, участвовать в лихорадочной разгрузке, в перевозке пассажиров первого класса или в подталкивании капсул, в которых перепуганные иммигранты доберутся до своего нового дома.

Уолтерс про себя поблагодарил Лукмана за то, что тот выпил его бренди: он не может позволить себе спать этой ночью. Пока четверо арабов спали, он снимал палатки и собирал оборудование, загружал его в свой самолет, разговаривал с базой в порту Хеграмет, чтобы подтвердить свое назначение на шаттл. Подтвердил. Если завтра к полудню он будет в порту, то сможет участвовать в разгрузке огромного транспорта и подготовке его к обратному рейсу. На рассвете он поднял бранящихся арабов. Через полчаса они уже летели домой.

Он вовремя добрался до аэропорта, хотя внутри него что-то шептало: «Слишком поздно. Слишком поздно...»

Для чего слишком поздно? Вскоре он узнал. Когда он попытался заплатить за горючее, на указателе банковского сче-

та вспыхнул нуль. Ничего нет на их общем с Долли счете.

Невозможно! «Так ли уж невозможно?» – подумал он, глядя на то поле, где несколько дней стоял посадочный аппарат Вэна и где теперь его не было. И, придя домой, он не удивился увиденному. Банковский счет пуст. Одежда Долли исчезла, ее куклы тоже, и, конечно, не было и самой Долли.

В то время я не думал об Оди Уолтерсе. А если бы думал, то, конечно, поплакал бы о нем – или о себе. Решил бы, что это неплохой повод для плача. Я хорошо знал эту трагедию, когда исчезает горячо любимый человек, моя любовь годы и годы назад была заключена в черную дыру.

Но правда в том, что я о нем и не думал. Занимался своими делами. Больше всего меня заботила боль в кишках, но много я думал и о террористах, угрожающих мне и всему, что меня окружает.

Конечно, не все вокруг плохо. О своих изношенных внутренностях я думал, потому что они меня заставляли это делать. Но тем временем мои новые артерии медленно укреплялись; и ежедневно шесть тысяч клеток умирали в моем невосстановимом мозге; а тем временем звезды замедляли свое движение и вселенная приближалась к своей энтропийной смерти, и тем временем... Тем временем все, если подумать, шло под уклон. Но я об этом не думал!

Но так мы устроены, верно? Продолжаем жить, потому что приучили себя не думать обо всех этих «тем временем»,

пока они сами, подобно моим кишкам, не заставят нас задуматься.

Эти слова Робина также нуждаются в разъяснении. Хичи очень интересовались жизнью, особенно разумной или обещавшей такой стать. У них был прибор, который позволял им улавливать чувства существ на далеких мирах.

Но этот прибор не только воспринимал, но и передавал. Собственные эмоции оператора передавались объектам операции. И если оператор был расстроен, угнетен... или безумен, последствия могли быть очень тяжелые. У мальчишки Вэна был такой прибор, когда он жил на корабле хичи. Он называл его кушеткой для снов – ученые позже переименовали его в телепатический психокинетический приемопередатчик – ТПП, и когда Вэн им пользовался, происходили события, описанные Робинот.

Конечно, вы понимаете, что «ничтожность», о которой здесь говорит Робин, не принадлежит Оди Уолтерсу. Робин никогда не был ничтожеством; но время от времени ему приходилось убеждать себя в этом. Станные существа люди!

* * *

Подозрения Уолтерса о том, что проект финансировал Робин Броудхед, вполне обоснованны. А вот мнение Уолтерса

о мотивах Робина – вовсе наоборот. Робин был высокоморальным человеком, но обычно не очень стремился соблюдать законы. К тому же он получал большое удовольствие, соря намеками на себя, особенно когда говорил в третьем лице.

3. Бессмысленное насилие

Бомба в Киото сожгла деревянную статую Будды, которой было больше тысячи лет; беспилотный корабль приземлился на астероиде Врата и, когда его открыли, выпустил целое облако спор сибирской язвы; перестрелка в Лос-Анджелесе; плутониевая пыль в главном водопроводном резервуаре Лондона – вот что обрушивалось на нас. Терроризм. Бессмысленное насилие.

– Странный мир, – сказал я своей дорогой жене Эсси. – Индивидуумы действуют трезво и разумно, но, собираясь вместе, они становятся неразумными подростками; собираясь группами, они ведут себя как дети.

– Да, – кивнула Эсси, – это верно, но скажи мне, Робин, как твои кишки?

– Хорошо, ожидания оправдывают, – ответил я и добавил шутку: – Невозможно больше достать хорошие запчасти. – Потому что мои кишки, конечно, транспланта, как и многие другие части моего тела, – таковы достоинства Полной Медицины Плюс. – Но я говорю не о своей болезни. О болезни

мира.

– Ты прав, – согласилась Эсси, – хотя, по моему мнению, если бы у тебя с кишками было все в порядке, ты реже говорил бы о таких вещах. – Она подошла ко мне сзади и положила ладонь мне на лоб, глядя с отсутствующим выражением на Таппаново море. Эсси понимает устройство человека, как немногие, о чем свидетельствуют ее премии, но когда она хочет узнать, нет ли у меня температуры, то делает это так же, как когда-то ее нянька в Ленинграде. – Температуры нет, – неохотно сказала она, – а что говорит Альберт?

– Альберт говорит, – ответил я, – что тебе нужно заняться своими гамбургерами. – Я сжал ее руку. – Честно, со мной все в порядке.

– А ты надежности ради спросишь все-таки Альберта? – торгуется она. На самом деле она очень занята новой группой своих предприятий, и я об этом знаю.

– Спрошу, – пообещал я, похлопав ее по все еще великолепному задку. Она скрылась в своей мастерской. Как только она ушла, я позвал: – Альберт. Ты слышал?

В голограмме над моим столом появилось изображение моей информационной программы. Альберт почесывал нос концом своей трубки.

– Да, Робин, – сказал Альберт Эйнштейн, – конечно, я слышал. Как вы знаете, мои рецепторы всегда функционируют, за исключением тех случаев, когда вы их специально отключаете или когда ситуация исключительно интимная.

– Гм, – ответил я, рассматривая его. Он совсем не франт, мой Альберт, в своем неаккуратном свитере, собранном складками на шее, в спущенных носках. Эсси все это поправила бы в секунду, если бы я попросил, но мне он и таким нравится. – И как же ты определяешь, что ситуация интимная, если не подсматриваешь?

Он переместил кончик трубки с носа на щеку, продолжая почесывать и мягко улыбаться: знакомый вопрос и ответа не требует.

Альберт скорее друг, чем компьютерная программа. Он достаточно сообразителен, чтобы не отвечать на риторические вопросы. Когда-то у меня было более десяти воспринимающих и обрабатывающих информацию программ. Одна программа – бизнес-менеджер – рассказывала, как обстоит дело с моими инвестициями, другая – медицинская – сообщала, когда нужно заменять органы (между прочим, я считаю, что она вступила в заговор с другими программами и они совместно добавляли мне в пищу лекарства), юридическая программа помогала не попадать в неприятности, а когда я все же в них попадал, мне помогала моя старая психоаналитическая программа. Или пыталась помочь: я не всегда верил Зигфриду. Но постепенно я ограничился только одной программой. Это мой научный советник и помощник, мастер на все руки Альберт Эйнштейн.

– Робин, – с мягким укором сказал он, – вы ведь меня вызвали не для того, чтобы проверить, подглядываю ли я?

– Ты прекрасно знаешь, почему я тебя вызвал, – ответил я, и он правда знал. Он кивнул и указал на угол комнаты, в сторону Таппанова моря; там находится экран интеркома. Альберт управляет и им, как и всем остальным оборудованием в доме. На экране появилось нечто вроде рентгеновского снимка.

– Пока мы разговаривали, – сказал Альберт, – я позволил себе просветить вас пульсирующим звуком, Робин. Посмотрите сюда. Вот это ваш последний кишечный транспланта, и если вы посмотрите внимательней – подождите, я увеличу изображение, – я думаю, вы заметите, что вся эта область воспалена. Боюсь, что происходит отторжение.

– Мне не нужно это объяснять! – рявкнул я. – Сколько?

– Сколько времени до того, как положение станет критическим? Ах, Робин, – искренне сказал он, – трудно сказать: ведь медицина по-прежнему не точная наука...

– Сколько?

Он вздохнул.

– Я сообщу вам минимальную и максимальную оценки. Катастрофические последствия не наступят в течение ближайшего дня и обязательно наступят через шестьдесят дней.

Я расслабился. Не так плохо, как могло бы быть.

– Так что у меня есть время, прежде чем положение станет серьезным.

– Нет, Робин, – энергично возразил он, – оно уже серьезное. Неприятные ощущения будут усиливаться. Вы должны

немедленно начать прием лекарств, но даже при этом вероятны очень сильные боли. — Он помолчал, глядя на меня. — Судя по вашему выражению, — заметил он, — какая-то идиосинкразия заставляет вас откладывать принятие мер как можно дольше.

— Я хочу остановить террористов!

— А, да, — согласился он, — это я знаю. И очень веская причина, если мне позволено будет высказать мнение. Поэтому вы хотите лететь в Бразилию и выступить перед комиссией Врат... — это верно; дело в том, что наибольший вред террористы наносили с космического корабля, который никто не мог обнаружить, — попытаться убедить членов комиссии поделиться данными о террористах. А от меня вы ожидаете заверения, что задержка вас не убьет.

— Совершенно верно, мой дорогой Альберт. — Я улыбнулся.

— Могу вас в этом заверить, — серьезно сказал он, — по крайней мере, я могу следить за вами, пока ситуация не станет острой. Но в тот момент вы должны будете немедленно подвергнуться операции.

— Согласен, мой дорогой Альберт. — Я улыбнулся, но ответной улыбки не получил.

— Однако, — продолжал он, — мне кажется, что это не единственная причина, по которой вы откладываете трансплантацию. Мне кажется, у вас на уме что-то еще.

— Ох, Альберт, — вздохнул я, — ты становишься ужасно ску-

чен, когда начинаешь рассуждать как Зигфрид фон Психоаналитик. Будь хорошим парнем и отключись.

И он с задумчивым видом отключился. У него есть все основания выглядеть задумчиво, ибо он прав.

Видите ли, в самой глубине души, где я спрятал ощущение вины, которое не сумел уничтожить Зигфрид фон Психоаналитик, так вот там, глубоко внутри, я ощущаю, что террористы правы. Я не имею в виду все эти убийства, взрывы и сведение людей с ума. Это всегда неправильно. Я хочу сказать, что у них есть право быть недовольными человечеством и право требовать внимания к себе. Я не просто хотел остановить террористов. Я хотел исправить их.

По крайней мере, сделать их не такими больными. И тут мы соприкасаемся с моральной стороной вопроса. Сколько можно взять у другого человека, чтобы не считаться вором?

Вопрос этот все время возникал у меня в голове, и я не знал, где найти на него ответ. Не у Эсси, потому что разговор с Эсси всегда переходил на состояние моих кишок. Не у моей старой психоаналитической программы, потому что разговор с ней всегда смещался от «Как мне улучшить положение?» на «Почему, Робин, вы считаете, что именно вы должны улучшить положение?». Даже не у Альберта. С Альбертом я мог говорить почти обо всем. Но когда я начинаю задавать ему подобные вопросы, он смотрит на меня так странно, словно я попросил его определить свойства флогистона. Или Бога. Альберт всего лишь голографическая проекция, но он

очень хорошо взаимодействует с окружением; иногда появляется такое ощущение, что он на самом деле здесь. И вот он начинает осматриваться в том месте, где мы находимся, допустим в моем доме на Таппановом море – должен признать, что это очень удобный дом, – и всегда говорит что-нибудь вроде: «Почему вы задаете такие метафизические вопросы, Робин?» И я понимаю, что невысказанная часть его ответа такова: ты ведь сам все это создал.

Да, я сам все это создал. До некоторой степени. Мне повезло, достались некоторые деньги, а деньги делают деньги, и теперь я могу купить все, что продается. И даже кое-что из того, что не продается. У меня есть очень многое. Есть Влиятельные Друзья. Я Человек, С Которым Следует Считаться. Моя дорогая жена Эсси меня любит, любит по-настоящему – и часто несмотря на наш возраст. Так что я начинаю смеяться и меняю тему... но ответа я так и не получил.

И даже сейчас у меня нет ответа, хотя вопросы теперь задавать гораздо труднее.

Меня мучают угрызения совести, что я оставляю Оди Уолтерса в беде из-за своего долгого отступления, поэтому позвольте мне закончить.

Я чувствую свою вину перед террористами, потому что они бедны, а я богат. Перед ними вся огромная Галактика, но у нас нет возможности доставить их туда, во всяком случае недостаточно быстро, и вот они исходят криком. Умира-

ют с голоду. Видят на ПВ, какой великолепной может быть жизнь у некоторых, а потом оглядываются на свои трущобы, лачуги, хижины и видят, в каком они положении, какие у них ничтожные шансы приобрести все эти хорошие вещи до своей смерти. Это называется революцией возрастающих запросов. Так говорит Альберт. Должно существовать средство против этого, но я не могу его найти. И вот я задаю себе вопрос: имею ли я право еще ухудшать положение? Имею ли право покупать чьи-то органы, кожу, артерии, когда мои собственные изнашиваются?

Я не знал ответа тогда и не знаю его сейчас. Но боль во внутренностях значила для меня меньше, чем боль от сознания, что я краду чью-то жизнь, просто потому, что могу заплатить за это, а другой не может.

И вот пока я сидел, прижав руку к животу, и думал о том, что стану делать, когда вырасту, вселенная продолжала заниматься своими делами.

И большая часть этих дел была беспокойной. Действовал принцип Маха, который много раз пытался объяснить мне Альберт: согласно этому принципу, кто-то, может быть хичи, пытается сжать вселенную в шар и переписать физические законы. Невероятно. И страшно, как подумаешь... но до этого еще миллионы и миллиарды лет, так что я не называл бы это самым главным беспокойством. Гораздо ближе террористы и растущие армии. Террористы перехватили стартовую петлю, которую направляли в Высокий Пентагон. Новые по-

полнения террористов черпались в Сахеле, где в очередной раз случился неурожай. Тем временем Оди Уолтерс пытался начать новую жизнь без своей грешной жены; а его жена тем временем грешила с этим отвратительным Вэном; а тем временем в центре Галактики у Капитана возникли эротические замыслы, направленные на помощницу, чье дружеское имя было Дважды; а тем временем моя жена, даже обеспокоенная состоянием моего живота, деятельно занималась распространением сети своих предприятий на Папуа Новую Гвинею и Андаманские острова: а тем временем... о, тем временем! Многое происходило тем временем!

Как всегда, хотя обычно мы об этом не знаем.

Принцип Маха, о котором говорит Робин, тогда был только гипотезой, хотя, как говорит Робин, очень пугающей. Позвольте только сказать, что существуют данные о том, что расширение вселенной было остановлено и началось сжатие – и по отрывочным записям хичи можно даже заключить, что этот процесс начался не по естественным законам природы.

4. На борту «С.Я.»

В 1908 световых годах от Земли мой друг – прежний друг, но готовый снова им стать, Оди Уолтерс опять вспомнил мое имя, и не добром. Он нарушил правило, установленное мной.

Я уже упоминал, что мне принадлежит многое. И среди прочего доля в самом большом космическом корабле, известном человечеству. Этот корабль был оставлен хичи в Солнечной системе, он плавал в районе кометного облака Оорта, пока не был обнаружен. Обнаружен людьми, я хочу сказать – хичи и австралопитеки не в счет. Мы называли его «Небом Хичи», но когда мне пришло в голову, что из него получится превосходный транспорт для перевозки бедняков с Земли на какую-нибудь гостеприимную планету, где они смогут жить, я убедил остальных держателей акций переименовать корабль. В честь моей жены его назвали «С. Я. Брудхед». И вот с помощью моих денег его переоборудовали для перевозки колонистов, и мы начали постоянные рейсы к лучшему и ближайшему из таких мест – к планете Пегги.

Это привело меня опять к ситуации, когда совесть и благие намерения приходят в столкновение: ведь я хотел всех доставить туда, где они будут счастливы, но чтобы сделать это, мне нужно было получать прибыль. Отсюда Правила Брудхеда. В принципе, они таковы же, как и на астероиде Врата много лет назад. Вы могли прилететь туда, причем в кредит, если вам повезло и вы вытянули счастливый жребий. А вот улететь назад на Землю можно было только за наличные. Если у вас есть земля, вы можете заложить свои шестьдесят гектаров компании, и она купит вам обратный билет. Если же у вас нет земли и нечего продать, можете оставаться на месте.

Впрочем, если вы опытный пилот с лицензией, а один из офицеров корабля решил остаться на Пегги, вы можете отработать свой возврат. Так обстояло дело с Уолтерсом. Он не знал, что будет делать, когда вернется на Землю. Но твердо знал, что не может оставаться в пустой квартире, покинутой Долли, и вот он продал, как мог, мебель, в перерывах между полетами шаттла договорился с капитаном «С.Я.» и отправился назад. Ему показалось странным и невероятным, что то, о чем просила его Долли и что он считал совершенно невозможным, неожиданно стало единственно возможным, когда она бросила его. Но жизнь, как он уже знал, часто бывает странной и непонятной.

И вот в последнюю минуту, дрожа от усталости, он явился на борт «С.Я.». До первого дежурства у него было десять часов, и он все их проспал. И все же он был не вполне в себе и от усталости, и от пережитой травмы, когда пятнадцатилетний колонист-неудачник принес ему кофе и проводил в контрольную рубку межзвездного транспорта «С. Я. Броудхед», бывшего «Неба Хичи».

Как огромен этот корабль! Глядя снаружи, так не скажешь, но эти длинные коридоры, эти камеры с десятиарусными нарами, теперь пустые, эти охраняемые галереи и залы с незнакомыми механизмами и возвышениями на месте убранных механизмов – таких просторов Уолтерс по своему прежнему знакомству с космическими кораблями не знал. Даже контрольная рубка оказалась огромной; и даже сами

приборы управления дублировались. Уолтерс летал в кораблях хичи; он добрался до планеты Пегги, пилотируя пятиместник. Приборы почти такие же, но здесь их два набора, и транспорт не двигается, если пилоты не сидят одновременно за обоими.

– Добро пожаловать на борт, седьмой. – Женщина с восточной внешностью на левом сиденье улыбнулась. – Я Джейни Жи-ксинг, третий офицер, а вы мой сменщик. Капитан Амейро будет через минуту.

Она не протянула руки, даже не оторвала ее от приборов. Но Уолтерс иного и не ожидал. Во время дежурства руки пилотов все время должны лежать на приборах, иначе птица не полетит. Конечно, она и не разобьется, потому что разбиться не обо что, но и сохранять курс и ускорение не будет.

Вошел Лудольфо Амейро, пухлый маленький человек с седыми бакенбардами и с девятью синими браслетами на левом рукаве – мало кто сейчас их носил, но Уолтерс знал, что каждый браслет означает полет на корабле хичи в дни, когда вы не знали, куда несет вас корабль; так что это человек с большим опытом!

– Рад видеть вас на борту, Уолтерс, – небрежно сказал он. – Знаете, как принимать вахту? Ничего особенного. Просто положите руки на руль поверх рук Жи-ксинг... – Уолтерс кивнул и сделал, как ему приказали. Она осторожно извлекла свои мягкие теплые руки, сняла свой приятный зад с сиденья, уступая место Уолтерсу. – Вот и все, Уолтерс, – удо-

влетворенно сказал капитан. – Вести корабль на самом деле будет первый офицер Маджур, – он кивнул в сторону смуглого улыбающегося человека, только что занявшего правое сиденье, – и он объяснит, что вам нужно делать. Перерывы для туалета каждый час по десять минут... и все. Приходите к нам на обед.

Это приглашение было подкреплено улыбкой третьего офицера Джейни Жи-ксинг; и, слушая инструкции Гази Маджура, Уолтерс с удивлением понял, что уже целых десять минут не вспоминал о Долли.

На самом деле все не так просто. Пилотирование – это пилотирование. Об этом не нужно забывать. А вот навигация – нечто совсем иное. Особенно когда были расшифрованы старые навигационные карты хичи, вернее, частично расшифрованы. Это произошло, когда Уолтерс возил пастухов и изыскателей по Пегги.

Звездные карты, которыми пользовались на «С.Я.», были гораздо сложнее, чем те, к которым привык Уолтерс. Они существовали в двух вариантах. Более интересный – это карты самих хичи. Странные золотистые и серо-зеленые обозначения расшифровали лишь частично, но на этих картах было обозначено все. Другие, гораздо менее подробные, но зато гораздо более полезные для людей, это карты, изготовленные на Земле и снабженные надписями на английском языке. Нужно было также следить за корабельным журналом, ку-

да автоматически записывалось все происходящее. Имелась также система слежения за всеми помещениями корабля – конечно, это не дело пилотов, но если случались какие-нибудь неисправности, пилот должен об этом знать. Все это оказалось новым для Оди.

* * *

Хорошо то, что все эти новинки занимали время Уолтерса. Учила его Джейни Джи-ксинг, и это тоже было хорошо, потому что она направляла его мысли в другую сторону... конечно, кроме тяжелых минут перед сном.

На обратном пути «С.Я.» почти пустовала. Более тридцати восьми сотен колонистов высадились на Пегги. А не возвращался почти никто. Тридцать членов экипажа; военная команда, направленная четырьмя державами, совладельцами Корпорации «Врата»; и около шестидесяти иммигрантов-неудачников. Это самый низкий класс. Для того чтобы иметь возможность улететь, они лишились всего. И теперь возвращались в свою пустыню или трущобу, откуда бежали, потому что не выдержали испытаний нового мира. «Бедняги», – заметил Уолтерс, минувя группу таких неудачников, которые неохотно чистили воздушные фильтры. Но Джи-ксинг с ним не согласилась.

– Не стоит их жалеть, Уолтерс. Они сами этого захотели, но не выдержали. – Она что-то презрительно сказала по-ки-

тайски, и рабочие на минуту зашевелились проворнее.

– Нельзя винить людей за тоску по дому.

– Дом! Боже, Уолтерс, ты говоришь так, словно еще остался какой-то дом. Ты слишком долго не был на Земле.

Она остановилась на пересечении двух коридоров, голубого, крытого металлом хичи, и золотого. Помахала солдатам в формах Китая, Бразилии, Соединенных Штатов и Советского Союза.

– Видишь, как они подружились? – спросила она. – Раньше они не очень серьезно относились к своему делу. Болтались по кораблю, дружили с экипажем, никогда не носили оружие, для них это просто был оплаченный круиз по космосу. Но теперь... – Она покачала головой и неожиданно схватила Уолтерса за руку, когда он собрался подойти к солдатам. – Ты почему меня не слушаешь? Они тебе покажут, если попробуешь туда подойти.

– А что там?

Она пожала плечами.

– Приборы хичи, которые не убрали, когда приспособляли корабль. Именно их они и охраняют, хотя, – добавила она, понизив голос, – если бы они знали корабль лучше, то лучше смогли бы выполнять свою работу. Пошли, нам сюда.

Уолтерс охотно пошел за ней. Он был благодарен за эту туристскую экскурсию. «С.Я.» – самый огромный корабль, какой приходилось видеть и ему, и остальным людям, построенный хичи, очень старый и все же во многих отноше-

ниях поразительный. Они уже на полпути к дому, а Уолтерс не исследовал и четверти его сверкающих запутанных коридоров. Неисследованной оставалась и личная каюта Джиксинг, и он ждал этого исследования с интересом мужчины, уже десять дней сохранявшего вынужденное воздержание.

– Что это? – спросил он, остановившись у пирамидального сооружения из зеленоватого металла в углублении стены. Альков закрывала припаянная тяжелая стальная решетка, преграждающая доступ любопытным.

– Самой интересно, – сказала Джиксинг. – Никто этого не знает, поэтому и оставили на месте. Кое-что нельзя убрать, кое-что при этом выходит из строя или может взорваться, если попробовать удалить. Сюда, в этот коридор. Здесь я живу.

Узкая аккуратная постель, портрет пожилой восточной пары на стене – родители Джейни? – пестро раскрашенный стеной шкаф. Джиксинг сделала эту каюту своей.

– На обратном пути, – пояснила она. – На пути туда это каюта капитана, а все остальные спят на койках в рулевой рубке. – Она поправила покрывало на койке; впрочем, оно и так было безупречно опрятным. – На пути туда немного шансов отдохнуть, – задумчиво сказала она. – Хочешь вина?

– Пожалуй, – ответил Уолтерс. Он сел, взял бокал вина, потом они выкурили вместе с Джейни сигарету с травкой, и постепенно выяснились и другие возможности каюты, они дарили удобства для тела и удовлетворение для души, и если Уолтерс и вспоминал в ближайшие полчаса о Долли, то не с

гневом, а скорее с сочувствием.

На обратном пути достаточно места, чтобы развлекаться в корабле, даже в такой крошечной каюте, какую столетия назад занимал Горацио Хорнблауэр. Они пили лучшее вино Пегги, а когда прикончили бутылку, каюта стала казаться еще меньше, а до начала смены у них было еще больше часа.

– Я хочу есть, – заявила Джи-ксинг. – У меня тут есть немного риса с соусом, но, может быть...

Домашняя еда – это совсем неплохо. Даже рис с соусом.

– Пошли в камбуз, – сказал Уолтерс, и, не особенно торопясь, рука об руку они пошли в рабочую часть корабля. Задержались на перекрестке коридоров, где давно ушедшие хичи по какой-то только им ведомой причине посадили кустики – ну конечно, не те, что росли сейчас. Джи-ксинг сорвала ярко-синюю ягоду.

– Посмотри, – сказала она, – спелые, а эти бедняги их и не срывают.

– Ты имеешь в виду возвращающихся колонистов? Но они ведь оплатили свой полет...

– Конечно, – с горечью сказала она. – Нет платы, нет полета. Но, вернувшись, они будут жить только на пособие. Что еще у них остается?

Уолтерс попробовал сочную, с тонкой кожицей ягоду.

– Ты не очень-то любишь этих возвращенцев.

Джи-ксинг улыбнулась.

– Я этого и не скрываю, верно? – Но тут же ее улыбка поблекла. – Во-первых, им незачем возвращаться: если бы они жили хорошо, они бы не улетели. Во-вторых, со времени их отлета стало гораздо хуже. Больше актов терроризма. Больше международных конфликтов – да ведь есть страны, которые заново создают армии! А в-третьих, они не только будут от всего этого страдать, отчасти они сами причина этого. Половина тупиц, которых ты тут видишь, через месяц будет в составе террористической группы или в группах поддержки.

Они пошли дальше, и Уолтерс сказал:

– Конечно, я давно не был дома, но слышал, что дела идут все хуже – бомбы, стрельба.

– Бомбы! Если бы только это! У них теперь есть ТПП. На Земле никогда не знаешь, когда ты вдруг без всякого предупреждения спятишь!

– ТПП? А что такое ТПП?

– О боже, Уолтерс, – сказала она, – ты действительно долго отсутствовал. Это раньше называли Сумасшествием, не помнишь? Телемпатический психокинетический приемопередатчик, один из приборов хичи. Их всего около десятка, и один попал в руки к террористам.

– Сумасшествие, – повторил Уолтерс, и воспоминания начали пробиваться из подсознания.

– Да. Сумасшествие, – с мрачным удовлетворением подтвердила Джи-ксинг. – Я была ребенком в Канчу, когда мой отец пришел домой в крови. Кто-то выпрыгнул с верхнего

этажа стекольной фабрики. И прямо на моего отца. Спятивший, явно! И все из-за ТПП.

Уолтерс, не отвечая, кивнул, лицо его помрачнело. Джинксинг удивленно посмотрела на него, потом показала на солдат.

– Главным образом это они и охраняют: на борту «С.Я.» есть одна штука. Их вообще слишком много. И слишком поздно надумали их охранять, потому что у террористов есть пятиместный корабль, а в нем ТПП и кто-то по-настоящему спятивший. Сумасшедший. Когда он добирается до этой штуки, у тебя в голове все переворачивается – Уолтерс, в чем дело?

Он остановился у входа в золотой коридор, и четверо солдат с любопытством взглянули на него.

– Сумасшествие! – сказал он. – Вэн! Он был на этом корабле!

– Конечно, – ответила женщина, нахмурившись. – Послушай, нам нужно успеть перекусить. Пошли. – Она начинала беспокоиться. Челюсти Уолтерса были сжаты, мышцы на лице напряглись. Он был похож на человека, ожидающего удар в лицо, и солдаты следили за ним все более внимательно. – Пошли, Оди, – умоляюще сказала она.

Уолтерс пришел в себя и взглянул на нее.

– Иди, – сказал он. – Я больше не хочу есть.

Корабль Вэна! Как странно, подумал Уолтерс, что он не

заметил этого совпадения раньше. Но, конечно, это так.

Вэн родился на этом самом корабле, задолго до того, как его назвали «С. Я. Броудхед», задолго до того, как человечество узнало о его существовании... если, конечно, не считать принадлежащими к человечеству несколько десятков отдаленных потомков *Australopithecus afarensis*. Вэна родила изыскательница с Врат. Муж ее пропал в одном из полетов, она застряла в другом. Несколько лет цеплялась за жизнь, а потом оставила его сиротой. Уолтерсу трудно было себе представить, каким было детство Вэна – маленький ребенок в огромном, почти пустом корабле, никакого общества, кроме дикарей и компьютерных записей сознания мертвых изыскателей. Одна из этих записей, несомненно, принадлежала его матери. Можно его пожалеть.

Но у Уолтерса не было жалости. К Вэну, отобравшему у него жену. К тому самому Вэну, который первым обнаружил машину ТПП – сокращение от «телемпатический психокинетический приемопередатчик», как называл эту машину язык бюрократии. Сам Вэн называл ее кушеткой для снов, а жители Земли – Лихорадкой, ужасное таинственное заболевание, одержимость, охватывавшая всех людей, когда юный Вэн обнаружил, что кушетка дает ему видимость контакта с какими-то живыми существами. Он не знал, что тем самым и они вступают в контакт с ним, и вот мечты, страхи, сексуальные фантазии подростка начали вторгаться в умы десяти миллиардов людей. Может, и Долли установила эту связь,

хотя она была совсем маленькой, когда это происходило. Уолтерс не знал этого, но сама мысль об этом дала ему новые основания ненавидеть Вэна.

Он не очень ясно помнил это повторяющееся всемирное безумие, едва ли мог представить его опустошающее воздействие. И даже не пытался вообразить одинокое детство Вэна, но нынешний Вэн, летающий меж звездами по своему загадочному делу в сопровождении беглой жены Уолтерса, – эту карточку Уолтерс видел очень ясно.

Весь оставшийся до смены час он провел, представляя себе это, но тут ему пришло в голову, что он тонет в жалости к самому себе, в добровольном уничтожении, а взрослый человек не должен так себя вести.

Он появился вовремя. Джи-ксинг в соседнем пилотском кресле ничего не сказала, но выглядела слегка удивленной. Он улыбнулся ей, занимая свое место, и принялся за работу.

Хотя пилотировать корабль, в сущности, означает держать руки на приборах и дать кораблю возможность лететь самому, Уолтерс был все время занят. Настроение его изменилось. Сама обширность корабля бросала ему вызов. Он следил за Джи-ксинг: она с помощью колен, ног, локтей привела в действие вспомогательные приборы, показывающие курс корабля, его положение в пространстве, его состояние и другие данные, которые, в сущности, не нужны пилоту, но за которыми он следит, чтобы иметь возможность назы-

ваться пилотом. И сделал то же самое. Вызвал на экран данные о курсе, проверил положение «С.Я.», светящейся золотой пылинки на тонкой голубой линии длиной в девятнадцать сотен световых лет; проверил это положение, рассчитав углы на звездной карте; хмурился, глядя на знаки «Держись подальше!» – так обозначались черные дыры и представлявшие угрозу газовые облака по их маршруту; он даже вызвал большую звездную карту хичи и увидел всю Галактику вместе с сопровождающими ее звездными группами. Несколько сотен самых умных человеческих голов и тысячи часов машинного времени потребовалось для расшифровки звездных карт хичи. Некоторые их части до сих пор оставались неразгаданными. И Уолтерс хмуро разглядывал немногие места, где многоцветные мерцающие ореолы, означающие «опасность», были удвоены и утроены. Что может быть настолько опасно, что сама карта хичи, кажется, кричит в страхе?

Как много еще предстоит узнать! И нет лучшего места узнать это, подумал Уолтерс, чем на этом корабле. Работа у него временная, конечно. Но если он хорошо с ней справится... если покажет готовность и способности... если подружится с капитаном... что ж, подумал он, на Земле капитану нужно будет отыскать нового седьмого офицера, а какой кандидат будет лучше Оди Уолтерса?

Когда смена окончилась, Джи-ксинг прошла десять метров, разделяющих два пилотских кресла, и сказала:

– Как пилот, ты очень хорошо выглядишь, Уолтерс. Я немного беспокоилась о тебе.

Он взял ее за руку, и они направились к двери.

– Вероятно, я был в дурном настроении, – извинился он, и Джи-ксинг пожала плечами.

– Первой подружке после развода всегда достается, – заметила она. – Что ты сделал, подключился к какой-нибудь психоаналитической программе?

– Мне это не нужно. Я просто... – Уолтерс колебался, стараясь вспомнить, что же он делал. – Просто разговаривал сам с собой. Понимаешь, когда от тебя уходит жена, – объяснил он, – тебе становится стыдно. Не только ревность, гнев и все такое прочее. Но прошло немного времени, и я понял, что мне нечего стыдиться. Это не мое чувство, понимаешь?

– И это помогло тебе? – спросила она.

– Да, немного погода помогло. – Но, разумеется, лучшее противоядие против боли, причиненной женщиной, другая женщина. Хотя он не хотел говорить о самом противоядии...

– Когда в следующий раз расстроюсь, буду об этом помнить. Ну, пожалуй, пора в постель...

Он покачал головой.

– Еще рано. Как насчет старых приборов хичи? Ты говорила, что знаешь доступ к ним, минуя охрану.

Она остановилась посреди коридора и посмотрела на него.

– Ты и впрямь человек крайностей, Оди, – сказала она. –

Но почему бы и нет?

У «С.Я.» два корпуса. Пространство между ними узкое и темное, но туда можно пройти. И вот Жи-ксинг провела Уолтерса через это пространство у самой наружной оболочки корабля, через лабиринт помещений с пустыми койками колонистов, мимо огромной примитивной кухни, которая их кормила, потом через место, где пахло гнилью и разложением, и наконец, в большое, плохо освещенное помещение.

– Вот они, – сказала она. Говорила она тихо, хотя пообещала ему, что они будут далеко от охраны и их не услышат. – Приблизь голову к этой серебряной корзине – видишь, я на нее показываю? – но ни в коем случае не касайся ее. Это очень важно!

– Почему? – Уолтерс осматривался в помещении, которое, должно быть, служило у хичи чем-то вроде чердака. Здесь не менее сорока приспособлений, больших и маленьких, все прочно вделаны в корпус корабля. Круглые и квадратные, они поблескивали синими и зелеными тонами металла. Было тут и три металлических решетчатых савана, совершенно одинаковых; на один из них и указывала Жи-ксинг.

– Важно, потому что я не хочу, чтобы меня выгнали с корабля, Оди. Так что помни об этом!

– Помню. А почему их три?

– Возможно, это дублирующие системы. Вот теперь по-

слушай. Приблизь голову к этой металлической части, но не слишком близко. Как только ощутишь нечто, остановись. Ты поймешь когда. Но не приближайся больше, а главное – не касайся, потому что эта штука двусторонняя. Пока ты испытываешь только общее ощущение, никто не заметит. Вероятно. Но если заметят, капитан обоих нас заставит пройти по доске, понял?

– Конечно, понял, – ответил Уолтерс немного раздраженно и приблизил голову на десять сантиметров к серебряной решетке. Повернулся и взглянул на Джи-ксинг. – Ничего.

– Чуть ближе.

Нелегко двигать голову на сантиметр зараз, особенно когда она согнута под необычным углом и тебе не за что держаться, но Уолтерс старался действовать, как она сказала...

– Вот оно! – воскликнула Джи-ксинг, глядя на его лицо. – Теперь не приближайся!

Он не ответил. Мозг его заполнился самым легким ощущением, точнее смесью ощущений. Сны и мечты, чье-то затрудненное дыхание, чей-то смех, кто-то, может сразу три пары, занят сексом. Он повернулся, чтобы улыбнуться Джи-ксинг, заговорить...

И тут почувствовал нечто еще.

Уолтерс застыл. По описанию Джи-ксинг он ожидал какого-то общения. Присутствия других людей. Их страхи и радости, голод и удовольствия – но все это человеческое.

Новое существо не было человеком.

Уолтерс конвульсивно дернулся. Голова его коснулась решетки. Ощущение тысячекратно усилилось, как будто сфокусировалась линза, и он почувствовал чье-то далекое и новое присутствие... или присутствия... что-то новое и совершенно необычное. Далекое, скользкое, холодное ощущение. Оно не исходило от человека, от людей. Уолтерс не понимал его. Однако чувствовал, что оно есть. Существует. Но ему не отвечает. Не изменяется.

И все это длилось мгновение, и тут же он почувствовал, что Жи-ксинг тянет его за рукав, кричит ему в ухо:

– Черт тебя побери, Уолтерс! Я почувствовала! Значит, и капитан тоже, и все на борту этого проклятого корабля! Мы в беде!

Как только его голова перестала касаться серебряной решетки, ощущение исчезло. Блестящие стены и мрачные машины снова стали реальны, рядом с собой он увидел рассерженное лицо Жи-ксинг. В беде? Уолтерс обнаружил, что смеется. После холодного медлительного ада, в который он только что заглянул, ничто человеческое не покажется бедой. Даже когда ворвались четверо солдат с обнаженным оружием, крича на них на четырех языках, Уолтерс чуть ли не радовался их появлению.

Потому что они люди и они живые.

И в голове его засел вопрос, который на его месте задал бы себе всякий: действительно ли он настроился на этих загадочных скрывшихся хичи?

Если так, с дрожью говорил он себе, да поможет небо человечеству.

Расшифровка карт хичи оказалась невероятно трудной, особенно потому, что они явно специально сделаны так, чтобы их нелегко было расшифровать. Да и найдено их было немного. Два или три обрывка на корабле, который вначале назывался «Небо», а потом «С.Я.», и почти полная карта в артефакте, находившемся на орбите вокруг замерзшей планеты в созвездии Волопаса. Мое личное мнение, хотя и не подкрепленное заключениями картографических комиссий: ореолы, круги и мерцающие сигналы означают предупреждения. Робин тогда мне не поверил. Он назвал меня трусливой лужей вращающихся фотонов. А когда он со мной согласился, уже не имело значения, как он меня называет.

* * *

Конечно, это мальчишка Вэн вызывал Лихорадку. Ему нужно было какое-то общение, он чувствовал себя одиноким. Конечно, он не собирался сводить с ума человечество. Но террористы, с другой стороны, отлично понимали, что делают.

Картографическую и навигационную системы хичи расшифровать нелегко. Что касается навигации, то система со-

единяет две точки – начало и конец пути. Потом отыскивает ближайшие препятствия, вроде газовых облаков, проникающего излучения, гравитационных полей и так далее, и избирает безопасный маршрут между ними, потом создает канавку, вдоль которой и продвигает корабль.

Многие объекты на карте обозначены дополнительными символами: с мерцающими ореолами, черточками и так далее. Мы довольно рано поняли, что это предупреждения. Трудность заключалась в том, что мы не знали, о чем предупреждения и кого предупреждают.

5. День из жизни магната

Хичи боялись не только на борту «С.Я.». Даже я их опасался. Все боялись. Особенно когда я был ребенком, хотя тогда хичи были всего лишь исчезнувшими существами, которые развлекались тем, что сотни тысяч лет назад копали туннели на Венере. Когда я был изыскателем на Вратах, о да, как мы их тогда боялись! Забирались в старые корабли хичи и отправлялись по всей вселенной в такие места, где не бывал ни один человек, и всегда думали, не ждут ли нас в конце пути прежние хозяева кораблей – и что они при этом сделают! И мы еще больше думали о них, когда разгадали достаточно их старых звездных атласов и поняли, что они скрылись в самом сердце нашей Галактики.

Нам тогда не пришло в голову спросить себя, от чего они

прячутся.

Конечно, я не только это делал. Многое другое заполняло мои дни. Все больше заботило меня состояние моих внутренних, они требовали к себе внимания, когда им вздумается, а вздумывалось им все чаще. Но это только начало. Я был очень занят, меня занимало бесконечное множество дел.

Если вы посмотрите на обычный день из жизни Робина Броудхеда, престарелого магната, навестите его в его роскошном сельском доме на берегу Таппанова моря, к северу от Нью-Йорка, вы увидите, что занимается он тем, что прогуливается по берегу со своей прекрасной женой Эсси... проводит кулинарные эксперименты с малайскими, исландскими или ганскими блюдами в своей великолепно оборудованной кухне... болтает со своей мудрой информационной программой по имени Альберт Эйнштейн... диктует письма.

«Молодежному центру в Гренаде, сейчас посмотрим, да. Прилагаю, как и было обещано, чек на триста тысяч долларов, но, пожалуйста, не называйте центр в мою честь. Назовите его именем моей жены, если хотите, и мы оба постараемся присутствовать на открытии».

«Педро Ламартину, Генеральному секретарю Объединенных Наций. Дорогой Пит. Я пытаюсь добиться, чтобы американцы поделились своими данными о террористах с бразильцами, что помогло бы обнаружить корабль террористов, но кто-то должен заняться бразильцами. Не используете ли

вы свое влияние? Ведь это в наших общих интересах. Если терроризм не остановить, видит бог, мы все взлетим на воздух».

«Рею Маклину, где бы он сейчас ни жил. Дорогой Рей. Пожалуйста, используйте все наши средства для поисков вашей супруги. От всего сердца желаю вам удачи».

«Горману и Кетчину, генеральным подрядчикам. Господа. Не могу согласиться с новой датой – 1 октября – окончания строительства моего корабля. Это совершенно невозможно. Вы уже добились продления срока и больше не получите. Напоминаю, что в контракте предусмотрены серьезные штрафы, если вы затянете строительство».

«Президенту Соединенных Штатов. Дорогой Бен. Если корабль террористов не будет найден немедленно и обезврежен, под угрозой мир на всей Земле. Не говоря уже о материальном ущербе, потере жизней и всем остальном, чем мы рискуем. Не секрет, что бразильцы разработали устройство, позволяющее проследить курс корабля, летящего быстрее света, а у наших военных есть опыт в навигации и перехвате кораблей, идущих на такой скорости. Нельзя ли попробовать действовать вместе? Как главнокомандующий, вы можете приказать Высокому Пентагону начать сотрудничество. На бразильцев оказывается большое давление, чтобы они поделились своим секретом, но они ждут шага с нашей стороны».

«Этому... как его имя? А, да, Лукман. Дорогой Лукман.

Спасибо за добрые новости. Я считаю, что добычу нефти нужно начинать немедленно, так что когда мы с вами увидимся, захватите планы производства и транспортировки и все расчеты стоимости. Каждый раз, как «С.Я.» возвращается пустой, мы теряем деньги».

И так далее, и так далее – я очень занят! У меня есть чем заняться, не говоря уже о том, что нужно вести счет моим вложениям и управлять целым стадом менеджеров. Не то чтобы я много времени занимался бизнесом. Я всегда говорю, что человек, который, заработав сто миллионов, еще что-то делает только ради денег, сумасшедший. Деньги нужны, потому что если их у вас нет, у вас нет и свободы заниматься тем, что вас достойно. Но когда вы получили эту свободу, к чему вам еще деньги? Поэтому большую часть своих дел я предоставляю моей финансовой программе и нанятым мною людям – за исключением тех дел, которые не просто приносят деньги, а которые я хочу делать.

И однако, хотя хичи не всегда попадают в списке моих ежедневных дел, я всегда о них помню. Все в конечном счете сводится к ним. Мой корабль, который сейчас достраивается на орбите, сконструирован и оборудован людьми, но большая часть конструкций и вся двигательная и навигационная часть переняты у хичи. «С.Я.», который я планирую наполнять нефтью на обратных пустых рейсах с планеты Пегги, артефакт хичи; кстати, Пегги тоже дар хичи, так как они дали корабли и возможности для открытия этой планеты. Быст-

рая пища Эсси происходит от CHON – пищи хичи, то есть из углерода, водорода, кислорода и азота в замерзших газах комет. Мы сейчас строим пищевые фабрики и на земле – одна из них прямо сейчас действует на берегу в Шри-Ланка, получая азот и кислород из воздуха, водород из воды Индийского океана, а углерод из тех несчастливых растений, животных и карбонатов, что поступают через входные клапаны. А теперь, когда у Корпорации «Врата» столько денег, что она не знает, куда их девать, можно вложить их разумно – в чартерные систематические исследовательские экспедиции, и я, как один из крупнейших акционеров «Врат», всячески способствую этому. Даже террористы используют краденый корабль хичи и украденный телепатический психокинетический приемопередатчик хичи, чтобы причинить миру ужасные раны. Везде хичи!

Неудивительно, что по всей Земле возникли религиозные культы, обожествляющие хичи: ведь хичи удовлетворяют всем признакам божества. Они капризны, могущественны – и невидимы. Бывали времена, когда я сам испытывал сильное искушение – долгими ночами кишки болят, а дела идут неладно – вознести молитву Нашему Отцу, Который В Центре. Это ведь не повредило бы, верно?

Впрочем, повредило бы. Повредило бы моему самоуважению. Повредило бы всему человечеству в этой дразнящей изобильной Галактике, которую дали нам хичи, но только по капельке зараз. В такой Галактике все труднее и труднее ува-

жать себя.

Но тогда я еще не встречался с настоящим живым хичи.

Пока не встречался, но один хичи, которому предстоит большая роль в моей будущей жизни (играть словами больше не буду), а именно Капитан, в данный момент приближался к пункту, откуда начинается обычное пространство; а тем временем на «С.Я.» Оди Уолтерс подсчитывал свои наличные и думал о том, что не стоит рассчитывать на работу на этом корабле; а тем временем...

Что ж, как всегда, было множество «тем временем», но одно из них особенно заинтересовало бы Оди Уолтерса. Тем временем его грешная жена начинала жалеть о своем преступлении.

6. Где вращаются черные дыры

Оказывается, сбежать с сумасшедшим от мужа немногим лучше, чем скучать в Хеграмете. Совсем другое, о небо, насколько другое! Но все же отчасти просто скучно, а отчасти страшно до смерти. Корабль пятиместный, и места для них хватало – вернее, должно было бы хватать. И так как Вэн был молод, богат и даже красив, если посмотреть на него под определенным углом, путешествие должно было быть приятным. Но все оказалось не так.

И к тому же было страшно.

Если человек хоть что-то и узнал о космосе, так это то, что нужно держаться подальше от черных дыр. Но для Вэна это ничего не значило. Он их отыскивал. А потом поступал даже хуже.

Долли не знала, что это за приборы и приспособления, которыми играл на корабле Вэн. Когда она спрашивала, он не отвечал. Когда она, подлизываясь, надела на палец куклу и спросила ее ртом, Вэн нахмурился и сказал: «Если хочешь показывать представление, покажи что-нибудь забавное и грязное, а не задавай вопросы, которые тебя не касаются». Когда она попыталась выяснить, почему они ее не касаются, ей повезло больше. Прямого ответа она не получила. Но по краске и смущению Вэна она поняла, что приборы украдены.

И они имеют какое-то отношение к черным дырам. И хотя Долли была уверена, что когда-то слышала, будто ни войти в черную дыру, ни выйти из нее невозможно, ей вскоре стало ясно, что Вэн пытается найти черную дыру, а потом войти в нее. Вот это и было страшно.

А когда она не боялась так, что ее молодой рассудок готов был свихнуться, она оказывалась одинокой, потому что капитан Хуан Генриетта Сантос-Шмитц, эксцентричный юный миллионер, чьи подвиги до сих пор возбуждали любителей сплетен, оказался никуда не годной компанией. Проведя с ним три недели, Долли едва выносила его присутствие.

Впрочем, она с дрожью признавалась, что его вид гораздо

менее ужасен, чем то, на что она сейчас смотрит.

А смотрела Долли на черную дыру.

Вернее, не на саму дыру, потому что на нее можно смотреть целый день и ничего не увидеть: черная дыра потому и называется черной, что ее не видно. Она видела спиральное свечение синевато-лилового цвета, неприятное для глаза, даже на экране контрольной панели. Гораздо неприятнее было бы смотреть на это непосредственно. Этот свет – только вершина айсберга, обрушивающегося на корабль. Корабль бронированный, и пока броня выдерживает, но Вэн не под защитой брони. Он в посадочном аппарате, где у него инструменты и технологии, которых она не понимает, а он отказывается ей объяснять. А она знала, что где-нибудь в другом месте, в другой ситуации она будет сидеть в корабле и ощутит легкий толчок – это отсоединится посадочный аппарат. И Вэн еще больше приблизится к этому ужасному объекту! И что тогда с ним случится? А с ней? Она, конечно, без него обойдется, это уж точно! Но если он умрет, оставит ее одну в сотнях световых лет от всего, что ей знакомо, – что тогда?

Она услышала его гневные восклицания и поняла, что это произойдет не сейчас. Люк открылся, и в нем показался сердитый Вэн.

– Еще одна пустая! – рявкнул он, словно считал виноватой в этом ее.

Конечно, считал. Она постаралась выглядеть сочувствующей, а не испуганной.

– Ах, милый, какая жалость! Значит, уже три.

– Три! Ха! С тобой три, хочешь ты сказать. А всего гораздо больше! – Говорил он презрительным тоном, но она старалась не замечать этого. Страх сменился чувством необыкновенного облегчения. Долли незаметно отодвинулась как можно дальше от контрольной панели – недалеко, ведь все пространство внутри корабля размером с гостиную. Он сел и стал справляться у своих электронных ораторов, а она молчала.

Разговаривая с Мертвецами, Вэн никогда не приглашал Долли принимать участие. Если он говорил, она, по крайней мере, слышала его слова. Если печатал на клавиатуре, у нее и этого не было. Но на этот раз она понимала, о чем идет речь. Он набрал вопрос, выслушал в микрофон, что сказал Мертвец, внес поправку и принялся набирать курс. Потом снял наушники, нахмурился, потянулся и повернулся к Долли.

– Ну, ладно, – сказал он, – иди сюда, можешь показать представление, чтобы внести еще часть платы за проезд.

– Хорошо, милый, – послушно сказала она, хотя было бы гораздо лучше, если бы он не напоминал ей об этом постоянно. Но настроение ее улучшилось, она ощутила легкий толчок; значит, корабль снова в пути, и действительно – синне-фиолетовый ужас на экране уже начал уменьшаться.

Конечно, это значит только, что они на пути к другой черной дыре.

– Покажи хичи, – приказал Вэн, – и еще... дай-ка поду-

мать. Да, Робинетта Броудхеда.

– Хорошо, Вэн, – сказала Долли, доставая из угла, куда их закинул Вэн, своих кукол и надевая их на пальцы. Хичи, конечно, не похож на настоящего хичи; кстати, кукла Робинетта Броудхеда тоже выглядела карикатурно. Но они забавляли Вэна. А для Долли именно это было важно, так как счет оплачивал он. В первый же день после отлета из порта Хеграмет он хвастливо показал Долли свой банковский счет. Шесть миллионов долларов автоматически пополняли его ежемесячно! Это число поразило Долли. Это очень много. И из этого водопада денег рано или поздно она сумеет урвать для себя несколько капель. В такой мысли Долли не видела ничего аморального. Возможно, в прежние времена американцы называли бы ее охотницей за богатством. Но большая часть человечества во всей его истории просто назвала бы ее бедной.

Она кормила его и спала с ним. Когда он бывал в плохом настроении, старалась стать невидимой, а когда он хотел развлечений, пыталась его развлечь.

– Здравствуйте, мистер хичи, – сказала голова Броудхеда, рука Долли согнула ее, чтобы голова улыбалась, голос Долли звучал хрипло. – Очень рад с вами познакомиться.

В голосе Долли зазвучало змеиное шипение:

– Здравствуй, опрометчивый землянин. Ты как раз вовремя для обеда.

– Вот здорово! – воскликнула голова Броудхеда, улыбка

ее стала шире. – Я голоден. А что на обед?

– Аргх! – закричала голова хичи, пальцы скривились когтями, рот раскрылся. – Ты! – И правая рука сомкнулась на кукле с левой руки.

– Хо! Хо! Хо! – смеялся Вэн. – Очень хорошо! Хотя на хичи не похоже. Ты не знаешь, как выглядит хичи.

– А ты знаешь? – своим голосом спросила Долли.

– Почти. Во всяком случае, лучше тебя.

И Долли, улыбаясь, подняла руку с хичи.

– Но вы ошибаетесь, мистер Вэн, – слышался шелковый, змеиный голос хичи. – Вот как я выгляжу, и я жду вас в следующей черной дыре!

Вэн вскочил со стула, отбросив его с треском.

– Это не забавно! – закричал он, и Долли удивилась, увидев, что он дрожит. – Приготовь мне поесть! – приказал он и, что-то бормоча, отправился в свой посадочный аппарат.

Не стоит шутить с ним. Долли приготовила ему обед и прислуживала с улыбкой, хотя весело ей не было. Но эта улыбка ничего ей не дала. Настроение у него было хуже, чем всегда. Он кричал:

– Дура! Ты тайком съела всю хорошую пищу? Ничего вкусного не осталось!

Долли чуть не расплакалась.

– Но ведь тебе нравятся бифштексы, – сказала она.

– Бифштексы! Конечно, нравятся. Но посмотри, что ты приготовила на десерт! – Он оттолкнул тарелку с бифштек-

сом и брокколи, схватил поднос с шоколадным печеньем и потряс перед ней. Печенье разлетелось во все стороны, и Долли пыталась поймать его.

– Я знаю, они тебе не очень нравятся, милый, но мороженого больше нет.

Он сердито посмотрел на нее.

– Ха! Нет мороженого! Ну хорошо. Тогда шоколадное суфле или пирог с фруктами...

– Вэн, ничего этого нет. Ты все съел.

– Глупая женщина! Это невозможно!

– Ну, их не стало. И вообще сладкое тебе вредно.

– Тебя не назначали моей нянькой! Когда у меня сгниют зубы, я куплю себе новые. – Он сунул тарелку ей в руки, и печенье снова разлетелось. – Выбрось этот мусор. Я не хочу больше есть.

Вот и еще один типичный обед в дальних пределах Галактики. И закончился он тоже типично: Долли со слезами прибрала. Вэн такой ужасный человек! И даже не подозревает об этом.

Однако Вэн знал, что он злобен, антисоциален, капризен – и еще длинный список пороков, которые перечислила ему психоаналитическая программа. Больше трехсот сеансов. Шесть дней в неделю в течение почти года. А в конце он с шуткой прекратил эти сеансы.

– У меня есть вопрос, – сказал он голографическому пси-

хоаналитику. Программа имела вид приятной женщины, достаточно старой, чтобы быть его матерью, достаточно молодой, чтобы сохранить привлекательность. — И вопрос этот таков: сколько психоаналитиков нужно, чтобы изменить светящийся шар?

Аналитик со вздохом сказала:

— О, Вэн, ты снова противишься. Ну хорошо. Сколько же?

— Только один, — со смехом ответил он, — но шар на самом деле не хочет меняться. Ха-ха! И, видишь ли, я тоже не хочу!

Она молча смотрела на него. Ее показывали сидящей в кресле-корзине, с подобранными под себя ногами, с блокнотом в одной руке, с карандашом в другой. Глядя на него, она постоянно поправляла очки, сползавшие на кончик носа. Как и все остальное в этой программе, этот жест имел определенную цель, он показывал, что она всего лишь человек, как и он, а не некое божество. Конечно, человеком она не была. Но прозвучали ее слова совсем по-человечески:

— Очень старая шутка, Вэн. А что такое светящийся шар?

Он раздраженно пожал плечами:

— Это такая штука, которая дает свет. Но ты меня не поняла. Я вообще не хочу меняться. Мне это неинтересно. Я с самого начала не хотел приходить сюда и сейчас намерен это дело закончить.

Компьютерная программа миролюбиво сказала:

— Это твое право, конечно, Вэн. Что же ты будешь делать?

— Буду искать моего... уйду отсюда и буду веселиться, —

сви́репо сказал он. – Это тоже мое право.

– Да, конечно, – согласилась она. – Вэн. Не скажешь ли, что ты собирался сказать, а потом изменил свое намерение?

– Нет, – ответил он, вставая. – Не буду говорить тебе, просто буду делать. До свидания.

– Ты собираешься искать своего отца, верно? – спросила ему вслед компьютерная программа, но он не ответил. И вместо того чтобы просто закрыть дверь, захлопнул ее с грохотом.

Нормальный человек – в сущности, почти любой человек – признал бы правоту психоаналитика. И уже давно рассказывал бы партнерше по путешествию и постели о своих надеждах и страхах. Но Вэн не привык с кем бы то ни было делиться своими чувствами, потому что вообще не привык ничем делиться. Выросший в одиночестве Неба Хичи, лишенный в самом критическом возрасте теплокровных товарищей, он стал подлинным архетипом антиобщественного человека. Страшная тоска по любви погнала его в глубины космоса в поисках исчезнувшего отца. Полная неспособность осуществить свою мечту делала для него невозможным принятие любви сейчас. Его ближайшими спутниками в годы юности были компьютерные программы, записанные индивидуальности, Мертвецы. Он скопировал их, и взял с собой на корабль хичи, и разговаривал с ними, как не говорил с живой Долли, потому что знал: они только машины. Им все

равно, как он с ними обращается. Для Вэна люди тоже были машинами, продающимися машинами, можно сказать. А у него достаточно денег, чтобы купить, что ему нужно. Секс. Или разговоры. Или приготовление пищи, или уборку его грязи.

Ему не приходило в голову подумать о чувствах продающейся машины. Даже когда такой машиной была девятнадцатилетняя женщина, которая была бы благодарна, если бы он подумал, что она его любит.

Хичи довольно рано научились записывать сознание и даже переносить особенности личности мертвого или умирающего в свои механические системы, как научились и люди, найдя так называемое Небо Хичи, где вырос Вэн. Робин считал это чрезвычайно важным изобретением. Я с ним не согласен. Конечно, возможно, меня сочтут предубежденным – подобная мне личность, уже будучи механическим собранием информации, не нуждается в записи; а хичи, открыв запись, не потрудились создать подобные мне личности.

7. Возвращение домой

В петле Лофстрома, в Лагосе, Нигерия, Оди Уолтерс думал о том, насколько он виноват перед Джейни Джи-ксинг. Тем временем магнитная лента подхватила их спускающуюся капсулу, замедлила ее и опустила у таможенно-иммигра-

ционного терминала. За игру с запретными игрушками Оди потерял надежду на работу, но Джи-ксинг помощь ему стоила всей карьеры.

– У меня есть мысль, – прошептал он ей, когда они ждали у стойки. – Расскажу, когда выйдем.

У него действительно появилась мысль, и отличная. Этой мыслью был я.

Но прежде чем поделиться с ней идеей, Уолтерс должен был рассказать, что чувствовал в тот ужасный момент у ТПП. Они остановились в транзитном отеле у основания посадочной петли. Пустая комната, к тому же очень душная; одна среднего размера кровать, умывальник в углу, ПВ, на который можно смотреть, пока ждешь свою капсулу, окна открываются в горячий сырой воздух береговой Африки. Окна открыты, но затянуты сеткой, которая не пускает мириады африканских насекомых. Однако Оди стало холодно, когда он рассказывал о том холодном медлительном существе, чье присутствие ощутил он в своем сознании на борту «С.Я.».

И Джейни Джи-ксинг тоже вздрогнула.

– Но ты ведь ничего не сказал, Оди! – Голос ее звучал резко, в горле пересохло. Он покачал головой. – Почему ты молчал? Ведь это... – Она помедлила. – Да, я уверена, тут ты можешь получить премию «Врат».

– Мы можем получить, Джейни! – строго сказал он, и она взглянула на него и, кивнув, приняла его мысль. – Конечно, можем. Премия миллион долларов. Я проверил это еще на

корабле, одновременно скопировал корабельный журнал. – Он порылся в своем тощем багаже, извлек информационный веер и показал ей.

Она не стала его брать. Только спросила:

– Зачем?

– Подумай сама, – ответил он. – Миллион долларов. Нас двое, так что нужно разделить пополам. Далее, я получил сведения на «С.Я.», с помощью оборудования «С.Я.», так что корабль, его владельцы, весь проклятый экипаж могут рассчитывать на долю. Нам повезет, если у нас отберут половину. Скорее три четверти. Затем – мы нарушили правила, ты знаешь. Может, принимая все во внимание, об этом забудут. А может, и нет, и тогда мы вообще ничего не получим.

Джи-ксинг кивнула, соглашаясь с ним. Она протянула руку и коснулась веера.

– Ты скопировал корабельный журнал?

– Без всяких проблем, – ответил он, и так оно и было. Во время своего дежурства, в ледяном молчании первого офицера в соседнем сиденье, Уолтерс просто запросил данные о том моменте, когда вступил в контакт, у автоматического рекордера, записал эту информацию, словно это его обязанность, и спрятал копию.

– Ну хорошо, – сказала она. – А теперь что?

И тогда он рассказал ей о своем знакомом эксцентричном миллиардере (это я), охотно покупающем сведения о хичи. А Уолтерс знает его лично...

Она с новым интересом посмотрела на него.

– Ты знаком с Робинеттом Брудхедом?

– Он у меня в долгу, – просто ответил он. – Мне только нужно отыскать его.

Впервые с того времени, как они вошли в эту тесную комнату, Джи-ксинг улыбнулась. Показала на висевший на стене П-фон.

– Давай, тигр.

И вот Уолтерс из оставшейся у него небольшой суммы оплатил междугородный разговор, а Джи-ксинг в это время задумчиво смотрела на яркие полосы огней вокруг петли Лофстрома, километровой длины американской горки; ее магнитные кабели сверкали; одни капсулы с шумом садились на нее, другие разгонялись, приобретая скорость убегания, и взлетали. Джи-ксинг не думала о пассажирах капсул, она думала о том, что придется продать, и когда Уолтерс с мрачным лицом повесил трубку, она почти не слышала его слов. А сказал он вот что:

– Ублюдка нет дома. Вероятно, я разговаривал с дворецким с Таппанова моря. И тот сказал мне, что мистер Брудхед находится на пути в Роттердам. Роттердам, бога ради! Но я проверил. Мы можем лететь в Париж, а потом на медленном реактивном самолете – остальную часть пути. Денег нам на это хватит...

– Я хочу взглянуть на журнал, – сказала Джи-ксинг.

– Журнал? – повторил он.

– Ты меня слышал, – нетерпеливо сказала она. – Его можно прокрутить на ПВ. И я хочу посмотреть.

Он облизнул губы, немного подумал, пожал плечами и сунул веер в сканер ПВ.

Так как на корабле были голографические инструменты, записывающие каждый фотон света, падающий на них, все данные об источнике холодного излучения находились в веере. Но на экране ПВ видно было только бесформенное белое пятно, рядом его координаты.

Само по себе зрелище не очень интересное – именно поэтому, конечно, корабельные сенсоры не обратили на него внимания. Возможно, сильное увеличение покажет подробности, но это за пределами возможности дешевого гостиничного номера.

Но даже так...

Глядя на пятно, Уолтерс снова ощутил, как по коже побежали мурашки. Со стороны кровати послышался голос Джиксинг:

– Ты ведь мне ничего не сказал, Оди. Это хичи?

Он не отрывал взгляда от белого пятна.

– Хотел бы я знать... – Маловероятно. Конечно, если хичи совсем не такие, как считалось... Они разумны. Должны быть разумны. Полмиллиона лет назад они завоевали космос. А те, чье сознание ощутил Уолтерс, были... были... – Как же их назвать? Может быть, окаменевшие. Присутству-

ющие. Но не действующие.

– Выключи, – сказала Джи-ксинг. – Мне от него тошно. – Она прихлопнула насекомое, пробившееся сквозь сетку, и мрачно добавила: – Мне здесь не нравится.

– Ну, утром полетим в Роттердам.

– Не просто здесь. Мне не нравится на Земле, – сказала она. Указала на небо над посадочной петлей. – Знаешь, что там вверху? Высокий Пентагон, и Тиуратам, и еще миллионы спутников, и здесь все спятили, Оди. Никогда не знаешь, когда эта проклятая штука начнется.

Не совсем ясно, что она имела в виду, но Уолтерс тоже ощутил нечто подобное. Он достал веер из сканера ПВ. Не его вина, что мир спятил! Но, несомненно, он виноват в том, что Джи-ксинг прикована к этому миру. Так что она права, упрекая его.

Он протянул ей веер, сам не очень понимая почему; может, просто хотел подтвердить ее статус помощника и партнера.

И посредине этого жеста обнаружил, насколько спятил мир. Жест перешел в удар, направленный на ее улыбающееся расстроенное лицо.

Перед ним была не Джейни: Уолтерс увидел Долли, неверную сбежавшую Долли, а за ней улыбающегося, полного презрения Вэна, а может, это не они, а просто какой-то символ. Цель. Злое и опасное существо, неизвестное, но отвратительное. ВРАГ, и его нужно уничтожить.

Иначе погибнет сам Уолтерс, исчезнет, будет поглощен самыми безумными, самыми извращенными эмоциями, каких он никогда раньше не испытывал. И его охватило яростное, всепоглощающее желание насилия.

Я очень хорошо знаю, что испытывал в тот момент Оди Уолтерс, потому что сам это испытал – и Джейни тоже – и моя собственная жена Эсси – и каждый человек, оказавшийся в десяти астрономических единицах от пункта, удаленного от Земли на несколько сотен миллионов километров в сторону созвездия Возничего. Мне повезло, что я в тот момент отказался от своей привычки самому вести самолет. Не знаю, разбился ли бы я. Удар из космоса длился всего полминуты, и мне, вероятно, не хватило бы времени, чтобы убить себя, но я обязательно постарался бы. Гнев, ненависть, страстное желание разрушать, уничтожать – таков был дар террористов. Но в тот момент самолет вел компьютер, я сидел за П-фоном, а на компьютерные программы ТПП не действует.

Это не первый раз. Уже восемнадцать месяцев, как террористы захватили корабль и посылали свои безумные фантазии в мир. Мир больше не мог этого выносить. Между прочим, именно поэтому я летел в Роттердам, но из-за этого эпизода повернул назад. Сразу попытался связаться с Эсси, убедиться, что с ней все в порядке. Не получилось. Все в мире тоже звонили, по той же причине, и линии были забиты.

К тому же в животе у меня словно два броненосца занялись сексом, и я хотел, чтобы Эсси была со мной, а не летела коммерческим рейсом, как мы запланировали. Поэтому я велел пилоту повернуть назад; и поэтому, когда Уолтерс добрался до Роттердама, меня там не было. Он легко застал бы меня на Таппановом море, если бы полетел прямо в Нью-Йорк, но он ошибся в своих расчетах.

Он ошибся также – очень сильно ошибся, но ошибка его прощительна – в отношении того, чей разум ощутил он на борту «С.Я.».

И он допустил еще одну ошибку, очень серьезную. Он забыл, что у ТПП двустороннее действие.

Так что тайна его соприкосновения с чуждым сознанием для этого сознания совсем не была тайной.

* * *

Я сожалею, вернее, почти сожалею, что по собственному опыту не могу судить об этом «мгновенном безумии». Больше всего сожалел, когда это произошло в первый раз, десять лет назад. В то время никто не подозревал о наличии телепатических психокинетических прие́мопередатчиков. А выглядело это как периодические пандемии безумия. Лучшие умы человечества, включая мой, затратили множество времени в поисках вируса, токсичного химического соединения, варианта солнечного излучения – всего, всего, что угод-

но, лишь бы объяснить эти периодические припадки всеобщего безумия. Но у многих лучших умов, включая мой, было серьезное препятствие. Компьютерные программы не могут ощутить эти приводящие в безумие импульсы. Если бы могли, смею заверить, проблема была бы решена гораздо раньше.

8. Нервный экипаж парусного корабля

Синевато-лиловый осьминог – ну, не осьминог, конечно, но ближе всего с человеческой точки зрения к осьминогу – почти достиг своего, когда у Оди Уолтерса произошла небольшая неувязка с ТПП. Но так как ТПП обладает двусторонним действием, это хорошее оружие, но очень плохое средство наблюдения. Все равно что окликнуть человека, за которым шпионишь, и сказать ему: «Эй, послушай, а я за тобой слежу!» Так вот, когда Уолтерс соприкоснулся с решеткой, прикосновение ощутили и в другом месте. А место это находилось почти в тысяче световых лет от Земли, недалеко от геодезической линии Земля – планета Пегги, – конечно, именно по этой причине Уолтерс оказался близко и смог ощутить чужое присутствие.

Кстати, я довольно хорошо знаю этого осьминога – ну, почти осьминога; можно сказать, что он выглядит как извивающаяся большая орхидея. Тогда, конечно, я с ним не был знаком, но теперь знаю достаточно хорошо, знаю, как его зо-

вут, и откуда он, и почему он там находился, и – самое сложное из всего – что он там делал. Ближе всего к его занятию подойдет, если я скажу, что он рисовал пейзаж. Но пейзаж этот не мог увидеть никто на расстоянии многих световых лет, и меньше всех мой друг-осьминог – у него просто глаз для этого нет.

Но все же причина у него была. Он производил нечто вроде религиозного обряда. Обряд восходит к древнейшим традициям его расы, а раса очень древняя, и обряд имеет отношение к тому теологически определяющему моменту ее истории, когда эти существа, живущие среди кристаллических решетчатых замерзших газов родной планеты, где видимость во всех направлениях предельно ограничена, впервые поняли, что «зрение» может стать значительной формой искусства.

Для осьминога было очень важно, чтобы его картина достигла совершенства. И вот когда, внезапно ощутив присутствие чужака, он понял, что за ним наблюдают, то от неожиданности рассыпал немного порошка, который применял в качестве краски, и рассыпал не там, где нужно, и в неправильном сочетании цветов, и потому глубоко огорчился. Испорчена целая четверть гектара! Земной священник понял бы его чувства, если не их причину: все равно что во время молитвы Небеса вдруг обрушились и оказались растоптанными.

Осьминога звали ЛаДзхаРи. Холст, над которым он рабо-

тал, представлял собой эллиптический парус из мономолекулярной пленки длиной почти в тридцать тысяч километров. Работа была завершена едва ли на четверть, и на это потребовалось пятнадцать лет. Но ЛаДзхаРи было все равно, сколько времени на нее потребуется. Времени у него достаточно. Его космический корабль еще восемьсот лет будет идти к цели.

Ну, он так считал, что у него достаточно времени... пока не ощутил, что за ним наблюдает чужак.

И тогда он почувствовал необходимость торопиться. Оставаясь в нормальном состоянии динамического равновесия, он быстро собрал свою краску – это было 21 августа, – закрепил ее – 22 августа, – оттолкнулся от паруса и поплыл в свободном пространстве. К первому сентября он был достаточно далеко, чтобы включить свой реактивный двигатель и в энергетически повышенном состоянии вернуться в свою небольшую цилиндрическую жестянку, которая на крыльях бабочки висела в центре скопления. Для него это очень дорого, но он в том же повышенном состоянии добрался до корабля и погрузился в жидкую грязь пещеры, служившей ему каютой. И при этом изо всех сил звал своих соплеменников.

По человеческим стандартам голос его звучал необыкновенно громко. Такие голоса есть у больших земных китов, их песни могут услышать и ответить на них киты на другом краю океана. Соплеменники ЛаДзхаРи слышали, и вот стены небольшого космического корабля сотрясались от рева.

Дрожали инструменты. Мебель раскачивалась. Самки в панике бежали, опасаясь, что их съедят или осеменят.

Для семерых самцов ощущение было почти таким же ужасным, и один из них как можно быстрее перешел в повышенное состояние и закричал в ответ. Все они знали, что произошло. Они тоже ощутили прикосновение чужака и отреагировали как должно. Весь экипаж перешел в повышенное состояние, передал сигнал, как завещали предки, и вернулся в норму... и ЛаДзхаРи тоже нужно это сделать и не пугать самок.

ЛаДзхаРи замедлился и позволил себе «перевести дыхание», хотя его народ такого выражения не знал. Нельзя в повышенном состоянии слишком долго биться в грязи. Он уже и так вызвал несколько сильных кавитационных карманов. И вся среда, в которой они живут, грозила выйти из равновесия. Он виновато работал вместе с остальными, пока все не пришло в норму, самок успокоили и выманили из укрытий, одну из них приготовили на обед, и весь экипаж занялся обсуждением безумного прикосновения, невероятно стремительного и ужасного, которое ощутили они все. Это заняло весь сентябрь и начало октября.

К этому времени корабль вернулся к обычному распорядку, и ЛаДзхаРи смог снова заняться своим холстом. Он нейтрализовал испорченные участки большого крыла, ловушки фотонов. Тщательно собрал краску-порошок, потому что нельзя так расточительно тратить массу.

Он был скуповат, этот ЛаДзхаРи. Но должен признать, что я им восхищаюсь. Он оказался верен традициям своего народа в таких обстоятельствах, в каких человек прежде всего подумал бы об угрозе себе. ЛаДзхаРи не хичи, но он знал, где скрываются хичи, и верил, что послание его товарищей рано или поздно будет ими получено и они услышат ответ.

И вот как раз когда он начал снова писать свой пейзаж, он ощутил новое прикосновение, на этот раз не неожиданное. Все ближе. Сильнее. Настойчивее и страшнее.

У моего друга Робина есть несколько недостатков, и один из них очень забавный – это застенчивость. Легко объяснить, каким образом ему стало известно о существах с корабля-парусника и о многом другом, чего он не может видеть. Но он просто не хочет объяснять. Объяснение же таково: ему рассказал я. Самое простое чаще всего оказывается правильным.

А возможно ли, что застенчивость заражительна?

9. Оди и я

Фрагменты жизни моих друзей или почти друзей, а в некоторых случаях не друзей начали складываться в единое целое. Не очень быстро. Не быстрее, кстати, чем фрагменты вселенной снова стали стягиваться в единое первобытное целое (так мне все время говорит Альберт) по причинам, кото-

рые в то время были мне совершенно непонятны (но я тогда этого не опасался, потому что не опасался и Альберт). Экипаж корабля-парусника с беспокойством ждал последствий своего праведного поступка. Долли и Вэн находились на пути к очередной черной дыре, Долли собиралась лечь спать, Вэн усиленно дулся на нее. А Уолтерс и Джейни несчастно сидели в своем слишком дорогом номере отеля в Роттердаме, потому что обнаружили, что меня здесь нет. Джейни сидела на большой анизокINETической постели, а Оди приставал к моей секретарше. У Джейни был синяк на щеке – сувенир того приступа безумия, но у Оди запястье в гипсе – сильное растяжение. До этого момента он не знал, что у Джейни черный пояс по карате.

Морщась, Уолтерс прервал связь и положил руку на колени.

– Она говорит, что он будет здесь завтра, – проворчал он. – Передаст ли она ему мое сообщение?

– Конечно, передаст. Она ведь не человек.

– Правда? Ты считаешь, что это компьютерная программа? – Эта мысль ему в голову не приходила, потому что на планете Пегги такого нет. – В таком случае, – утешился он, – она не забудет. – Он налил себе и ей бельгийского яблочного коньяку из бутылки, купленной по пути в отель. Поставил бутылку, поморщился, потер запястье и отхлебнул, прежде чем сказать: – Джейни? Сколько денег у нас осталось?

Она наклонилась вперед и набрала код на ПВ.

– Примерно еще на четверо суток в этом отеле, – сообщила она. – Конечно, мы можем переселиться в более дешевый...

Он покачал головой.

– Здесь остановится Брудхед, и я хочу быть здесь.

– Хорошая причина, – заметила Джи-ксинг, намекая, что понимает истинную причину: если Брудхед не очень захочет увидаться с Уолтерсом, его легче будет увидеть здесь, чем дозвониться по П-фону. – А почему ты спросил о деньгах?

– Давай потратим немного на информацию, – предложил он. – Мне хотелось бы узнать, насколько богат Брудхед.

– Ты хочешь получить финансовый отчет? Узнать, может ли он заплатить миллион долларов?

Уолтерс покачал головой:

– Хочу узнать, нельзя ли получить больше миллиона.

Не очень благородное отношение. Если бы я тогда знал об этом, я бы гораздо жестче обошелся со своим старым другом Оди Уолтерсом. А может, и нет. Когда у тебя много денег, привыкаешь к тому, что люди видят в тебе не человека, а лишь источник пополнения своих средств. Хотя окончательно привыкнуть к этому невозможно.

Но у меня не было возражений против сообщения о размерах моего состояния, и я сообщал о нем финансовым службам. Я владею многим. Значительная доля в чартер-

ных рейсах «С.Я.». Акции пищевых фабрик и рыбных ферм. Большое количество проектов на планете Пегги, включая (к удивлению Уолтерса) компании, которые неоднократно нанимали его самолет. Сама информационная служба, сообщавшая эту информацию. Несколько холдинговых компаний и экспортно-импортных фирм. Два банка; четырнадцать агентств по продаже недвижимости, разбросанных повсюду – от Нью-Йорка до Нового Южного Уэльса, с отделениями на Венере и планете Пегги; большое количество различных мелких корпораций, включая авиалинии, фабрики быстрой пищи, что-то под названием «Здесь и После, Инк.», и еще что-то называющееся «Пегтехнефтеразведка».

– Боже, – сказал Уолтерс, – это компания мистера Лукмана! Так что я работал на этого сукина сына!

– И я, – подхватила Джи-ксинг, глядя на то место, где упоминается «С.Я.», – правда! Неужели Броудхеду принадлежит все?

Нет, не все. Мне принадлежит многое, но если бы они более сочувственно посмотрели на мои владения, то заметили бы определенную закономерность. Банки давали деньги на исследования. Агентства по торговле недвижимостью помогали колонистам приобрести землю или превратить свои лачуги и трущобы в деньги, когда они улетали на «С.Я.». «С.Я.» перевозила колонистов на Пегги, а что касается Лукмана – да, это лучшая драгоценность в короне, если бы толь-

ко об этом знали! Я никогда не видел Лукмана и не узнал бы его при встрече. Но он получал распоряжения, а эти распоряжения по цепи команд исходили от меня: отыскать хорошее нефтяное поле вблизи экватора Пегги. Почему вблизи экватора? Чтобы петля Лофстрема, которую здесь построят, могла использовать вращение планеты. Почему петля? Это лучший и самый дешевый способ выведения груза на орбиту. Нефть, которую мы добываем, пойдет на горючее для петли. А излишки сырой нефти та же петля отправит на орбиту в капсулах; капсулы обратными рейсами «С.Я.» будут доставлены на Землю и там проданы – следовательно, все обратные рейсы, которые сейчас проходят впустую, станут приносить большую прибыль, а это значит, что мы сможем срезать цены на билеты для желающих переселиться колонистов!

Я не извиняюсь за то, что почти все мои предприятия регулярно приносят прибыль. Так я заставляю их действовать и расширяться, но прибыль – это исключительно сопутствующее явление. Видите ли, у меня есть своя философия на счет денег. Если кто-нибудь, заработав сто миллионов, продолжает трудиться ради денег, он либо болен, либо...

Да я ведь это уже говорил, не правда ли?

Боюсь, что я отвлекаюсь. Так много происходит одновременно в моем сознании, что я немного путаюсь: трудно отличить происходящее от того, что еще произойдет, и от того, что произойдет только в моем сознании.

Дело в том, что все мои предприятия связаны с завоева-

нием Галактики и облегчением жизни людей. Это факт. И поэтому все фрагменты моей биографии так тесно объединяются в стремлении к одной цели. Вначале так не казалось. Но на самом деле это так. Все. Даже рассказы о моем друге Капитане, которого я со временем узнаю очень хорошо, о его возлюбленной и второй по старшинству в экипаже, женской особи хичи по имени Дважды, которую, как вы обнаружите, я в конце концов тоже хорошо буду знать.

Так как Робин все время упоминает «исчезнувшую массу», я должен объяснить, что это такое. В конце двадцатого века космологи столкнулись с неразрешимым противоречием. Они видели, что вселенная расширяется: это, несомненно, из-за красного смещения. Но они видели также, что в ней слишком много массы для такого расширения. Это доказывалось следующими фактами: внешние края галактик вращаются слишком быстро, группы галактик притягивают друг друга слишком сильно, даже наша собственная Галактика со своими сопровождающими движется к группе звездных скоплений в созвездии Девы гораздо быстрее, чем должна была бы. Очевидно, очень большая масса не наблюдается. Где она?

Существует интуитивно очевидное объяснение. Действительно, вселенная расширялась, но Кто-то решил повернуть этот процесс и заставить ее сокращаться. Никто ни на минуту в это не верил – в конце двадцатого столетия.

Робин очень гордится посадочными петлями, потому что это убеждает его: люди могут придумать нечто такое, до чего не додумались хичи. Что ж, он прав – если не вглядываться в подробности. Петля была изобретена на Земле человеком по имени Кейт Лофстром в конце двадцатого столетия, хотя построили ее гораздо позже. Но Робин не знал, что, хотя хичи такую петлю не придумали, это сделали обитатели кораблей-парусников – у них не было другой возможности пробиться через свою густую непрозрачную атмосферу.

10. Место, где жили хичи

Когда испуганные хичи спрятались за барьером Шварц-шильда в центре Галактики, они знали, что легкого сообщения между ними и остальной вселенной не будет. Однако они не смели оставаться без сведений о внешнем мире.

Поэтому снаружи черной дыры они соорудили сеть звездочек. Звездочки разместили достаточно далеко от черной дыры, чтобы она их не поглотила, и в то же время достаточно близко, чтобы передавать информацию, собранную по всей Галактике оставленными хичи устройствами. Хичи вынуждены были скрыться, но они оставили снаружи глаза и уши.

И вот время от времени какой-нибудь храбрец выбирался из центра, чтобы узнать, что видели глаза и слышали уши. Когда Капитан и его экипаж получили задание проверить

пространство в поисках сбежавшей звезды, у них было дополнительное, хотя и обычное задание – прослушивать всю информацию. В составе экипажа их было пятеро – пятеро живых. Капитана из них больше всего интересовала худая бледная женская особа по имени Дважды. По стандартам Капитана, она была исключительно красива. А также сексуальна – каждой осенью, и, как он полагал, это время быстро приближается!

Но еще не сейчас, молил он. И о том же молила Дважды, потому что проходить через периметр Шварцшильда нелегко. Хотя корабль был специально для этого подготовлен. На нем тоже был нож для открывания консервных банок – Вэн похитил такой же, но с более ограниченными возможностями. Корабль Вэна не мог миновать горизонт событий и уцелеть. Он мог протолкнуть туда только часть себя.

Корабль Капитана был больше и крепче. Но даже в нем при прохождении через горизонт событий Капитана, Дважды и остальных четырех членов экипажа бросало из стороны в сторону и привязные ремни больно врезались в их тела; алмазная спираль ярко светила и испускала длинные искры, пролетавшие по всей каюте; свет слепил глаза, от сильных толчков тела покрывались ушибами, и так все продолжалось и продолжалось. В течение часа субъективного времени внутри корабля – среднего между нормальным течением времени во внешней вселенной и замедленным в черной дыре.

Но наконец они вышли в свободное пространство. Ужасные толчки прекратились. Ослепительные огни поблекли. Перед ними сверкала Галактика, бархатный купол, усеянный яркими звездами: они находились в самом центре Галактики и потому видели на небе лишь отдельные полосы тьмы между звездами.

– Слава соединенным умам, – сказал Капитан, улыбаясь и выбираясь из своих ремней; когда он улыбался, то был похож на череп из пособия для студентов-медиков, – кажется, мы прошли! – И экипаж последовал его примеру, отстегиваясь и обмениваясь бодрыми репликами. Начинался процесс сбора информации; костлявая рука Капитана коснулась руки Дважды. Подходящий повод для торжества – так праздновали капитаны нантакетских китобойцев, минуя мыс Горн, так начинали легче дышать обитатели крытых фургонов, когда они спускались со склонов и перед ними открывалась земля обетованная Орегона или Калифорнии. Насилие и опасности еще не кончились. На обратном пути все повторится. Но сейчас по крайней мере на неделю они могут расслабиться и собирать данные; это самая приятная часть экспедиции.

Вернее, должна была бы быть такой.

Должна, но не стала, потому что как только Капитан обезопасил корабль и офицер по имени Башмак, специалист по связи, включил информационные каналы, все сенсоры на корабле загорелись сине-лиловым светом. Тысячи автоматических станций сообщали свои новости. Важные новости –

плохие новости, и все базы данных стремились передать свои запасы одновременно.

Хичи пораженно молчали. Потом тренировка позволила им подавить первоначальный шок, и каюта корабля была охвачена лихорадочной деятельностью. Принимать и сопоставлять, анализировать и сравнивать. Число сообщений непрерывно возрастало. Картина постепенно прояснялась.

Последняя экспедиция по сбору сведений состоялась всего несколько недель назад – по медленному ходу времени внутри черной дыры; во внешней вселенной прошло несколько десятилетий. Но все же это совсем немного времени! Особенно по звездным масштабам.

И тем не менее мир стал иным.

В.: Что хуже неосуществившегося предсказания?

О.: Предсказание, осуществившееся преждевременно.

Хичи были убеждены, что в Галактике возникнет разумная жизнь. Они определили несколько населенных миров, и не просто населенных, но обещавших породить разум. И для каждого разработали план развития.

Некоторые из этих планов не осуществились. На тяжелой холодной планете, так близко к туманности Ориона, что свечение этой туманности там заполняло все небо, жили мохнатые четвероногие, с проворными, как у енота, лапами и глазами лемуру. Хичи считали, что со временем эти четверо-

ногие начнут пользоваться инструментами; откроют огонь; сельское хозяйство; будут строить города; выйдут в космос. Все это произошло, но они сумели отравить свою планету и уничтожить собственную расу. Была и другая раса, существа, дышащие аммиаком, с шестью конечностями, с сегментированным телом, очень многообещающие, но, к сожалению, оказавшиеся слишком близко к сверхновой. Конец этим существам. Были также медлительные холодные существа, занимавшие совершенно особое место в истории хичи. Именно они принесли ужасную новость, которая заставила хичи спрятаться в центре Галактики, и этого одного достаточно, чтобы сделать их уникальными. Больше того, они не только были многообещающими, они на самом деле стали разумны, и не просто разумны, но цивилизованны! В пределах их досягаемости была уже технологическая цивилизация, но в галактическом тотализаторе они считались бы самыми большими неудачниками: их медлительный метаболизм не позволял соперничать с более теплыми и быстрыми расами.

Но одна раса со временем дорастет до космоса и выживет. Так надеялись хичи.

Но и опасались этого в своем укрытии: раса, сумевшая догнать их, сумеет и перегнать. Но как это могло произойти так быстро? Ведь после предыдущей проверки прошло только шестьдесят земных лет.

Тогда мониторы на орбитах вокруг Венеры показали дву-

ногих sapiens, которые раскапывали покинутые хичи туннели и исследовали собственную систему в кораблях на медлительном ракетном топливе. Все это очень грубо, конечно. Но обещающе. Через одно-два столетия – хичи считали, что более вероятная оценка – пять столетий, – они отыщут астероид Врата. А еще через одно-два столетия начнут понимать и технологию...

Однако события развивались невероятно быстро! Люди отыскивали корабли на Вратах, Пищевую фабрику – и на огромном расстоянии корабль, в котором хичи поселили австралопитеков, наиболее, с их точки зрения, перспективный земной вид. Все покорились людям, и это еще не конец.

Экипаж Капитана был хорошо подготовлен. Когда данные были собраны, обсуждены с соединенными умами, занесены в таблицы, суммированы, специалисты подготовили отчеты. Навигатором на корабле был Белый Шум. В его обязанности входило определять координаты всех источников информации и заносить в корабельный журнал. Башмак исполнял обязанности связиста и был занят больше всех, за исключением, может быть, Дворняжки, интегратора, которая металась от прибора к прибору, шепталась с соединенными умами и предлагала перекрестные проверки и поправки. Взрыв, специалист по проникновению в черные дыры, и сама Дважды, чьей задачей было управление оборудованием на расстоянии, в это время оказались не очень заняты и помогали остальным, как и сам Капитан; рубчатые мышцы его лица

извивались, как змеи, когда он ждал обобщенных докладов.

Дворняжка хорошо относилась к Капитану и потому старалась вначале сообщать обнадеживающие новости.

Во-первых, найдены и используются корабли с Врат. В этом ничего плохого нет. Это часть плана, хотя осуществляется он слишком стремительно.

Во-вторых, найдена Пищевая фабрика, а также артефакт, который люди называли Небом Хичи. Это все старые сообщения, теперь им уже несколько десятков лет. И они не очень серьезны. Но одновременно обескураживающие. Небо Хичи сконструировано так, чтобы удерживать все прилетающие на него корабли. Эти двуногие сумели установить двусторонний контакт – неожиданное развитие событий.

В-третьих, поступило сообщение с корабля-парусника, и от этого сообщения мышцы на лице Капитана начали извиваться еще быстрее. Найти корабль в Солнечной системе – одно дело, обнаружить его в межзвездном пространстве – совсем другое...

А в-четвертых...

В-четвертых, Белый Шум представил схему современного размещения всех кораблей хичи, используемых людьми, и, увидев его, Капитан завизжал в гневе и ужасе.

– Нанесите на план запретные места! – приказал он.

Вскоре информационные веера заняли свое место, изображения совместились, и сухожилия на щеках Капитана задрожали, как натянутые струны.

– Они исследуют черные дыры! – напряженным голосом сказал Капитан.

Белый Шум кивнул.

– Больше того, – сказал он, – на некоторых кораблях есть деструкторы линейного порядка. Они могут проникнуть внутрь.

А Дворняжка, интегратор, добавила:

– Они как будто не понимают значение предупреждающих об опасности знаков.

Сделав свои отчеты, члены экипажа вежливо ждали. Решение предстояло принять Капитану. Все надеялись, что он справится с ситуацией.

Дважды еще не была влюблена в Капитана, потому что ее время еще не пришло, но знала, что будет влюблена. И очень скоро. Вероятно, через несколько дней. Так что вдобавок к тревоге из-за этих поразительных и пугающих новостей она беспокоилась и за Капитана. Хотя время еще не пришло, она положила ему на руку свою худую руку. Капитан настолько глубоко погрузился в размышления, что даже не заметил этого, лишь слегка потрепал ее по руке.

Башмак фыркнул: у хичи это соответствует откашливанию.

– Хочешь вступить в контакт с соединенными умами?

– Не сейчас, – свистнул в ответ Капитан, растирая ребра кулаком свободной руки. Грохочущий звук громко прозвучал в тишине каюты. На самом деле Капитану хотелось вер-

нуться назад в черную дыру и натянуть звезды себе на голову. Но это невозможно. Возможно другое: вернуться в безопасность центра и доложить начальству. Пусть оно принимает решение. Посоветуется с соединенными умами предков, те с радостью окажут поддержку. Будет принято разумное решение, и тогда уже другой капитан с другим экипажем выйдет в ужасное пространство, чтобы исполнить приказ. Возможный выход, но Капитан слишком хорошо подготовлен, чтобы искать для себя легкого пути. Сейчас он на сцене. Поэтому первый быстрый ответ должен дать он. И если этот ответ окажется неверным – что ж, увы бедному Капитану! Будут последствия. Остракизм – за сравнительно небольшие проступки. За серьезные – по-земному можно было бы сказать, что тебя пинком отправят на небо; но Капитан вовсе не торопился присоединиться к соединенным умам своих предков.

Он обеспокоенно посвистел и принял решение.

– Сообщите соединенным умам! – приказал он.

– Только сообщить? Никаких рекомендаций? – спросил Башмак.

Твердо:

– Только сообщить. Подготовить проникающий аппарат и направить назад на базу с копией всей информации. – Это адресовано Дважды, которая выпустила его руку и начала программировать маленький связной аппарат. И наконец, Белому Шуму: – Рассчитать курс на перехват корабля-парус-

ника.

Не в обычае хичи салютовать, получив приказ. И не в обычае хичи спорить, поэтому меру смятения, воцарившегося в корабле, показывает вопрос Белого Шума:

– Ты уверен, что это нужно сделать?

– Выполняй, – ответил Капитан, пожимая плечами.

На самом деле он не пожал плечами – аналогом этому у хичи служило быстрое напряженное сокращение твердого круглого живота. Дважды обнаружила, что с восхищением смотрит на эту маленькую круглую выпуклость и на жесткие сухожилия, идущие от плеч к рукам. Если захватить эту руку, можно соединить пальцы!

Она ошеломленно поняла, что время любви ближе, чем она предполагала. Какая неприятность! Капитан будет раздражен, как и она: у них были планы по-особому провести один-два дня. Дважды раскрыла рот, собираясь сказать ему, потом закрыла. Не время отвлекать его этим; Капитан завершил обдумывание и принялся отдавать приказы.

В распоряжении Капитана множество ресурсов. По всей Галактике раскидано больше тысячи тщательно спрятанных артефактов хичи. Не те, которые должны быть рано или поздно найдены, вроде Врат; нет, артефакты, скрытые среди опасных астероидов на недоступных орбитах, или между звездами, или среди таких объектов, как пылевые и газовые облака.

– Дважды, – приказал он, не глядя на нее, – активируй

командный корабль. Мы должны встретиться с ним в точке свидания с кораблем-парусником.

Он заметил, что она расстроена. Не удивился – он и сам тоже обеспокоен. Вернулся к командирскому креслу и опустил кости таза в защитное V-образное углубление, куда привычно вошла и сумка с поддерживающим жизнь оборудованием.

И понял, что рядом с ним стоит связист. Его лицо тревожно.

– Да, Башмак. В чем дело?

Башмак почтительно дернул бицепсами.

– Они... – он заикался, – убийцы...

Капитан ощутил электрический удар страха. Убийцы?

– Мне кажется, есть опасность, что мы их вспугнем, – в отчаянии сказал Башмак. – Аборигены общаются с помощью радио быстрее света.

– Общаются? Обмениваются сообщениями? Соединенные умы, о чем ты говоришь? – крикнул Капитан, снова вскакивая с сиденья. – Ты хочешь сказать, что аборигены шлют сообщения на галактические расстояния?

Башмак повесил голову.

– Боюсь, что так, Капитан. Конечно, я не понимаю, что они говорят... но связь очень оживленная.

Капитан слегка потряс запястьями, показывая, что больше не желает слушать. Посылают сообщения! Через всю Галактику! Где всякий может услышать. И особенно те, кто, по

мнению хичи, не должен услышать и встревожиться. И начать действовать.

– Передай задачу перевода умам, – приказал он и в отчаянии снова опустился на сиденье.

Несчастное поручение! Капитан уже не рассчитывал на праздный круиз или даже на удовлетворение выполненными легкими заданиями. Сможет ли он выдержать следующие несколько дней?

Но вскоре они перейдут в большой командный корабль, самый быстрый во флоте хичи, набитый сложными технологиями. Тогда его возможности увеличатся. Корабль не только больше и быстрее; в нем есть оборудование, которого нет на этом небольшом корабле, предназначенном лишь для проникновения через барьер. Есть ТПП. Резаки, какие его предки использовали, прорезая туннели во Вратах и под поверхностью Венеры. Прибор, позволяющий заглядывать в черные дыры и извлекать их содержимое. Он вздрогнул. Слава соединенным умам предков, этот прибор ему не придется использовать! Но прибор у него будет. И еще тысячи других полезных приборов и устройств.

Конечно, если корабль по-прежнему функционирует и явится на встречу.

Хичи строили прочные, мощные и долговременные корабли. Если не считать несчастных случаев, они должны прослужить не менее десяти миллионов лет.

Но несчастные случаи исключить нельзя. Вспыхнувшая

по соседству сверхновая, вышедшая из строя деталь, даже случайное столкновение с другим объектом – можно предусмотреть все эти случайности, но за астрономическое время «почти все» немногим лучше «ничего».

А если командный корабль вышел из строя? А Дважды не найдет или не сможет привести никакой другой корабль?

Капитан на мгновение поддался депрессии. Слишком много «если». И последствия каждого из них очень неприятны.

Для Капитана – да и для других хичи – в состоянии депрессии нет ничего необычного. Хичи привыкли к такому состоянию.

Когда великая армия Наполеона уползала из Москвы, ее врагами были мелкие партизанские отряды, русская зима – и отчаяние.

Когда несколько десятилетий спустя тот же путь повторил вермахт Гитлера, главную опасность представляли советские танки, артиллерия, русская зима – и опять отчаяние. Немцы отступали в большем порядке и причиняли противнику больший вред. Но отчаяние гнало их.

Всякое отступление напоминает погребальную процессию, а хоронят уверенность. Хичи намерены были завоевать Галактику. Когда они поняли, что терпят поражение, и начали свое поспешное паническое отступление в центр, размеры их поражения были такими, каких никогда не знало че-

ловечество, и отчаяние проникло во все их души.

Хичи вели очень сложную игру. Ее можно было бы называть командной, только мало кто из игроков подозревал, что входит в состав команды. Стратегия игры ограничена, но конечная цель несомненна. Если хичи сумеют выжить как раса, они победят.

Но так много фигур на доске! А у хичи ослаблен контроль. Они могли начать игру. Но после этого если они вмешаются открыто, то обнаружат себя. Тогда игра станет опасной.

Настала очередь Капитана делать ход, и он понимал, какие опасности его ждут. Возможно, именно он тот игрок, который проиграет игру для всех хичи.

Первая его задача – как можно дольше сохранять в тайне укрытие хичи, а это значит, что нужно что-то сделать с обитателями корабля-парусника.

Но это не самое большое его беспокойство. Главное – вторая задача. Украденный корабль обладает оборудованием, которое может проникнуть в само укрытие хичи. Войти туда корабль не сможет, а заглянуть сможет. И это плохо. Больше того, оборудование корабля позволяет проникать в любую непрерывность, даже туда, куда сами хичи заглядывать не осмеливаются. Нельзя этого допускать, потому что там скрывается то, чего хичи опасаются больше всего.

И вот Капитан сел за приборы корабля, и сверкающее силиконовое облако, окружающее черную дыру в центре, начало уходить назад. Тем временем Дважды проявляла при-

знаки напряжения, которые вскоре станут все более явными; тем временем холодные медлительные обитатели корабля-парусника продолжали свои долгие медленные жизни; тем временем один управляемый людьми корабль, способный проникнуть повсюду, приближался к очередной черной дыре...

И тем временем другие игроки на огромной доске, Оди Уолтерс и Джейни Жи-ксинг, смотрели, как уменьшается стопка их чипов. Они начинали свою собственную игру.

Я должен разъяснить небольшое недоразумение. Робинетт (и все остальные люди) называют эту расу хичи. Конечно, сами себя те так не называют, точно так же, как американские индейцы не называют себя индейцами, а африканские племена кой-сан не зовут себя готтентотами и бушменами. Хичи называют себя разумными. Но это мало что доказывает. *Homo sapiens* тоже себя так называют.

Хичи на очень ранней стадии своей технологии научились записывать и сохранять сознание мертвых или умирающих в неорганических системах. Так возникли Мертвецы, составлявшие общество мальчика Вэна, и именно использование этой технологии вызвало появление «Здесь и После, Инк.» Робина Брудхеда. Для хичи (позволю себе высказать мнение) это было ошибкой. Так как они могли использовать для сбора и обработки информации сознания своих мерт-

вых предшественников, они не интересовались искусственным разумом, гораздо более мощным и гибким. Например, таким, как... как я.

11. Встреча в Роттердаме

Он стоял у меня на пути, этот парень, с лицом как загорелое авокадо. Это выражение я узнал прежде, чем лицо. Выражение упрямства, раздражения, усталости. А лицо принадлежало Оди Уолтерсу Младшему, который (секретарская программа, конечно, не забыла мне сообщить) уже несколько дней пытается со мной встретиться.

– Привет, Оди, – сказал я, на самом деле очень сердечно, пожимая ему руку и кивая красивой, восточного облика молодой женщине рядом с ним, – приятно снова тебя увидеть. Ты остановился в отеле? Прекрасно! Слушай, я тороплюсь, но давай пообедаем – договорись с консьержем, ладно? Я вернусь через пару часов. – Я улыбнулся ему, улыбнулся молодой женщине и оставил их стоять на месте.

Не собираюсь изображать это образцом манер, но я действительно торопился, к тому же у меня болели кишки. Я посадил Эсси в такси, а сам поймал другое, чтобы ехать в суд. Конечно, если бы я знал, что Уолтерс собирается мне рассказать, возможно, я был бы с ним обходительнее. Но я не знал, от чего ухожу.

И к чему иду, кстати, тоже.

Последний участок пути я на самом деле прошел пешком, потому что движение транспорта было хуже обычно. Готовился к маршу парад, вокруг Международного Дворца Юстиции, как всегда, собирались толпы. Дворец – сорокаэтажный небоскреб, поставленный на кессоны на болотистой почве Роттердама. Он доминирует над половиной города. Внутри – сплошные алые занавеси и стекло с односторонней видимостью, истинная модель современного международного трибунала. Сюда не приходят оспаривать штраф за парковку не по правилам.

Здесь, в сущности, вообще не очень думают об отдельных людях, и если бы я был тщеславен – а я тщеславен, – я бы напыжился от того, что являюсь одной из сторон в предстоящем процессе; в нем вообще четырнадцать заинтересованных сторон, и среди них четыре независимых государства. В самом Дворце у меня есть даже собственные офисы, предназначенные для моих личных нужд. Но я не пошел туда. Было уже почти одиннадцать часов, и вполне возможно, что вскоре начнется заседание, поэтому я улыбнулся и протиснулся прямо в зал заседаний. Он был заполнен. Он всегда заполнен, потому что тут можно посмотреть на знаменитостей. В своем тщеславии я считал себя одной из них и ожидал, что, когда я войду, ко мне начнут поворачиваться головы. Ничего подобного. Все смотрели на полдюжину тощих бородатых личностей в дашиках¹ и сандалиях. Они сидели за загород-

¹ Африканская одежда типа свободного свитера без рукавов. – *Примеч. пер.*

кой на месте, отведенном для истцов, пили коку и хихикали. Древние. Их не каждый день увидишь. Как и все, я глазел на них, пока кто-то не взял меня за руку. Я повернулся и увидел мэтра Исинжера, моего адвоката, который укоризненно смотрел на меня.

– Вы опаздываете, минхеер Броудхед, – прошептал он. – Суд отметил ваше отсутствие.

Но так как члены суда деловито перешептывались и спорили друг с другом, как я понял, по вопросу о том, можно ли считать дневник первого изыскателя, обнаружившего туннели на Венере, вещественным доказательством, я усомнился в словах Исинжера. Однако не стоит платить адвокату столько, сколько я плачу мэтру Исинжеру, чтобы спорить с ним.

Конечно, никаких законных причин платить ему столько у меня нет. В данном случае речь шла о попытке Японской империи поглотить Корпорацию «Врата». Я в деле участвую как главный акционер чартерного бизнеса на «С.Я.», поскольку боливийцы обратились в суд с требованием отменить чартер, так как, по их мнению, перевозка колонистов означает «возврат к рабству». Колонистов называли бесправными рабами, а меня вместе с другими бессовестным эксплуататором человеческих несчастий. А при чем тут Древние? Они тоже заинтересованная сторона, поскольку утверждали, что «С.Я.» их собственность: они и их предки жили в ней сотни тысяч лет. Их положение на суде было несколько неопределенным. Они подданные правительства

Танзании, потому что здесь их земная родина, но Танзания на суде не представлена. Танзания бойкотирует Дворец Правосудия из-за неблагоприятного для нее решения в предыдущем году о ракетах поверхность моря – морское дно, поэтому ее интересы представляет Парагвай – а он больше озабочен территориальным спором с Бразилией, которая, в свою очередь, является заинтересованной стороной как одна из держав – учредительниц Корпорации «Врата». Вы успеваете следить? Ну а я нет, поэтому-то я и нанимаю мэтра Исинжера.

Если я позволю себе заниматься каждым миллионнодолларовым иском, я всю жизнь проведу в судах. У меня есть чем заняться в оставшуюся часть жизни, так что в обычных условиях я предоставил бы сражаться своим юристам, а сам проводил бы время гораздо интереснее, болтая с Альбертом Эйнштейном или бродя по берегу Таппанова моря со своей женой. Однако у моего присутствия здесь были особые причины. Я видел, что одна из них дремлет в кожаном кресле рядом с Древними.

– Узнаю, не хочет ли Джо Квятковский выпить чашку кофе, – сказал я Исинжеру.

Квятковский – поляк, представляющий Восточно-Европейское Экономическое Сообщество, и один из истцов в деле. Исинжер побледнел.

– Он противная сторона! – прошептал Исинжер.

– Но он и мой старый друг, – ответил я, лишь слегка пре-

увеличивая: он был изыскателем на Вратах, и в прежние времена мы не раз вместе выпивали.

– В судебных делах такого масштаба друзей не бывает, – сообщил мне Исинжер, но я только улыбнулся ему и наклонился, чтобы свистнуть Квятковскому. Тот, проснувшись, охотно подошел.

– Мне не следует находиться тут с тобой, – проворчал он, когда мы оказались в моем кабинете на пятнадцатом этаже. – Особенно распивать кофе. Ты ведь можешь туда что-нибудь подлить.

Да, действительно – сливовицу, причем его любимого краковского розлива. Кроме того, вот кампучийские сигары – того сорта, что он любит, и селедка, и печенье.

Здание суда стоит над небольшим протоком реки Маас, и чувствуется запах воды. Я открыл окна, и в них слышались звуки проходящих под аркой здания лодок и шум транспорта с самого Мааса в километре отсюда. Из-за сигары Квятковского я открыл окна пошире и увидел флаги и ленты на боковой улице.

– Из-за чего сегодня парад? – спросил я.

Он отмахнулся от моего вопроса.

– Армии любят парады. Не дури, Робин. Я знаю, чего ты хочешь, но это невозможно.

– Я хочу, – ответил я, – чтобы ВЕЭС помогло уничтожить террористов с их кораблем. Это явно в интересах всех. Ты говоришь, что это невозможно. Хорошо, приму твои слова,

но почему невозможно?

– Потому что ты ничего не понимаешь в политике. Ты думаешь, что ВЕЭС может обратиться к парагвайцам и сказать: «Послушайте, договоритесь с Бразилией, скажите, что вы проявите уступчивость в территориальном споре, если они передадут свою информацию американцам, чтобы можно было захватить корабль террористов».

– Да, – согласился я, – именно так я и думаю.

– И ошибаешься. Они не станут слушать.

– ВЕЭС, – терпеливо сказал я, меня тщательно проинструктировала моя информационная система, Альберт, – самый крупный торговый партнер Парагвая. Если вы свистнете, они прыгнут.

– В большинстве случаев – да. Ключ к ситуации – Республика Кампучия. У нее тайная договоренность с Парагваем. Кроме этого, я ничего не скажу, только добавлю, что договоренность одобрена на самом высоком уровне. Еще кофе, – сказал он, – только на этот раз пусть будет не так много кофе.

Я не спрашивал Квятковского, что это за особая договоренность: если бы он хотел рассказать мне, то не назвал бы ее «тайной». Да мне и не нужно. Это военный договор. Все «тайные договоренности», которые заключают в наши дни друг с другом государства, – военные договоры, и если бы меня не беспокоили так террористы, я бы беспокоился из-за того, как ведут себя законные правительства. Но всему свое

время.

Итак, по совету Альберта я пригласил к себе в кабинет юриста из Малайзии, потом миссионера из Канады, далее генерала албанских военно-воздушных сил, и для каждого у меня нашлась своя наживка. Альберт говорил мне, за какую ниточку потянуть и какие стеклянные бусы предложить туземцам – в одном случае дополнительная квота на провоз колонистов, в другом – вклад на «милосердие». Иногда требовалась просто улыбка. Роттердам прекрасно для этого подходит. В Гааге, откуда переместили Дворец Правосудия, слишком много беспорядков, особенно с тех пор, как террористы играют с ТПП, и всех, кого нужно, можно отыскать в Роттердаме. Люди всех сортов. Всех цветов, любого пола, в костюмах всех типов, от эквадорских юристов в мини-юбках до термально-энергетических баронов с Маршалловых островов в саронгах и ожерельях из акульих зубов. Трудно судить, добился ли я продвижения вперед, но в половине двенадцатого живот сказал мне, что будет болеть очень сильно, если я не помещу в него хоть немного пищи. Поэтому я сделал перерыв. С тоской подумал о тихом номере в отеле, с теплым бифштексом и снятыми туфлями, но я пообещал встретить Эсси на ее предприятии. Поэтому я попросил Альберта сделать оценку достигнутого и подготовить рекомендации, что делать дальше, и отправился ловить такси.

Невозможно пропустить предприятие Эсси по приготовлению быстрой пищи. Арки из сверкающего голубого метал-

ла хичи можно встретить в любом уголке мира. Для нас на балконе веревками выгородили место, и Эсси встретила меня на лестнице улыбкой, поцелуем и вопросом:

– Робин! Послушай! Здесь хотят подавать жаркое с майонезом. Позволить им?

Я ответил на ее поцелуй, но через плечо смотрел на наш столик.

– Решай сама.

– Да, конечно, я решу. Но это важно, Робин! Ты знаешь, у нас были трудности с дублированием жареного картофеля. А теперь майонез? – Тут она отступила на шаг и внимательно посмотрела на меня. Выражение ее лица изменилось. – Ты так устал! Так много морщин на лице! Робин, как ты себя чувствуешь?

Я ответил ей своей самой очаровательной улыбкой.

– Просто есть хочу, дорогая! – воскликнул я и с наигранным энтузиазмом посмотрел на тарелки. – Послушай! Отлично выглядит! Что это такое?

– Это чапати², – с гордостью ответила она. – А еще блины. Посмотрим, как они тебе понравятся. – Так что мне пришлось все попробовать, а мой живот совсем не просил об этом. Тако³, чапати, рисовые шарики с кислым рыбным соусом, блюдо, которое больше всего напоминает вареный ячмень. Не все в моем вкусе. Но все съедобны.

² Пшеничный хлебец из Индии. – *Примеч. пер.*

³ Плоская лепешка с мясным наполнителем.

Это тоже дары хичи. Хичи передали нам свое великое знание, что все живые ткани, включая ваши и мои, состоят в основном из четырех элементов: углерода, водорода, кислорода и азота – CHON – CHON-пища. И так как кометные газы тоже состоят из этих четырех элементов, хичи построили Пищевую фабрику в нашем Оортовом облаке, где висят кометы, дожидаясь, пока Солнце вытащит их и пустит по нашему небу.

CHON, конечно, еще не все. Нужны и другие элементы. Из них наиболее важна сера, затем натрий, магний, фосфор, хлор, калий, кальций – не говоря уже о небольших добавках кобальта, чтобы создавался витамин B12, хрома для глюкозной выносливости, йода для щитовидной железы, лития, фтора, мышьяка, селена, молибдена, кадмия и еще многих. Вероятно, нужна вся периодическая система, хотя бы в следах, но большинство элементов в таких малых количествах, что не нужно беспокоиться об их добавке к похлебке. Хотите вы того или нет, они появляются с другими компонентами. Итак, химики Эсси вырабатывали и сахар, и специи, и производили пищу для всех – и не только чтобы оставаться в живых, нет, вкусную пищу, которую хочется есть, отсюда чапати и рисовые шарики. Из CHON можно приготовить что угодно, если как следует помешать. И, помимо всего прочего, Эсси производила много денег, и к тому же ей это занятие нравилось.

Наконец я занялся чем-то, что мой желудок не отверг –

похоже на гамбургер со вкусом салата из авокадо с кусочками свинины, а Эсси назвала это Большой Чон. Эсси каждую минуту вскакивала и куда-то убегала. Проверяла температуру инфракрасных нагревательных ламп, смотрела, нет ли грязи под посудомоечными машинами, пробовала десерт, подняла скандал из-за того, что молочные пирожные слишком тонкие.

Эсси заверила меня, что ее пища не может повредить, хотя мой желудок меньше верил ей, чем я. Шум на улице мне не нравился – это парад? – но вообще-то мне было почти удобно, насколько это возможно. Я настолько расслабился, что смог наслаждаться изменением в нашем статусе. Когда мы с Эсси появляемся на людях, на нас смотрят, и обычно смотрят на меня. Но не здесь. На продуктовых предприятиях Эсси звезда она. У всех напряжены мышцы спины, все взгляды, которые бросают украдкой, обращены в одном направлении, на большую леди-босса. Ну, она не очень леди: Эсси четверть столетия учил английскому эксперт – я, но когда она возбуждается, повсюду слышны «некультурный» и «хулиган»⁴.

Я подошел к окну второго этажа, чтобы взглянуть на парад. Он двигался прямо по улице, по десять человек в ряд, с лентами, выкриками, плакатами. Прямо через улицу началась потасовка, мелькали полицейские, плакаты – сторонники вооружения против пацифистов. Невозможно опреде-

⁴ Здесь и ниже эти слова произносятся по-русски. – *Примеч. пер.*

лить, кто за что, они колотили друг друга плакатами, и Эсси, подойдя ко мне и доедая свой Большой Чон, посмотрела и неодобрительно покачала головой.

– Как сэндвич? – спросила она.

– Отлично, – ответил я со ртом, полным углерода, водорода, кислорода и азота плюс микроэлементы. Она бросила на меня взгляд:

– Говори громче.

– Превосходно, – сказал я с усилением.

– Мне тебя не слышно из-за этого шума, – пожаловалась она, облизывая губы: ей самой нравится то, что она продает.

Я кивнул в сторону парада.

– Не знаю, хорошо ли это.

– Я думаю, нет, – сказала она, глядя с отвращением на группу людей, которых, как мне кажется, называют зуавами, – темнокожие люди маршировали в мундирах. Их национальные цвета разглядеть мне не удалось, но у каждого было скорострельное оружие, и они исполняли с ним упражнения: поворачивали, касались прикладом мостовой, заставляли снова прыгнуть им в руки, и все это не нарушая шага.

– Может, нам лучше пойти в суд? – спросил я.

Она подобрала последнюю крошку моего сэндвича. Некоторые русские женщины после сорока расплываются, а некоторые сморщиваются и увядают. Не Эсси. У нее по-прежнему прямая спина и узкая талия, которая впервые привлекла мое внимание.

– Может быть, – ответила она, собирая свои компьютерные программы, каждую в своем особом веере. – Я в детстве навидалась военных мундиров, и теперь мне их не очень хочется видеть.

– Ну какой же парад без мундиров.

– Не только парад. Смотри. На тротуарах тоже. – И правда, примерно один мужчина или женщина из четырех были одеты в мундиры. Неудивительно, подумал я. Конечно, каждая страна сохраняла небольшую армию, но это что-то такое, что полагается держать в шкафу, вроде домашнего огнетушителя. Военных редко видели. А сейчас видят все чаще и чаще.

– Но ты все-таки устал. Нам пора идти, – сказала она, добросовестно сметая крошки со стола в одноразовую пластиковую тарелку и оглядываясь в поисках приемника мусора. – Дай мне твою тарелку, пожалуйста.

Я ждал ее у выхода. Присоединившись ко мне, она хмурилась.

– Приемники почти полны. Вручную их нужно убирать при шестидесятипроцентной наполненности. Что они будут делать, если одновременно уйдет много посетителей? Надо бы вернуться и поговорить с управляющим... о дьявол! – воскликнула она, выражение ее лица изменилось. – Я забыла свои программы! – И бросилась по лестнице назад, туда, где оставила информационные веера.

Я стоял у двери, ждал ее, глядя на парад. Отвратительно! Проходило настоящее вооружение, установки противо-

ракет и бронированные машины; а за духовым оркестром шла группа, исполнявшая упражнения с автоматами. Я почувствовал, как двинулась за мной дверь, и отступил в сторону, чтобы выпустить Эсси.

– Нашла, Робин, – сказала она, улыбаясь, с толстой пачкой вееров в руках, когда я к ней повернулся.

Что-то похожее на осу просвистело мимо моего левого уха.

В Роттердаме нет ос. И тут я увидел, что Эсси падает и дверь над ней закрывается. Это была совсем не оса. Выстрел. В одном из этих автоматов был боевой патрон, и автомат выстрелил.

Я уже один раз чуть не потерял Эсси. Это было давно, но я не забыл. Старое горе ожило, словно было вчера, я отодвигал глупую дверь, склоняясь к Эсси. Она лежала на спине, лицо ее было закрыто связкой вееров, и когда я поднял связку, увидел, что, хотя лицо ее окровавлено, глаза открыты и смотрят на меня.

– Эй, Роб! – удивленным голосом сказала она. – Ты меня толкнул?

– Конечно, нет! Зачем мне тебя толкать? – Одна из девушек из-за стойки подбежала с грудой бумажных платков, я схватил их и указал на красно-белый полосатый электрофургон с надписью «Poliklinische centrum», который стоял на перекрестке из-за парада. – Вы! Быстрее сюда врачей! И полицейских тоже!

Когда появились полицейские, Эсси села и оттолкнула мою руку.

– Зачем врачи? – спросила она рассудительно. – Всего лишь кровь из носа, посмотри! – Так и есть. Пуля застряла в информационных веерах. – Мои программы! – воскликнула Эсси, не давая веера полицейским, которые хотели извлечь из них пулю. Но веера безнадежно погибли. И мой день тоже.

Пока мы с Эсси переживали это небольшое столкновение с судьбой, Оди Уолтерс повел свою подругу осматривать Роттердам. Расставаясь со мной, он потел: присутствие большого количества денег часто так действует на людей. Отсутствие денег лишало Уолтерса и Джи-ксинг радостей Роттердама. Но все же для Уолтерса, у которого в волосах еще торчало сено планеты Пегги, и для Джи-ксинг, редко уходившей с «С.Я.» и не покидавшей окрестностей петель, Роттердам – огромный город. Они не могли ничего купить, но могли смотреть на витрины. Бродхед согласился встретиться, все время говорил себе Уолтерс; но если он позволял себе думать об этом с удовлетворением, то другая его часть тут же отзывалась презрительно: Бродхед сказал, что встретится. Но не очень-то стремился к этому...

– Почему я потею? – спросил Уолтерс вслух.

Джи-ксинг для моральной поддержки взяла его под руку.

– Все будет в порядке, – деликатно ответила она, – так или иначе. – Уолтерс благодарно взглянул на нее сверху вниз. Уо-

лтерс не очень высок, но Джейни Джи-ксинг просто крошечная; все в ней маленькое, кроме глаз, блестящих и больших, да и то в результате хирургической операции. Глупость; когда-то она была влюблена в шведского банкира и коммерсанта и думала, что только разрез глаз мешает ему любить ее. – Ну? Войдем?

Уолтерс понятия не имел, о чем она говорит, и, должно быть, она это уразумела; Джи-ксинг ударила его по плечу маленьким кулачком и показала на вывеску. Бледными буквами, висящими в темном пустом пространстве, было написано:

Здесь и После

Уолтерс посмотрел на вывеску и снова взглянул на женщину.

– Это гробовщики, – предположил он и рассмеялся: подумал, что понял ее шутку. – Мы еще не настолько плохи, Джейни.

– Нет, не гробовщики, – ответила она, – вернее, не совсем гробовщики. Разве ты не узнаешь это название?

И тут он узнал: одно из многих владений Робина Броудхеда, перечисленных в списке.

Чем больше узнаешь о Броудхеде, тем больше убеждаешься, что склонить его к сделке можно только здравым смыслом.

– Почему бы и нет? – одобрительно сказал Уолтерс и провел ее через воздушный занавес в прохладное темное по-

мещение магазина. Если и не погребальная контора, то по крайней мере работали здесь те же декораторы. Звучала мягкая неопределенная музыка, пахло полевыми цветами, хотя в помещении стоял только букет роз в хрустальной вазе. Навстречу встал представительный пожилой человек; Уолтерс не мог сказать, просто ли он встал со стула или материализовался, как голограмма. Он тепло улыбнулся им и попытался определить их национальность. И ошибся. Уолтерсу он сказал: «Guten Tag», а Джи-ксинг – «Gor ho ou-ney».

– Мы оба говорим по-английски, – сказал Уолтерс. – А вы?

Вежливо приподнятые брови.

– Конечно. Добро пожаловать в «Здесь и После». У вас есть близкий человек, который скоро умрет?

– Я об этом не знаю, – ответил Уолтерс.

– Понятно. Конечно, мы многого можем добиться, даже если наступила метаболическая смерть, но чем раньше начнем переход, тем лучше... Или вы мудро строите собственные планы на будущее?

– Ни то, ни другое, – сказала Джи-ксинг, – мы просто хотим узнать, что вы предлагаете.

– Понятно. – Человек улыбнулся и жестом указал на удобный диван. Он, казалось, ничего не сделал, но в помещении стало светлее, а музыка немного стихла. – Моя карточка, – сказал он, протягивая ее Уолтерсу и тем самым отвечая на его невысказанный вопрос: карточка осязаемая, пальцы ру-

ки тоже. – Позвольте мне бегло остановиться на основных фактах: это в конечном счете сэкономит нам время. Начнем с того, что «Здесь и После» не религиозная организация и не утверждает, что дает спасение. Мы предлагаем форму выживания. Будете ли «вы», те «вы», которые в данный момент находятся «здесь», в этом помещении, осознавать это выживание, – он улыбнулся, – вопрос метафизический. Но ваша сохраненная личность, если вы решитесь на запись, гарантированно выдержит тест Тьюринга, конечно, если мы начнем операцию, пока мозг еще в хорошем состоянии. И наш клиент будет находиться в той обстановке, которую сам выберет из предлагаемого перечня. У нас больше двухсот вариантов обстановки, начиная с...

Джи-ксинг щелкнула пальцами.

– Мертвецы, – сказала она, вдруг сообразив.

Продавец кивнул, хотя лицо его слегка напряглось.

– Да, так были названы первоначальные записи. Я вижу, вы знакомы с артефактом, который назывался «Небо Хичи», а сейчас используется для перевозки колонистов...

– Я третий офицер этого корабля, – сказала Джи-ксинг, сказала правду, если не считать неточности во времени, – а мой друг – седьмой офицер.

– Я вам завидую, – сказал продавец, и выражение его лица подтверждало, что он говорит искренне. Но зависть не помешала ему продлить торговый разговор, и Уолтерс внимательно слушал, держа Джи-ксинг за руку. Он был благодарен

этой руке: она не давала ему думать о Мертвецах и их протеже Вэне – или, во всяком случае, о том, что в данный момент делает Вэн.

Первоначальные Мертвецы, объяснил продавец, были записаны очень плохо: переход их воспоминаний и личностей из влажного серого хранилища в черепе в кристаллические базы данных, сохранившие их после смерти, был проведен неопытными работниками и с помощью аппаратуры, которая предназначалась не для людей. Поэтому запись оказалась несовершенной. Можно провести такую аналогию: Мертвецы при переходе из-за неопытности работников испытали такой стресс, что их можно считать спятившими. Но теперь такое больше не происходит. Процедура перехода так усовершенствована, что покойник может разговаривать с живыми, и никто не заподозрит, что говорит не с реальной личностью. Больше того! «Пациент» ведет в базе данных активную жизнь. Он может испытать все, что обещает мусульманство, христианство, сайентология, плюс, если пожелает, прекрасные мальчики, рассыпанные, как росинки на траве, хоры ангелов или присутствие самого Л. Рона Хаббарда. Если он не религиозен, может испытать приключения (самый распространенный выбор – альпинизм, глубоководное погружение, горные лыжи, свободное падение Тай Чи), слушать музыку любого типа в любом обществе, какое захочет... и, конечно (продавец, не установив точно взаимоотношения Уолтерса и Джи-ксинг, на эту тему не стал распространяться), секс. Все

варианты сексуальных отношений. От начала до конца.

– Как скучно, – сказал Уолтерс.

– Для вас и для меня, – согласился продавец, – но не для них. Понимаете, они сами не очень хорошо помнят запрограммированные процедуры. Эта часть записи прогрессирующе слабеет. Но все остальные – нет. Если вы поговорите с близким человеком, а потом через год продолжите разговор, он будет помнить разговор годичной давности во всех подробностях. Однако все его запрограммированные удовольствия быстро забываются – как всякие воспоминания об удовольствиях, понимаете? И он хочет испытывать их снова и снова.

– Ужасно! – сказала Жи-ксинг. – Оди, мне кажется, нам пора возвращаться в отель.

– Еще нет, Джейни. А нельзя ли поговорить с ними?

Глаза продавца блеснули.

– Конечно. Некоторые из них любят поговорить, даже с незнакомыми людьми. У вас есть немного времени? В сущности, это очень просто. – Говоря это, он подвел их к экрану ПВ, справился в переплетенном в шелк указателе и набрал код. – Я подружился с одним из них, – застенчиво объяснил он. – Когда нет посетителей, у меня бывает много времени, я их вызываю, и мы отлично болтаем... А, Рекс! Как дела?

– Прекрасно, – ответил красивый загорелый пожилой человек, появившийся на ПВ. – Рад вас видеть! Мне кажется, я незнаком с вашими друзьями? – добавил он, приветливо

поглядывая на Уолтерса и Жи-ксинг. Если есть идеальное состояние у человека, достигшего определенного возраста, то он находился именно в таком состоянии; на голове сохранились все волосы, похоже и зубы собственные; в углах глаз морщинки от смеха, в остальном же лицо гладкое, а глаза яркие и теплые. Он вежливо выслушал представления. Когда его спросили, что он делает, он скромно пожал плечами: – Собираюсь исполнять партию Кармины Катулла в Венской опере. – Он подмигнул. – Ведущая сопрано очень красива, и мне кажется, любовная лирика находит у нее отклик.

– Поразительно, – прошептал Уолтерс, глядя на него. Но Жи-ксинг была очарована гораздо меньше.

– Мы не хотим мешать вашим музыкальным занятиям, – вежливо сказала она, – и боюсь, нам пора уходить.

– Занятия подождут, – добродушно объяснил Рекс. – Они всегда ждут.

Уолтерс был покорен.

– Скажите, – спросил он, – когда вы говорите... гм... о дружбе в этом... гм... состоянии, можете ли вы сами выбрать себе собеседника? Даже если он еще жив?

Вопрос был адресован продавцу, но первым заговорил Рекс. Он проницательно взглянул на Уолтерса и сочувственно ответил:

– Кого угодно, – и кивнул, будто они втайне о чем-то договорились. – Живого, мертвого или воображаемого. И, мистер Уолтерс, ваши собеседники сделают все, что вы захоти-

те. — Он усмехнулся. — Я всегда говорю, что ваша «жизнь» — только вступление к подлинной жизни, которая здесь. Просто не понимаю, почему люди это так надолго откладывают!

Между прочим, «Здесь и После» — одно из тех побочных предприятий, которые мне больше всего дороги, и не потому, что приносят много денег. Когда мы обнаружили, что хичи умеют записывать и хранить в своих машинах личности умерших, блеснул свет. Ну, сказал я моей доброй жене, если они умеют это делать, то почему бы не делать и нам? Ну, ответила моя добрая жена, можно, Робин, дай мне только немного времени для работы над кодированием. Я не принимал никаких решений относительно себя: хочу ли, чтобы со мной это проделали, где и когда. Но я был совершенно уверен, что не хочу, чтобы это проделали с Эсси, по крайней мере чтобы это было тогда, и потому был очень рад, что пуля всего лишь оцарапала ей нос.

Больше того. Нам пришлось познакомиться с роттердамской полицией. Сержант в форме представил нас бригадиру, который посадил нас в свою большую скоростную машину с горящими огоньками, отвез в полицию и предложил кофе. Бригадир Зюйц провел нас в кабинет инспектора Ван Дер Вааль, рослой крупной женщины со старомодными контактными линзами, от которых ее глаза казались выпуклыми и сочувственными. Как неприятно, минхеер! Надеюсь, вы не пострадали, мадам! Она отвела нас по лестнице — по

лестнице! – в кабинет комиссара Лютцека, который был рыбой совсем иной породы. Низкорослый. Тощий. Красивый, с мальчишеским лицом; хотя ему еще нет пятидесяти, он уже главный комиссар. Можно представить себе, как он затыкает пальцем дыру в плотине и держит так, пока не захлебнется⁵. Но невозможно представить себе, чтобы он сдался.

– Спасибо, что зашли, – сказал он, усадив нас.

– Несчастный случай, – заметил я.

– Нет. К сожалению, не несчастный случай. Если бы несчастный случай, им бы занялась муниципальная полиция, а не я. Мы проводим расследование и просим вас об участии.

Я сказал, чтобы поставить его на место:

– Наше время слишком ценно, чтобы заниматься такими делами.

Но его невозможно было сбить.

– Ваша жизнь еще ценнее.

– Послушайте. Солдаты на параде выполняли упражнения, у одного случайно автомат оказался заряжен и выстрелил.

– Минхеер Брудхед, – сказал он, – во-первых, ни в одном автомате не было патронов; вообще эти автоматы были без затворов. Во-вторых, эти солдаты совсем не солдаты; это студенты колледжей, которых наняли для участия в параде и

⁵ Намек на известный рассказ о мальчике-голландце, который спас родной город от наводнения, заткнув пальцем плотину. – *Примеч. пер.*

переодели; это декорация, как стража Букингемского дворца. В-третьих, стреляли не с той стороны, где проходил парад.

– Откуда вы знаете?

– Мы нашли оружие. – Теперь он выглядел очень сердитым. – В шкафчике полицейского. Весьма неприятно для меня, можете себе представить. К участию в параде привлекли много дополнительных полицейских, и они переодевались в передвижной гардеробной-фургоне. «Полицейский», тот, что выстрелил, остальным незнаком, но ведь их собрали из разных отделений. После парада он быстро переоделся и ушел, оставив свой шкафчик открытым. В шкафчике только форма – я думаю, украденная, – пистолет и ваша фотография. Не мадам. Ваша.

Он ждал. Мальчишеское лицо казалось мирным.

Но далеко не мир был у меня на душе. Потребовалось несколько минут, чтобы я все осознал. Мысль о том, что кто-то сознательно пытался меня убить, пугала. Не просто смерть; это страшно уже по определению, и я помню, как страшно мне было, когда смерть оказывалась рядом. Но убийство хуже обычной смерти. Я сказал:

– Знаете, как я себя чувствую? Виноватым. Я хочу сказать, что сделал что-то такое, отчего меня ненавидят.

– Совершенно верно, минхеер Броудхед. И что же такого вы сделали?

– Понятия не имею. Если найдете человека, вероятно,

узнаете и причину. Наверно, это нетрудно: он ведь оставил отпечатки пальцев и все такое. Я видел много камер, может, он даже попал кому-нибудь в объектив...

Комиссар вздохнул.

– Минхеер, пожалуйста, не надо учить меня, как вести полицейское расследование. Все это проводится, плюс допросы всех, кто мог видеть этого человека, плюс анализ пота на одежде, плюс другие способы идентификации. Я полагаю, что этот человек профессионал и поэтому все наши меры окажутся безуспешными. Нужно подойти с другой стороны. Кто ваши враги и что вы делаете в Роттердаме?

– Вероятно, враги у меня есть. Возможно, соперники по бизнесу, но они ведь не убийцы.

Он терпеливо ждал, и поэтому я добавил:

– А что касается того, что я делаю в Роттердаме, то это, по моему, хорошо известно. Мои деловые интересы включают использование некоторых артефактов хичи.

– Это известно, – сказал он, уже не так терпеливо.

Я пожал плечами.

– Я одна из заинтересованных сторон в процессе, который происходит в Международном Дворце Правосудия.

Комиссар открыл один из ящиков стола, заглянул в него и снова закрыл.

– Минхеер Бродхед, – сказал он, – у вас в Роттердаме было много встреч, не связанных с процессом, но имеющих отношение к вопросу о терроризме. Вы хотите прекратить

терроризм.

– Мы все этого хотим, – ответил я, но внутри ощутил разочарование и боль. Я-то считал, что действую тайно.

– Мы все этого хотим, но вы ради этого что-то делаете, минхеер. Поэтому я считаю, что у вас действительно есть враги. Наши общие враги. Террористы. – Он встал и проводил нас к двери. – Пока вы находитесь под моей юрисдикцией, я позабочусь об охране. Но за ее пределами могу только посоветовать вам быть осторожнее, потому что считаю: вам угрожает серьезная опасность.

– Она всем угрожает, – сказал я.

– Всем случайно, да. Но вы теперь – особый случай.

Наш отель построен в цветущие дни богатых туристов и нефтяных магнатов. Номера убраны в соответствии с их вкусами. Но не всегда – с нашими. Ни я, ни Эсси не оценили соломенные матрасы и деревянные подушки, но все это убрали и нас поместили в номер с настоящей большой кроватью. Круглой и огромной. Я с нетерпением ждал возможности испытать ее. От фойе толку меньше: такую архитектуру я ненавижу: консольные переходы, больше фонтанов, чем в Версале, зеркал столько, что, глядя в них, можно подумать, что ты в открытом космосе. Впрочем, благодаря любезности комиссара или молодой женщины-полицейского, которой он поручил нас сопровождать, мы были избавлены от всего этого. Нас провели через служебный ход и подняли в лифте, в ко-

тором пахло пищей. Возле нашего номера произошли перемены. Как раз напротив двери в лестничном пролете стояла мраморная крылатая Венера. Теперь у нее появился напарник в синем костюме, внешне совершенно неприметный человек, который упорно не желал встречаться со мной взглядом. Я взглянул на сопровождавшую нас полицейскую. Она в замешательстве улыбнулась, кивнула своему коллеге в лестничном пролете и закрыла за нами дверь.

Да, мы действительно особый случай.

Я сел и посмотрел на Эсси. Нос у нее еще распухший, но это, кажется, ее не тревожит. И все же...

– Может, тебе лечь? – предложил я.

Она с терпеливой улыбкой ответила:

– Из-за крови из носа, Робин? Очень глупо. Или у тебя что-то более интересное на уме?

Надо отдать должное моей дорогой жене. Как только она подняла эту тему, несмотря на трудный день и состояние моей прямой кишки, у меня действительно что-то появилось на уме. За двадцать пять лет, можно подумать, даже секс станет скучным. Мой информационный друг Альберт рассказывал об опытах с животными, которые доказали это. Самцов крыс оставили с самками, и частота их половых контактов все время измерялась. Обнаружили, что с течением времени она уменьшается. Скука. Тогда старых самок убрали и поселили новых. Крысы приободрились и снова занялись делом. Это установленный научный факт – относительно крыс, но,

мне кажется, я не крыса, по крайней мере в некоторых отношениях. Должен признать, что я испытывал большое наслаждение, когда без всякого предупреждения кто-то всадил мне кинжал в живот.

Я не мог сдержаться. Закричал.

Эсси оттолкнула меня. Быстро села. Вызвала по-русски Альберта. Послушно появилась его голограмма. Он взглянул на меня и кивнул.

– Да, миссис Броудхед, пожалуйста, прижмите запястье Робина к фармацевтическому устройству в спинке кровати.

Я вдвое согнулся от боли. Мне показалось, что сейчас меня вырвет, но, очевидно, от содержимого моих внутренностей не так-то легко избавиться.

– Сделай что-нибудь! – воскликнула Эсси, отчаянно прижимая меня к своей обнаженной груди, а руку – к спинке кровати.

– Я уже делаю, миссис Броудхед, – ответил Альберт, и действительно, я почувствовал укол в руку. Боль уменьшилась и стала терпимой. – Не стоит напрасно тревожиться, Робин, – благожелательно сказал Альберт. – Вам тоже, миссис Броудхед. Я уже несколько часов назад предвидел такой болевой приступ. Это всего лишь симптом.

– Проклятая высокомерная программа, – воскликнула Эсси, написавшая эту программу, – симптом чего?

– Начала последней стадии процесса отторжения, миссис Броудхед. Положение пока не критическое, тем более что я

вместе с обезболивающим ввожу и другие препараты. Но все же предлагаю завтра произвести операцию.

Я теперь чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы сесть на краю постели. Провел пальцем ноги по стрелам в ковре, указывающим в сторону Мекки, дань нефтяным магнатам, и сказал:

– А как с подбором тканей?

– Все уже подготовлено, Робин.

Я осторожно пощупал живот. Он не взорвался.

– На завтра у меня назначено много встреч, – сказал я.

Эсси, которая мягко покачивала меня, отпустила и вздохнула:

– Упрямый человек! Зачем откладывать? Можно было провести трансплантацию несколько недель назад, и ничего этого бы не было.

– Мне не хотелось, – объяснил я, – к тому же Альберт заверил, что у меня было еще время.

– Было время! Конечно, было время! Неужели нужно тянуть до тех пор, пока не произойдет что-то непредвиденное? И тут ты понимаешь, что времени уже нет и приходится умирать. Я тебя люблю живого и теплого, Робин, а не программу из «Здесь и Потом»!

Я потерялся о нее носом и подбородком.

– Больной! Убирайся от меня! – рывкнула она, но не отстранилась. – Ха! Теперь тебе лучше!

– Гораздо лучше.

– Достаточно, чтобы поговорить серьезно и назначить время операции?

Я подул ей в ухо.

– Эсси, – сказал я, – обязательно, но не в данную минуту, потому что, если я правильно помню, мы с тобой не закончили одно дело. Не с Альбертом. Будь добр, старый друг, отключись.

– Хорошо, Робин. – Он улыбнулся и исчез. Но Эсси держала меня, долго глядела мне в лицо, потом покачала головой.

– Робин, – сказала она. – Ты хочешь, чтобы я записала тебя как программу «Здесь и После»?

– Нисколько, – ответил я, – и вообще я сейчас хочу поговорить не об этом.

– Поговорить! – фыркнула она. – Ха, знаю я, как ты говоришь... Я хочу сказать, Робин, что если я тебя запишу, то кое-что обязательно изменю!

Ну и денек получился! Неудивительно, что некоторые незначительные обстоятельства я забыл. Моя секретарская программа, конечно, мне напоминала, так что я не удивился, когда отворилась дверь и появилась процессия официантов во главе с дворецким. Принесли обед. Не на двоих. На четверых.

– О мой бог! – воскликнула Эсси, ударив себя по лбу тыльной стороной ладони. – Твой бедный друг с лягушечьим ли-

цом, Робин! Ты пригласил его на обед. И только взгляни на себя! Босые ноги! Сидишь в белье! Ты некультурный, Робин. Иди одеваться немедленно!

Я встал, потому что спорить бессмысленно, но все же сказал:

– Я в белье, а ты разве нет?

Она презрительно взглянула на меня. На самом деле на ней такая китайская штука с разрезом на боку. Похоже и на платье, и на ночную рубашку, и она использовала ее в обоих качествах.

– Нобелевский лауреат, – укоризненно сказала она, – сам определяет, что ему прилично носить, а что нет. К тому же я уже приняла душ, а ты нет и потому пахнешь сексуальной деятельностью... и, о боже, – добавила она, наклонив голову и прислушиваясь, – я думаю, они уже здесь!

Я направился к ванной, а она к двери, но я еще услышал звуки спора. Один из слуг тоже внимательно слушал, причем рука его бессознательно устремилась к выпуклости под мышкой. Я вздохнул и направился в ванную.

На самом деле это не ванная. Можно назвать купальным номером. Ванна по размерам достаточна для двоих. Может, даже для троих или четверых, но я о большем, чем двое, не мог думать. Иногда я гадаю, что эти арабские туристы делали в таких ваннах. В самой ванной имелось скрытое освещение, из окружающих статуй лилась холодная или горячая вода, весь пол покрыт толстым ковром. И все вульгарные

туалетные принадлежности скрыты в собственных декорированных уголках. Все очень аккуратно.

– Альберт! – окликнул я, снимая рубашку через голову, и он тут же отозвался:

– Да, Робин?

В ванной нет видео, только голос. Я сказал:

– Мне тут нравится. Проследи, чтобы нечто подобное было установлено на Таппановом море.

– Понятно, Робин. Но пока не могу ли я напомнить вам, что гости уже ждут?

– Можешь, потому что ты уже напомнил.

– К тому же, Робин, вам нельзя переутомляться. Те медикаменты, что я вам дал, это только временное средство, и потому...

– Отключись, – приказал я и пошел в гостиную, где ждали гости. Стол был уставлен хрусталем и фарфором. Горящие свечи, вино в охладителе, вежливо ожидающие официанты. Даже тот, с выпуклостью под мышкой. – Прости, что заставил тебя ждать, Оди, – сказал я, улыбаясь, – но у меня был тяжелый день.

– Я уже говорила им, – сказала Эсси, передавая тарелку восточного обличья девушке. – Пришлось: этот глупый полицейский у двери счел их террористами.

– Я попытался объяснить, – подхватил Уолтерс, – но он не понимает по-английски. Миссис Броудхед разобралась с ним. Хорошо, что вы говорите по-голландски.

Она изящно пожала плечами.

– Если знаешь немецкий, знаешь и голландский. Это одно и то же, если говорить громко. К тому же, – добавила она, – это всего лишь состояние ума. Скажите, капитан Уолтерс, если вы что-то говорите, а собеседник вас не понимает, – что вы подумаете?

– Ну, я подумаю, что сказал что-то неправильно.

– Ха! Совершенно верно! Ну а я подумаю, что он неправильно меня понял. Это главное правило для разговора на иностранном языке.

Я потер живот.

– Давайте поедим, – предложил я и направился к столу. Но все же не пропустил взгляда Эсси и постарался быть гостеприимным. – Ну, мы печально выглядим. – Я имел в виду гипс на руке Уолтерса, синяк на щеке Джи-ксинг и распухший нос Эсси. – Вы колотили друг друга?

Оказалось, что это не совсем тактично: Уолтерс тут же подтвердил, что так оно и есть – под воздействием ТПП террористов. И мы немного поговорили о террористах. А потом о том печальном состоянии, в котором находится все человечество. Не очень веселый разговор, особенно когда Эсси решила пофилософствовать.

– Что за жалкое создание человек, – сказала она, но потом поправилась: – Нет. Я несправедлива. Один человек может быть вполне хорош, как мы четверо, сидящие здесь. Несовершенен, конечно. Но в среднем статистическом смысле из

ста случаев проявления таких качеств, как доброта, альтруизм, приличное поведение – всего того, что люди ценят, мы способны на двадцать пять. Но нации! Политические группы! Террористы! – Она покачала головой. – Из ста случаев – ноль. Или, может быть, один шанс, но тогда, можете быть уверены, с камнем за пазухой. Видите ли, зло заразительно. В каждом человеке, вероятно, есть его зерно. Но с увеличением количества – скажем, десять миллионов человек или небольшая страна способны своим злом погубить все человечество.

– Можно приниматься за десерт. – Я сделал знак официантам.

Всякий гость понял бы намек, особенно после упоминания о тяжелом дне, но Уолтерс оказался упрям. Он задержался за десертом. Настоял на том, чтобы рассказать мне историю своей жизни, и все время многозначительно поглядывал на официантов, и мне становилось все более неприятно, и не только в желудке.

Эсси говорит, что я нетерпим к людям. Может быть. Я легче общаюсь с компьютерными программами, чем с людьми из плоти и крови, и их нельзя обидеть – впрочем, не уверен, справедливо ли это по отношению к Альберту. Но вполне подходит к моему секретарю или шеф-повару. Так что я начал терять терпение с Оди Уолтерсом. Его жизнь – довольно скучная мыльная опера. Он утратил жену и все сбережения. Незаконно с помощью Джи-ксинг воспользовался прибора-

ми на «С.Я.» и был за это уволен. Последние деньги потратил в Роттердаме – причина неясна, но явно имеет отношение ко мне.

Что ж, я готов «ссудить» деньги другу, которому не повезло, но, видите ли, я был не в настроении. И не просто из-за страха за Эсси, из-за испорченного дня или мысли о том, что следующий псих с пистолетом может до меня добраться. У меня снова начали болеть внутренности. Наконец я велел официантам убирать со стола, хотя Уолтерс еще пил свою четвертую чашку кофе. Я направился к столику с ликерами и сигарами и сердито взглянул на него, когда он пошел за мной.

– В чем дело, Оди? – спросил я, уже не очень вежливо. – Деньги? Сколько тебе нужно?

Как же он посмотрел на меня! Помолчал, дожидаясь, пока выйдут все официанты, и потом выдал.

– Мне не это нужно, – дрожащим голосом сказал он, – ты заплатишь за то, что нужно тебе. Ты очень богатый человек, Брудхед. Может, ты не думаешь о тех, кто тебе оказывает услуги. Но я оказал их тебе дважды.

Я не люблю, когда мне напоминают о моих долгах, но у меня не было возможности ответить. Джейни Джи-ксинг положила руку на его забинтованное запястье – мягко.

– Просто скажи ему, что мы знаем, – приказала она.

– Что сказать? – спросил я, и этот сукин сын пожал плечами и сказал так, словно нашел мои ключи у двери:

– Мне кажется, я нашел настоящего живого хичи.

Хичи во время своего первого посещения Земли обнаружили австралопитеков и решили, что со временем те разовьют технологическую цивилизацию. Поэтому они решили сохранить колонию австралопитеков в чем-то вроде зоопарка. Потомки этих австралопитеков и есть Древние. Конечно, предположение хичи оказалось неверным. Австралопитеки не стали разумными. Они исчезли. А на людей отрезвляюще подействовала мысль о том, что так называемое «Небо Хичи», впоследствии переименованное в «С. Я. Брудхед», самый большой и сложный космический корабль из всех известных человечеству, – в сущности, всего лишь клетка для обезьян.

Когда стали доступными для изучения программы и базы данных так называемых Мертвецов, мой создатель, С. Я. Брудхед, естественно, очень заинтересовалась. Она решила продублировать их работу. Самое сложное, конечно, это перемещение банка данных из человеческого мозга и нервной системы, где они сохраняются химическим способом, в информационные веера хичи. Она проделала это очень хорошо. И не только для того, чтобы развернуть повсюду отделения «Здесь и После», но и для того, чтобы создать... гм... меня. Операции «Здесь и После» основаны на ее ранних исследованиях. Позже она стала действовать го-

раздо успешнее, лучше даже, чем сами хичи, смогла использовать не только идеи хичи, но и независимо созданную человеческую технологию. Мертвецы никогда бы не выдержали тест Тьюринга. А создания Эсси Броудхед могут. И выдерживают.

12. Бог и хичи

Я нашел хичи... Я нашел часть Истинного Креста... Я разговаривал с Богом, буквально разговаривал – все эти утверждения одного порядка. В них не веришь, но они пугают. Но потом, когда ты убеждаешься, что это правда, или, во всяком случае, не можешь доказать, что неправда, – вот тогда наступает время чудес и смертного страха. Бог и хичи. Ребенком я не делал различия между ними, и даже у взрослого сохранились следы этого смешения.

Я отпустил их уже после полуночи. Но к тому времени досуха их опустошил. У меня были веера, которые они прихватили с «С.Я.». Я привлек к обсуждению Альберта, чтобы он мог высказать суждения своего плодovitого цифрового мозга. Сам я чувствовал себя ужасно, действие обезболивающего кончалось, и уснуть я не мог. Эсси твердо заявила, что если я намерен убить себя перенапряжением, она хочет увидеть это зрелище и тоже не ляжет, но как только она начала негромко похрапывать на диване, я снова вызвал Альберта.

– Одна финансовая подробность, – сказал я. – Уолтерс го-

ворит, что отказался от миллионной премии, чтобы передать сведения мне, поэтому перечисли на его счет два миллиона.

– Хорошо, Робин. – Альберт Эйнштейн никогда не бывает сонным, но когда он хочет показать, что мне пора в постель, то начинает самым естественным образом зевать и потягиваться. – Но должен вам, однако, напомнить, что состояние вашего здоровья...

Я сказал ему, что он может делать с состоянием моего здоровья. Потом сказал, что делать с мыслью о том, чтобы поместить меня завтра в больницу. Он развел руками.

– Вы хозяин, Робин, – покорно сказал он. – Но я все же думаю...

Неправда, что Альберт Эйнштейн не тратит времени на обдумывание. Но так как он действует со скоростью элементарных частиц, время, потребное для обдумывания, не всегда воспринимается существами из плоти и крови, как я. Разве только он сам этого хочет, обычно для драматического эффекта.

– Выкладывай, Альберт.

Он пожал плечами.

– Из-за состояния вашего здоровья я не хотел бы, чтобы вы излишне возбуждались без причин.

– Причины! Боже, Альберт, иногда ты действительно ведешь себя как тупая машина. Какая причина важнее, чем находка живого хичи?

– Да, – ответил он, попыхивая трубкой, и тут же сменил

тему: – По сенсорным данным, которые я снимаю, можно определить, что вы испытываете сильную боль, Робин.

– Как ты умен, Альберт. – Боль в кишках переключилась на новую скорость. Теперь у меня в животе крутились лезвия миксера, и каждый оборот усиливал боль.

– Разбудить миссис Броудхед и сообщить ей?

Это закодированное сообщение. Если он скажет Эсси что-либо подобное, она тут же уложит меня в постель, вызовет хирургическую программу и предоставит меня всему, что способна предложить Полная Медицина Плюс. И эта перспектива начинала выглядеть привлекательной. Боль пугает меня сильнее смерти. Смерть – это нечто такое, что нужно испытать, и все будет кончено, а боль казалась бесконечной.

Но не сейчас!

– Нет, Альберт, – ответил я, – во всяком случае, пока ты не скажешь, что ты так упорно скрываешь. Может, я где-то ошибся в своих рассуждениях? Если так, скажи в чем.

– Только в том, что называете существо, присутствие которого ощутил Уолтерс, хичи, – ответил он, почесывая подбородок концом трубки.

Я выпрямился и тут же схватился за живот: резкое движение оказалось не слишком хорошей идеей.

– Какого дьявола? Что же это тогда, Альберт?

Он серьезно ответил:

– Рассмотрим свидетельства. Уолтерс говорит, что существо, присутствие которого он ощутил, замедлялось, даже

остановилось. Это соответствует нашему представлению о хичи: мы ведь считаем, что хичи в черной дыре, а там время замедляется.

– Верно. Тогда почему...

– Во-вторых, – продолжал он, – встреча состоялась в межзвездном пространстве. Это тоже соответствует: мы знаем, что хичи способны выходить в межзвездное пространство.

– Альберт!

– Наконец, – спокойно продолжал он, не обращая внимания на мой тон, – было установлено присутствие разумного существа, иного, чем мы сами, – он померцал, – или, вернее сказать, иного, чем человек. А единственными известными нам существами такого типа являются хичи. Однако, – благожелательно сказал он, – копия корабельного журнала, предоставленная капитаном Уолтерсом, вызывает серьезные вопросы.

– Давай их, черт тебя побери!

– Конечно, Робин. Позвольте мне продемонстрировать данные. – Он отодвинулся в сторону в своей голографической рамке, и появилось изображение корабельного экрана. На нем видно было далекое бледное пятно, а справа многочисленные цифры и символы. – Обратите внимание на скорость, Роберт. Восемнадцать сотен километров в секунду. Вполне возможная скорость для природного объекта. Например, конденсация ударного фронта сверхновой. Но что бы корабль хичи двигался так медленно? И вообще, похож

ли этот объект на корабль хичи?

– Он вообще ни на что не похож. Ради бога! Всего лишь пятно. На пределе видимости. Ничего нельзя разобрать.

Маленькая фигура Альберта по одну сторону изображения кивнула.

– В таком виде – да, – согласился он. – Но я могу увеличить изображение. Есть, конечно, и другие доказательства. Если источник действительно черная дыра...

– Что?

Он сделал вид, что не понял.

– Я хочу сказать: гипотеза о том, что это черная дыра, не подтверждается, так как в этом районе совершенно отсутствует гамма- и рентгеновское излучение; а оно должно быть при втягивании в дыру пыли и газа из пространства.

– Альберт, – сказал я, – иногда ты заходишь слишком далеко.

Он озадаченно посмотрел на меня. Я знаю, что такие взгляды, демонстрация того, что он что-то забыл, – все это лишь уловки ради эффекта. Они не соответствуют никакой реальности, в том числе и когда он смотрит мне прямо в глаза. Глаза голографического изображения видят не больше, чем глаза на фотографии. Если он и ощущает меня, а он меня, несомненно, ощущает, то через многочисленные линзы, через гиперзвуковые датчики, через емкости и термальные изображения – и ничего из этого нет в глазах голограммы Альберта. Но бывают моменты, когда мне кажется, что эти

глаза смотрят мне прямо в душу.

– Вы ведь хотите верить, что это хичи, Робин? – негромко спросил он.

– Не твое дело! Покажи увеличенное изображение!

– Хорошо.

Изображение покрылось пятнами, распалось... прояснилось: я увидел гигантскую стрекозу. Она заполнила весь экран и вышла за его пределы. Огромные крылья можно было увидеть только потому, что они закрывали звезды. Но на месте соединения крыльев виден был цилиндрический объект, светящийся в пространстве, и часть его света отражалась и от крыльев.

– Парусник! – выдохнул я.

– Да, парусник, – согласился Альберт. – Фотонный космический корабль. Приблизительная длительность полета на таком корабле от Земли до, скажем, Альфа Центавра – около шестисот лет.

– Боже! Шестьсот лет в этой крохотной штуке?

– Она не крохотная, Робин, – поправил он меня. – Расстояние до нее больше, чем вы, вероятно, сознаете. Мои оценки приблизительны, но от одного конца крыла до другого не меньше ста тысяч километров.

На дамасском диване Эсси захрапела, пошевелилась, открыла глаза, обвиняюще сказала:

– Ты все еще не лег! – снова закрыла глаза – все это не просыпаясь.

Я сел, на меня обрушились усталость и боль.

– Я бы хотел уснуть, – сказал я, – но мне нужно усвоить все это.

– Конечно, Робин. Вот что я предлагаю, – коварно сказал Альберт. – Вы не очень много съели за обедом, почему бы мне не приготовить вам немного горохового супа или рыбной похлебки...

– Ты знаешь, как уложить меня в постель, – сказал я, чуть не смеясь, довольный, что могу подумать о чем-то земном. – Почему бы и нет?

И вот я передвинулся назад в столовый альков. Позволил бармену, подчиненному Альберту, приготовить мне горячего рома, а Альберт составлял мне компанию.

– Очень хорошо, – сказал я, допив ром. – Давай еще порцию до еды.

– Конечно, Робин, – сказал он, играя своей трубкой. – Робин?

– Да? – спросил я, протягивая руку за новой порцией выпивки.

– Робин, – застенчиво, – у меня появилась идея.

Я был в подходящем настроении, чтобы выслушивать его идеи, поэтому кивнул, чтобы он продолжал.

– Эту идею подсказал мне Уолтерс. Пусть станет обыкновением то, что вы сделали для него. Как Нобелевская премия или научная премия Врат. Шесть премий в год, по сто тысяч долларов каждая, и каждая за открытие в одной обла-

сти науки. Я подготовил бюджет. — Он передвинулся в сторону, повернув голову и поглядев в угол своей рамки; там появился аккуратно напечатанный проспект. — Шестьсот тысяч долларов окупятся уменьшением налогов и участием в исследованиях...

— Подожди, Альберт. Не будь моим бухгалтером. Будь моим советником по науке. За что премии?

Он просто ответил:

— За решение загадок вселенной.

Я сел и потянулся, мне стало тепло и приятно. Я испытывал доброжелательность, даже по отношению к компьютерной программе.

— Готов ли мой суп?

— Через минуту, — ответил он, так оно и было. Я погрузил ложку: рыбная похлебка. Густая. Белая. И много масла.

— Не вижу цели, — сказал я.

— Информация, Робин.

— Но мне казалось, что ты и так получаешь всю информацию.

— Конечно — после публикации. У меня постоянно включена поисковая программа, в ней свыше сорока трех тысяч тематических разделов, и если что-нибудь, касающееся, допустим, расшифровки языка хичи, где-то появляется, я автоматически получаю эту статью. Но я хочу знать до публикации и даже в том случае, если публикации вообще не будет. Как открытие Оди, понимаете? Лауреатов будет опреде-

лять жюри. Я с радостью, – он померцал, – помогу вам подобрать членов жюри. И предлагаю шесть сфер поиска. – Он кивнул в сторону дисплея: бюджет исчез, сменившись аккуратной табличкой:

1. Перевод сообщений хичи.
2. Наблюдения и интерпретации недостающей массы.
3. Анализ технологии хичи.
4. Устранение терроризма.
5. Устранение международной напряженности.
6. Продление жизни.

– Звучит неплохо, – одобрил я. – Суп тоже хороший.

– Да, – согласился он, – повара хороши, когда следуют моим инструкциям. – Я сонно поглядел на него. Голос его звучал мягко – нет, вероятно, правильнее сказать – сладко. Я зевнул, пытаясь сфокусировать взгляд.

– Знаешь, Альберт, – сказал я, – никогда не замечал этого раньше, но ты немного похож на мою мать.

Он отложил трубку и сочувственно поглядел на меня.

– Не беспокойтесь, – сказал он. – Вам не о чем беспокоиться.

Я с сонным удовлетворением смотрел на свою верную голограмму.

– Ты прав, – согласился я. – Может, ты и не похож на мою мать. Эти густые брови...

– Не важно, Робин, – мягко сказал он.

– Не важно, – согласился я.

– Так что можете ложиться спать, – закончил он.

Мне это показалось неплохой идеей, и я послушался. Но не сразу. Не резко. Медленно, неторопливо; я оставался в полусонном состоянии, был расслаблен, мне было удобно и приятно, и я так и не знаю, когда кончилось это полусонное состояние и начался настоящий сон. Я был в таком состоянии, когда начинаются сны, вам кажется, что вы уже уснули, но мысль еще блуждает. Да, мысли мои блуждали. Они ушли далеко. Я летел по вселенной вместе с Вэном, заглядывал в одну черную дыру за другой в поисках кого-то очень нужного ему и мне, хотя не понимал зачем. Какое-то лицо, не лицо Альберта, не лицо матери, даже не лицо Эсси, женское лицо с густыми темными бровями...

Да ведь этот сукин сын меня опоил, с легким удивлением подумал я.

А тем временем большая Галактика поворачивалась, и крошечные частички органического вещества толкали крошечные частички металла и стекла между звездами; и органические частицы испытывали боль, и одиночество, и ужас, и радость – и все по-разному; но я уже спал, и мне было все равно. Тогда.

13. Кары любви

Один маленький кусочек органической материи, а именно Долли Уолтерс, испытывал все эти чувства, вернее, все,

кроме радости, а еще вдобавок такие, как негодование и скука. Особенно скуку, за исключением тех моментов, когда преобладающим становился ужас. Внутренности корабля Вэна больше всего напоминали помещение сложной, полностью автоматизированной фабрики, где оставлено немного места для людей, чтобы можно было произвести ремонт. Даже сверкающая спираль, часть двигательной системы хичи, была видна не вся: Вэн окружил ее ящиками с запасами пищи. Личные вещи Долли – они состояли из ее кукол и шестимесячного запаса тампонов – были затолканы в небольшой шкаф в крошечном туалете. Все остальное пространство принадлежало Вэну. Делать особенно было нечего, да и места для занятий не было. Единственные веера, оказавшиеся у Вэна, содержали только детские сказки. Вэн сказал, что их записали для него, когда он был маленьким. Долли от них страшно скучала, хотя не так, как вообще от безделья. Даже приготовление пищи и уборка лучше безделья, но возможности ограничены. Иногда кухонные запахи заставляли Вэна искать спасения в посадочном аппарате – а чаще бушевать и орать на нее. Стирать было легко, нужно только всунуть вещи в что-то вроде котла, там через них пропускается горячий пар, но, высыхая, они увеличивают влажность воздуха, а это – снова буря и крики. Он ее на самом деле никогда не бил – конечно, если не считать толчков, которые он выдавал за любовную игру, – но очень пугал.

Но не так сильно, как черные дыры, которые они посеща-

ли одну за другой. Вэна они тоже пугали. Но страх не удерживал его; только делал еще более трудной жизнь с ним.

Когда Долли поняла, что вся эта безумная экспедиция – только безнадежные поиски давно потерянного и, вероятно, давно мертвого отца Вэна, она почувствовала к нему настоящую нежность. И хотела бы, чтобы он позволил ей ее выразить. Бывали времена, особенно после секса, особенно в тех редких случаях, когда он не засыпал сразу или не отталкивал ее от себя грубыми и непростительно критичными интимными замечаниями, – времена, когда они несколько минут обнимали друг друга в тишине. Тогда она испытывала страстное желание установить с ним человеческий контакт. Прижаться губами к его уху и прошептать: «Вэн. Я понимаю, что ты чувствуешь. Я хотела бы помочь тебе».

Но, конечно, она так и не осмелилась.

И еще одно она не смела сделать – сказать ему, что, по ее мнению, он собирается убить их обоих, пока они не обнаружили восьмую дыру и у нее не осталось выбора. Даже на расстоянии двух дней полета – два дня на скорости быстрее света, почти световой год – она казалась особой.

– Почему она так странно выглядит? – спросила Долли, и Вэн, даже не оглядываясь, не отрываясь от экрана, сказал то, что она и ожидала:

– Заткнись. – И продолжал болтать со своими Мертвецами. Как только он понял, что она не смыслит ни по-испански, ни по-китайски, он стал говорить в ее присутствии, но

всегда на непонятных ей языках.

– Пожалуйста, милый, – сказала она, ощущая пустоту в желудке. – Что-то здесь неправильно. – Что именно неправильно, она не могла сказать. Объект на экране казался маленьким. Виден был не очень ясно и подрагивал. Но никакого следа светящихся частиц и потоков энергии, которые образуются, когда материя втягивается в дыру. Однако что-то было, какое-то мерцание, голубоватое, а не черное.

– Тьфу! – сказал он, потея. Потом – он был испуган не меньше ее – приказал: – Скажи суке, что она хочет. По-английски.

– Миссис Уолтерс? – Голос звучал неуверенно и слабо; это голос мертвого человека, если вообще его обладателя можно назвать человеком. – Я объяснял Вэну, что это так называемая обнаженная сингулярность. То есть она не вращается и поэтому не является абсолютно черной. Вэн? Ты сравнил ее с изображениями на картах хичи?

Вэн проворчал:

– Конечно, дурак. Я как раз это делаю, – но голос его дрожал. Вэн коснулся приборов. На экране появилось еще одно изображение. Голубоватый туманный, болезненный для глаз объект. А рядом, на другой половине, тот же объект, но со множеством ярких коротких красных черточек и мерцающих зеленых кругов.

Мертвец с печальным удовлетворением сказал:

– Это опасный объект, Вэн. Так его отметили хичи.

– Идиот! Все черные дыры опасны! – Вэн отключил говорившего и с презрением и гневом повернулся к Долли. – Ты тоже боишься! – уличил он ее и убежал к краденым и пугающим Долли приборам в аппарат.

А мне тем временем снилась глубокая крутая гравитационная дыра и скрытое в ней сокровище. Когда Вэн, потев от ужаса, занимался своими краденными приборами, я потел от боли. Когда Долли с удивлением смотрела на большой призрачно-голубой объект на экране, я смотрел на тот же объект. Она никогда не видела его раньше. А я видел. У меня над кроватью висел его снимок, и сделал я этот снимок, когда испытывал еще большую боль и был совсем сбит с толку. Я попытался сесть, и сильные мягкие руки Эсси снова уложили меня в постель.

– Ты еще на системах жизнеобеспечения, Робин, – сказала она. – Не нужно слишком много двигаться!

Я находился в маленькой больничной палате, которую построил в своем доме на Таппановом море, когда стало казаться, что слишком хлопотно каждый раз отправляться в больницу, если кому-то из нас требовалась замена органов.

– Как я сюда попал?! – спросить это у меня нашлись силы.

– Самолетом, конечно. – Эсси посмотрела на экран у меня над головой и кивнула.

– Значит, мне сделали операцию, – заключил я. – Этот сукин сын Альберт опоил меня. И ты отвезла меня домой,

пока я был под наркозом.

– Как умно! Да. Теперь все позади. Доктор говорит, что ты здоровая сельская свинья и скоро поправишься, – продолжала она, – только некоторое время еще будет немного болеть живот, потому что тебе вшили три метра новых кишок. Теперь поешь. И снова поспи.

Я откинулся на подушку, пока Эсси разговаривала с программой-шефом, и смотрел на изображение на стене. Его повесили, чтобы напоминать мне: сколь бы ни были неприятны процедуры, поддерживающие мою жизнь, были времена гораздо более неприятные. Но сейчас изображение напомнило мне о другом. О женщине, которую я утратил. Не скажу, что я годами не вспоминал о ней, это неправда. Я думал о ней часто, но как о далеком воспоминании, а теперь – как о живой личности.

– Пора поесть рыбной похлебки, – жизнерадостно пропела Эсси.

Клянусь Господом, она не шутила. Так оно и есть, отвратительно пахнущая, но, как она говорит, насыщенная всем тем, что мне необходимо и что я могу съесть в своем нынешнем состоянии. А тем временем Вэн рылся в черной дыре умным и сложным оборудованием хичи; а тем временем мне пришлось в голову, что тошнотворная похлебка, которую я ем, насыщена не только лекарствами; а тем временем сложные механизмы выполняли еще одно задание, о котором Вэн не знал; а тем временем я заставил себя проснуться настолько,

чтобы спросить Эсси, сколько времени я проспал, и она ответила: «Довольно долго, дорогой Робин», – и потом я снова уснул.

Особое задание заключалось в извещении, потому что из всех своих механизмов хичи больше всего опасались нарушителя порядка в линейных системах. Они боялись, что этот механизм, неправильно примененный, полностью и бесповоротно нарушит весь их порядок, и поэтому во все механизмы встроили сигналы тревоги.

Когда вы опасаетесь, что кто-то подобрется к вам в темноте, вы устраиваете ловушки: подвешиваете к веревке десяток гремящих банок, вешаете что-нибудь такое, что может упасть на голову незваного гостя... Но нет большей темноты, чем темнота между звездами, так что хичи оставили своих часовых. Ловушки, оставленные хичи, были многочисленны, хитроумны и обладали очень-очень громкими голосами. Когда Вэн развернул свою спираль, она немедленно подала сигнал, и тут же связист доложил об этом Капитану.

– Чужак сделал это, – сказал он, дрожа мышцами лица, и Капитан произнес бранное слово. Человеку оно ничего не сказало бы, потому что обозначало половой акт в то время, когда женская особь не влюблена. Капитан произнес это слово не из-за его прямого смысла. Это выражение крайне неприлично, но ничто другое не могло бы выразить чувства Капитана. Увидев, что Дважды тревожно смотрит на прибо-

ры контроля на расстоянии, он тут же раскаялся.

Больше всего беспокойства было у Капитана, потому что он Капитан, но работы больше всего было у Дважды. Она одновременно управляла тремя комплектами приборов на расстоянии: большим кораблем, на который они собирались перебраться, грузовым кораблем, который должен убрать парусник, и особым спутником в Солнечной системе, который должен был перехватывать все сообщения и регистрировать все космические корабли. И Дважды была не в состоянии выполнять такую работу. К ней пришло время любви, стероиды бушевали в ее жестких венах, биологический процесс развертывался, и тело ее созревало для выполнения своего назначения. И не только тело. Созревала и смягчалась вся личность Дважды. И пытаться управлять отдаленными системами, в то время как весь ее организм был настроен на сексуальное общение, – для нее это пытка. Капитан склонился к ней.

– Как ты? – спросил он. Она не ответила. И это было достаточным ответом.

Он вздохнул и обратился к следующей проблеме:

– Ну, Башмак?

Связист выглядел почти так же плохо, как Дважды.

– Установлено несколько концептуальных соответствий, Капитан, – доложил он. – Но программа перевода очень сложна.

Капитан дернул мышцами щек. Неужели произошло что-

то нелогичное, отчего все разворачивается неожиданно и неправильно? Эти сообщения – опасно даже то, что они вообще существуют. Но они к тому же на разных языках! На разных! Не на двух, на которых говорят хичи, не на Языке Действия и Языке Чувства, но буквально на десятках непонятных языков. Было бы гораздо менее болезненно слушать это бормотание, если бы он хотя бы представлял себе, о чем они говорят.

Так много тревог и проблем! Не только зрелище с каждым часом слабеющей и все более ошибающейся Дважды; не только сознание того, что какой-то не-хичи приводит в действие механизмы, способные проникнуть в черную дыру; наибольшие опасения у Капитана вызывала его собственная способность справиться с этими нарастающими осложнениями. Но нужно было работать. Они определили местоположение парусника. Направили сообщение его экипажу, но разумно не стали дожидаться ответа. Командный корабль, разбуженный после многотысячелетнего сна, подошел в рассчитанное время. Они примкнули к нему, люк к люку, и перешли в этот большой, гораздо более мощный корабль. Это не составляло проблемы, хотя Дважды, тяжело дыша, со стонами металась от прибора к прибору и была медлительна в управлении подходящим кораблем. Но все прошло благополучно. И большой грузовой корабль-пузырь появился там, где должен был, и даже точно вовремя.

Весь этот процесс занял почти двенадцать часов. Для Два-

жды это были часы непрерывного труда. У Капитана было меньше дел, поэтому он мог следить за ней. Видел, как ее медная кожа приобретает пурпурный цвет неразделенной любви и одновременно темнеет от усталости. Это его беспокоило. Они оказались такими неподготовленными к внезапному вызову! Если бы знали, что сложится чрезвычайная ситуация, Капитан прихватил бы второго оператора, и на Дважды не выпала бы такая тяжесть. И прежде всего они могли сразу вылететь в командном корабле и не тратить силы на смену судов. Если бы подумали... Если бы заподозрили... Если было бы хоть малейшее указание...

Но ничего этого не было. Да и как можно было догадаться. Даже по галактическому времени прошло всего несколько десятилетий с последней вылазки из укрытия в центре – мгновение астрономического времени, и разве можно было поверить, что за это время так много произойдет?

Капитан порылся в пищевых пакетах, нашел самую вкусную и легкоусвояемую еду и с любовью скормил ее Дважды. У нее не было аппетита. Движения ее стали еще медленнее и неувереннее, с каждым часом ей было все труднее двигаться. Но свою работу она выполняла. Когда наконец огромные крылья фотонного корабля свернулись, раскрылась большая пасть грузового пузыря, капсула с экипажем парусника скользнула в нее, Капитан вздохнул с облегчением. Для Дважды самая трудная работа кончилась. Теперь у нее есть возможность отдохнуть – может, даже удаст-

ся совершить вместе с ним то, чего требуют ее тело и душа.

Так как экипаж парусника ответил немедленно – для него немедленно, – ответ пришел до того, как захлопнулась большая сфера. Связист, Башмак, нажал клавишу, и на экране появилось сообщение:

Мы признаем, что должны прервать свой полет.

Мы просим доставить нас в такое место, где мы будем в безопасности.

Мы спрашиваем: возвращаются Убийцы?

Капитан сочувственно поджал живот. Башмаку он сказал: – Передай им: «Мы временно возвращаем вас в вашу систему. Если будет возможно, позже привезем вас снова сюда».

На лице Башмака появилось напряженное выражение.

– А как же их вопрос об Убийцах?

Капитан ощутил легкую дрожь в животе:

– Скажи им: еще нет.

Но на первом месте в сознании Капитана был не страх перед другими и даже не тревога о Дважды. У хичи было много общих с человечеством черт: любознательность, двуполая любовь, привязанность к семье, преданность детям, удовольствие от манипулирования символами. Но объем этих общих особенностей оказался неодинаков. Одной психологи-

ческой характеристикой хичи обладали в гораздо более выраженном виде, чем люди.

Совесью.

Хичи почти физически не могли нарушить обещания или позволить злу остаться неисправленным. Для хичи обитатели парусника представляли собой особый случай. Хичи были у них в долгу. Именно от них они узнали самый страшный факт, какой только приходилось им узнавать.

Хичи и обитатели парусников хорошо знали друг друга, хотя познакомились сравнительно недавно. И взаимоотношения их обернулись для медленных существ бедой. А для хичи тем более. Они никогда не могли забыть об этом.

В медлительных долгих годах этого народа рассказывалось о том, как в сладкой грязи их родной планеты неожиданно появились конические корабли хичи, ужасно твердые и ужасно быстрые. Они пронеслись через плавучие дома, вызвав кавитацию и значительный подъем температуры. Многие погибли. Много вреда было причинено, прежде чем хичи поняли, что здесь есть живые и разумные существа, хотя и очень медлительные.

Хичи были повергнуты в ужасное замешательство тем, что натворили. Они пытались исправить положение. Первым шагом послужило установление коммуникации, но это оказалось очень трудным. И решение этой задачи заняло много времени – много для хичи, хотя для самих обитателей планеты прошел короткий период, и прямо посреди одного жили-

ща осторожно и медленно опустилась жесткая горячая восьмиугольная призма. И сразу заговорила на понятном, хотя и смехотворно неправильном языке.

После этого события стали развиваться с молниеносной скоростью – для жителей грязи. Для хичи же следить за их жизнью – все равно что наблюдать рост лишайников. Капитан сам однажды побывал на их планете – газовом гиганте. Он был тогда не капитаном, а скорее юнгой, молодым, горячим любителем приключений, с тем неистощимым оптимизмом, с каким хичи смотрели в необозримое будущее, пока оно не обрушилось на них так ужасно. Он дважды посещал Землю и нашел там австралопитеков, он наносил на карты газовые облака и квазары, он отвозил строителей и экипажи на дальние объекты. Проходили годы. Проходили десятилетия. Медленно продвигалась работа по переводу с языка обитателей грязевых жилищ. Она могла бы идти и побыстрее, если бы хичи считали ее важной; но они так не считали. Но намного быстрее она все равно не пошла бы: не справились бы жители планеты.

Но работа оказалась интересной – в историческом, антиквариальном смысле. Ведь эти существа жили долго, очень долго. Их биохимические процессы протекали примерно в триста раз медленнее, чем у хичи или у людей. Исторические записи хичи уходили в прошлое на пять-шесть тысячелетий. Письменная история жителей грязи – в триста раз дольше. Почти два миллиона лет непрерывных последова-

тельных исторических данных. А самые ранние народные сказания, предания и эдды уходили в прошлое еще в десять раз дальше. Их переводить было не труднее современных, потому что у обитателей планеты грязи все, в том числе и язык, изменяется медленно, но соединенные умы, занимавшиеся переводом, считали их не очень интересными. И все откладывали работу над ними... пока не обнаружили, что в двух из них говорится о посещении из космоса.

Когда я думаю о всех тех годах, когда человечество жило под гнетом комплекса неполноценности — потому что хичи достигли многого и намного раньше, — я испытываю множество сожалений. Мне кажется, больше всего я жалею, что мы не знали о двух эддах. Я имею в виду не сами эдды, потому что они добавили бы нам хлопот, правда довольно отдаленных. Я говорю о том, как эти эдды отразились на моральном состоянии хичи.

Первая песнь была создана на самом рассвете цивилизации обитателей грязи и оказалась очень неясной и двусмысленной. В ней рассказывалось о посещении богов. Они явились, сверкая так ярко, что даже рудиментарные оптические органы жителей грязи смогли их увидеть; их окружало море энергии, грязь вскипала, и многие умерли. Больше они ничего не сделали, а улетев, не возвращались. Сама по себе песнь не имела особого значения; в основном в ней рассказывалось о некоем грязевом герое, который осмелился бро-

сить вызов богам и в качестве награды получил целую болотистую область планеты.

Вторая песнь оказалась более ясной. Она датировалась миллионом лет позже – почти в пределах исторического периода. В ней тоже рассказывалось о посетителях извне плотного домашнего мира, но на этот раз посетители оказались не просто туристами. Но и не завоевателями. Это были беженцы. На болотистую почву опустился один корабль, плохо подготовленный для жизни в холодном плотном ядовитом газе.

Здесь они скрывались. И оставались долго – по своим стандартам, больше ста лет. Настолько долго, что обитатели планеты успели их обнаружить и даже наладить с ними контакт. На беженцев напали чужаки-убийцы, горящие как пламя, владеющие оружием, которое давит и сжигает. Вся их родная планета обгорела. Все их космические корабли подверглись преследованию и были уничтожены.

И вот, когда поколения беглецов сумели выжить и даже умножиться, всем им пришел конец. Пылающие Убийцы отыскали их и испарили целый район планеты, чтобы погубить их.

Услышав эту песнь, хичи могли бы подумать, что это вымысел, если бы не один термин. Его оказалось нелегко перевести. Ему пришлось пережить и несовершенный языковой обмен, и прошедшие два миллиона лет. Но он их пережил.

Именно он заставил хичи бросить все свои дела и сосре-

доточиться на одном: подтверждении истинности старой эдды. Они искали планету беглецов и нашли ее – сгоревшую в лучах взорвавшегося солнца. Они искали и нашли артефакты предшествующей космической цивилизации. Немного. И не в очень хорошем состоянии. Но около сорока обломков и кусков расплавленных машин. Изотопный анализ показал, что они относятся к двум разным эпохам. Одна совпадала по времени с прилетом беглецов на планету грязи. Другая – на много миллионов лет древнее.

Они заключили, что рассказ правдив: существует раса Убийц; они уничтожают любую найденную космическую цивилизацию на протяжении более чем двадцати миллионов лет.

И хичи пришли к выводу, что эта раса существует по-прежнему. Потому что трудно поддававшийся переводу термин описывал расширение неба, которое пламенные существа остановили и повернули назад, чтобы звезды и галактики начали сталкиваться. Сделали они это с целью. И было невозможно поверить, что эти титаны, кем бы они ни были, не захотят увидеть результаты своих действий.

И яркая мечта хичи рухнула, и обитатели грязи запели новую сагу – сагу о хичи, которые навестили их, познали страх и убежали.

И вот хичи установили свои ловушки, скрыли большинство свидетельств своего существования и отступили в ды-

ру-убежище в центре Галактики.

В определенном смысле жители грязи были одной из таких ловушек. ЛаДзхаРи знал это; все они знали; именно поэтому он выполнил завет предков и сразу сообщил о соприкосновении с чуждым разумом. Он ожидал ответа, хотя прошли годы, даже во времени ЛаДзхаРи, с тех пор как последний раз появлялись хичи, да и то это была обычная быстрая проверка с помощью ТПП. Он также думал, что, получив ответ, не обрадуется ему. Весь эпический труд строительства и запуска межзвездного корабля, все столетия, уже затраченные на это долгое путешествие, – все зря! Правда, тысячелетний путь для ЛаДзхаРи не больше обычного плавания для капитана нантакетского китобоя; но и китобою не понравится, если его остановят посреди Тихого океана и отправят домой с пустыми руками. Весь экипаж был расстроен. Возбуждение было настолько велико, что часть членов экипажа невольно перешла в повышенное состояние, жидкая грязь настолько нагрелась, что началась кавитация. Одна из самок погибла. Один из самцов, ТсуТсуНга, был настолько деморализован, что стал хватать выживших самок, и совсем не для еды.

– Не делай глупостей, – взмолился ЛаДзхаРи. Для самца осеменение самки – а именно это и собирался сделать ТсуТсуНга – связано с такой затратой энергии, что угрожает жизни.

Для самок в этом нет угрозы – их тело для того и предна-

значено, чтобы нести оплодотворенное семя, но они, конечно, этого не знают, они, в сущности, вообще ничего не знают. Но ТсуТсу-Нга упрямо сказал:

– Если я не могу стать бессмертным в полете к другой звезде, по крайней мере могу стать отцом сына.

– Нет! Пожалуйста! Подумай, мой друг, – взмолился ЛаДзхаРи, – мы можем вернуться домой, если захотим. Вернемся героями в свои жилища, споем эдды, которые услышит весь мир... – Звук в грязи их домов передается как в море, и их песни разносятся далеко, как голоса китов.

ТсуТсуНга коснулся ЛаДзхаРи, кратко, почти презрительно.

– Мы не герои, – сказал он. – Уходи и дай мне закончить с этой самкой.

И ЛаДзхаРи неохотно оставил его и, уходя, прислушивался к затихающим звукам. Это правда. Они не герои, а неудачники.

Экипаж корабля не был лишен такой человеческой черты, как гордость. Им не нравилось быть... кем? Рабами хичи? Нет. Единственная служба, которой от них ждали, это сообщение о всяком контакте с космическим разумом. Они рады были сделать это и из-за самих себя, а не ради хичи. Если не рабы, то кто?

Подходило только одно слово – домашние любимцы, животные.

И поэтому в расовом сознании жителей грязи навсегда

остался некий налет, который они так и не смогли устранить, сколь бы героические подвиги ни совершали в межзвездных полетах в своих огромных медленных кораблях. Они знали, что они домашние животные. Задолго до хичи они уже были имуществом существ, не похожих ни на хичи, ни на людей, ни на них самих; и вот, когда поколения спустя сказители прокричали в слушающие машины свои эдды, обитатели газовой планеты увидели, что хичи убегают. Так что домашнее животное – это еще не самое плохое.

Итак, любовь и страх жили во всей вселенной. Потому что любовь (то, что служит любовью жителям грязи) повредила здоровью ТсуТсуНга и угрожала его жизни. Видя сны о любви, я лежал в своей палате, просыпаясь ежедневно меньше чем на час, пока мои новые внутренности срастались с организмом. В ужасе от любви Капитан смотрел, как худеет и темнеет Дважды.

Потому что после отправления грузового корабля Дважды не стало легче. Передышка пришла слишком поздно. Некоторыми познаниями в медицине у них обладал Взрыв, оператор черных дыр, но даже в условиях самой квалифицированной медицинской помощи женские особи редко способны пережить неразделенную любовь и одновременное большое напряжение сил.

Поэтому Капитан не удивился, когда Взрыв с сожалением сказал ему: «Она вошла в соединенные умы».

Не дешевая это вещь, любовь. Некоторые из нас получали ее и никогда не платили по счету, но это только значит, что счет оплачивает кто-то другой.

Людям хичи оставили только небольшие разведочные суда; они старательно скрывали свои корабли специального назначения. Например, транспорт-пузырь. Это всего лишь полая металлическая сфера, снабженная двигателем для полета быстрее света и навигационным оборудованием. Очевидно, с помощью таких кораблей хичи перемещали громоздкие грузы; людям такие корабли были бы очень полезны. Каждый транспорт-пузырь по грузоподъемности равнялся примерно тысяче кораблей класса «С.Я.». Десять таких кораблей в десять лет решили бы проблему перенаселения Земли.

Робин не очень много рассказывает об обитателях парусников, потому что сам знает мало. А жаль. Они очень интересны. Их язык состоит из односложных слов – один согласный, один гласный. Всего у них пятьдесят различных согласных и четырнадцать гласных и дифтонгов, поэтому для трехсложных форм, типа имен, у них $3,43 \times 10$ в восьмой степени комбинаций. Это много, особенно для имен, гораздо больше, чем всех самцов вместе взятых, а самкам они имен не дают.

Когда самец осеменяет самку, он производит ребенка мужского пола. Но это происходит редко, потому что при этом самец теряет огромное количество энергии. Неоплодо-

творенные самки рожают самок более или менее регулярно. Но рождение самца, однако, стоит им жизни. Они этого не знают, они вообще ничего не знают. И в эддах жителей гряди нет любовных историй.

Робин не очень хорошо объясняет, чего именно боялись хичи. Они заключили, что сокращение вселенной приведет к тому, что она снова сожмется в один атом, потом произойдет новый Большой взрыв и начнется новая вселенная. Далее они заключили, что в таком случае физические законы, действующие в этой вселенной, могут измениться.

Но их больше всего пугала мысль о существах, которые считают, что им будет лучше во вселенной с другими физическими законами.

14. Новый Альберт

Все в заговоре против меня, даже моя любимая жена, даже моя верная информационная программа. В те короткие периоды, когда они позволяли мне не спать, мне предлагался широкий выбор.

– Вы можете отправиться в больницу на исследование, – сказал Альберт, посасывая рассудительно свою трубку.

– Или можешь остаться и спать до тех пор, пока тебе не станет лучше, – сказала Эсси.

– Ага, – сказал я, – я так и думал! Вы держите меня без со-

знания. Прошло, наверно, уже несколько дней, как вы опоили меня и позволили разрезать. – Эсси избегала моего взгляда. Я благородно заявил: – Я тебя не виню, но, видишь ли, мне обязательно нужно взглянуть на эту штуку, которую обнаружил Уолтерс! Неужели непонятно?

Она по-прежнему не смотрела мне в глаза. Вместо этого посмотрела на голограмму Альберта Эйнштейна.

– Он сегодня энергичен. Лучше присматривай за этим хулиганом.

Изображение Альберта кашлянуло.

– Миссис Бродхед, медицинская программа не советует излишне вмешиваться на этом этапе.

– О боже! Если он не будет спать, он будет нас мучить днем и ночью! Все решено. Завтра ты отправляешься в больницу, Робин. – И все это время ее рука лежала у меня на затылке, поглаживала, ласкала: слова могут лгать, но в прикосновении невозможно скрыть любовь.

Поэтому я сказал:

– Я пойду тебе навстречу. Отправлюсь в клинику, но если пройду полную проверку физического состояния, ты больше не будешь возражать против моего выхода в космос.

Эсси молчала, взвешивая мои слова, но Альберт взглянул на меня.

– Мне кажется, это ошибка, Робин.

– Для того и существует человек, чтобы совершать ошибки. Что у нас на обед?

Видите ли, я рассчитал, что если продемонстрирую хороший аппетит, они примут это за добрый знак. Может, так и получилось. Я рассчитал также, что мой новый корабль не будет готов еще несколько недель, так что особенно торопиться некуда: я не собирался лететь в тесном вонючем пятиместнике, когда у меня скоро будет готова собственная космическая яхта. Но вот что я не рассчитал: я забыл, как ненавистны мне больницы.

Когда меня осматривает Альберт, он болометрически измеряет температуру, сканирует глаза и кожу в поисках признаков разрыва кровеносных сосудов, пропускает через мой торс гиперзвук, чтобы взглянуть на мои внутренние органы, и исследует то, что я оставляю в туалете, – биохимическое равновесие и состав бактерий. Альберт называет эти процедуры ненасильственными. Я – вежливыми.

Диагностические процедуры в больнице не заботятся о вежливости. Они весьма болезненны. Поверхность моей кожи обезболили, прежде чем углубляться внутрь. Там внутри не так уж много нервных окончаний, так что беспокоиться не о чем. Я ощущал только толчки, рывки и щекот. Но очень много, и к тому же я знал, что происходит. Светопроводы толщиной в волос заглядывали в мой живот. Пипетки, острые как иглы, брали образцы моих жидкостей и тканей. Изучались швы, оценивались рубцы. Все это заняло меньше часа, но мне показалось, что прошло много времени; и, честно говоря, я предпочел бы заниматься чем-нибудь другим.

Потом мне разрешили одеться и сесть в удобное кресло в присутствии настоящего живого врача. Позволили даже Эсси присутствовать при этом, но я не дал ей раскрыть рта. Начал первым:

– Что скажете, док? Когда я смогу отправляться в космос? Не в ракете. В петле Лофстрома, а от нее вреда не больше, чем от лифта. Видите ли, петля просто тащит вас по магнитной ленте...

Доктор поднял руку. Пухлый седовласый Санта-Клаус, с аккуратной, коротко подстриженной белой бородкой и яркими голубыми глазами.

– Я знаю, что такое петля Лофстрома.

– Хорошо, я рад этому. Ну?

– Ну, – сказал он, – обычно после такой операции, как у вас, мы советуем избегать подобных перегрузок в течение трех-четырех недель, но...

– О нет! Док, нет! – сказал я. – Пожалуйста! Я не хочу болтаться здесь целый месяц!

Он посмотрел на меня, потом на Эсси. Она не смотрела ему в глаза. Он улыбнулся.

– Мистер Бродхед, – сказал он, – я думаю, вам следует знать две вещи. Во-первых, часто желательно держать выздоравливающего пациента все время без сознания. Электрическая стимуляция мышц, массаж, хорошая диета, соответствующая медицинская помощь – все это не дает ухудшить функциональные способности организма, а для нервной си-

стемы весьма плодотворно. И для всего остального тоже.

– Да, да, – не очень заинтересованно согласился я. – А второе?

– Во-вторых, вас оперировали сорок три дня назад. Вы можете делать что угодно. Включая поездку в петле.

Было время, когда дорога к звездам начиналась в Гвиане, или на Байконуре, или на Мысе. Приходилось сжигать на миллион долларов жидкого водорода, чтобы выйти на орбиту, прежде чем переберешься на корабль, способный лететь действительно далеко. Теперь у нас на экваторе размещены петли Лофстрома, огромные паутинные сооружения, которые не видны, пока не окажешься совсем рядом с ними – ну, ближе двадцати километров; тут расположены стартовые и посадочные площадки спутников. Я с удовольствием и гордостью смотрел на петлю, когда мы кружили и снижались для посадки. Рядом со мной хмурилась и что-то бормотала Эсси, она работала над каким-то проектом – новая компьютерная программа, а может, план пенсионного обеспечения ее работников Большого Чона; не могу сказать, что именно, потому что делала она это на русском языке. На портативной консоли прямо передо мной Альберт демонстрировал мой новый корабль, медленно поворачивая изображение и называя данные о его вместимости, дополнительных устройствах, массе и удобствах. Так как я вложил немало миллионов и своего времени в эту игрушку, я был заинтересован,

но не настолько, чтобы забыть о предстоящем. «Позже, Альберт», – приказал я, и он послушно отключился. Я повернул голову, чтобы видеть петлю. Мы зашли на посадку. На ленте я видел капсулы, они двигались по трем полосам, набирали скорость, приближаясь к вертикальной части петли, и исчезали в голубизне. Прекрасно! Никакого химического топлива, никакого сгорания, повреждений озонового слоя. Нет даже затраты энергии, как при посадке аппарата хичи; кое-что мы делаем даже лучше, чем хичи!

В прошлом недостаточно было выйти на орбиту; приходилось совершать длительный Хоманновский перелет на астероид Врата. При этом бываешь испуган до предела: все знают, что изыскатели Врат либо богатеют, либо погибают; к тому же ты испытываешь космическую болезнь, проводишь в тесноте недели и месяцы, прежде чем доберешься до астероида; а главное – ты все поставил на карту, всем рискнул, лишь бы оплатить полет. А теперь нас на низкой околоземной орбите ждет чартерный трехместник хичи. Мы можем пересесть в него в своих летних рубашках и быть на пути к далеким звездам еще до того, как переварим последний земной обед. Да, можем, потому что у нас достаточно для этого денег и решимости.

Было время, когда выход в космическую пустоту был чем-то вроде игры в русскую рулетку. Единственная разница в том, что счастливый жребий мог обогатить вас – как это произошло со мной. Но чаще вас ждала смерть.

– Сейчас гораздо лучше, – вздохнула Эсси, когда мы выбрались из самолета и остановились, мигая на горячем южноамериканском солнце. – Где эта проклятая машина из проклятого блохастого отеля?

Я ничего не сказал о том, что она читает мои мысли. За время брака я к этому привык. Это не телепатия: всякий человек подумал бы то же самое, если бы занимался тем, чем все время занимаемся мы.

– Хорошо бы Оди Уолтерс полетел с нами, – сказал я, глядя на петлю запуска. Мы все еще были в нескольких километрах от нее, на берегу озера Тегигуальпа. Я видел отражение петли в воде озера, голубое в центре, зеленовато-желтое ближе к берегу, где посеяны съедобные водоросли. Очень красивое зрелище.

– Если ты хотел взять его с собой, не нужно было давать ему два миллиона, чтобы он гонялся за своей женой, – практично заметила Эсси. Потом, пристально взглянув на меня, спросила: – Как ты себя чувствуешь?

– Прекрасно, – ответил я. И почти не соврал. – Перестань обо мне беспокоиться. Когда в твоём распоряжении Полная Медицина Плюс, тебе не дадут умереть только потому, что ты достиг ста лет. Это плохо для бизнеса.

– Полная Медицина не очень поможет, – мрачно возразила она, – если пациент – отчаянный упрямец, гоняющийся за воображаемыми хичи! Ну вот, – повеселев, добавила она, – вот и машина, которая повезет нас к блохам. Садись.

Когда мы сели в машину, я наклонился и поцеловал Эсси в шею – это легко сделать, потому что она собрала свои длинные волосы в тугий пучок и закрепила чем-то вроде ожерелья. Так она готовилась к старту, понимаете? Она прижалась к моим губам.

– Хулиган. – Вздохнула. – Но хороший хулиган.

Отель на самом деле не рассадник блох. Нам дали удобный номер на верхнем этаже, выходящий на озеро и петлю. К тому же мы пробудем в нем всего несколько часов. Эсси принялась вводить свою программу в ПВ, а я отошел к окну, снисходительно говоря себе, что я вовсе не хулиган. Впрочем, это тоже не совсем верно: не подобает ответственному пожилому гражданину, обладающему немалым богатством и влиянием, устремляться в межзвездное пространство в поисках волшебства и приключений.

Мне пришло в голову, что Эсси не совсем понимает мотивы моих поступков. Возможно, она считает, что я ищу что-то другое.

А потом мне пришло в голову, что и моя точка зрения может быть ошибочной. Ищу ли я хичи на самом деле? Конечно. И все искали бы на моем месте: все очень интересуются хичи. Но не все оставили что-то в межзвездном пространстве. Неужели где-то в глубине моего сознания скрывается мысль, что я могу найти это безвозвратно утраченное? Я знал, что это такое. И знал, где потерял его. Но не знал, что стал бы с ним делать – точнее, с ней, – если бы снова

нашел ее.

И тут я ощутил во внутренностях не-совсем-боль. Она не имела никакого отношения к моим новым трем метрам кишок. Это была надежда – и страх, что каким-то образом в моей жизни снова может появиться Джель-Клара Мойнлин. Оказывается, я более эмоционально к этому отношусь, чем полагал. На глазах у меня навернулись слезы, паутинная структура петли в окне задрожала.

Но у меня нет никаких слез на глазах!

И это не оптическая иллюзия.

– Боже мой! – закричал я. – Эсси!

Она подбежала и встала рядом со мной, глядя на пламя, охватившее капсулу, на то, как содрогается все хрупкое сооружение. Послышался шум, одинокий слабый взрыв, похожий на далекий пушечный выстрел, а затем низкий медлительный долгий гром. Это разрывалась на части огромная петля.

– Боже мой! – слабо повторила Эсси, хватая меня за руку. – Террористы? – И сама себе ответила: – Конечно, террористы. Кто еще может быть таким подлым?

* * *

Я открыл окна, чтобы получше видеть петлю и озеро: хорошо, благодаря этому они не вылетели. Другим в отеле не так повезло. Сам аэропорт не пострадал, не считая того, что

был отброшен непривязанный самолет. Но все работники аэропорта были страшно напуганы. Они не знали, является ли нападение на петлю изолированным актом саботажа террористов или началом революции – никто, кажется, не верил, что, возможно, это просто несчастный случай. Действительно страшно. В петлях Лофстрома огромное количество кинетической энергии, свыше двадцати километров металлической ленты, весящей около пяти тысяч тонн, и все это движется со скоростью двенадцать километров в секунду. Из любопытства я позже спросил Альберта, и он ответил, что для приведения ее в работу нужно $3,6 \times 10$ в четырнадцатой степени джоулей. И когда петля разрушается, все эти джоули вырываются на свободу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.